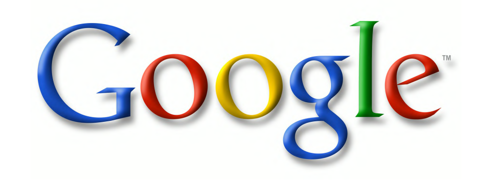

Google

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817
LIBRARIES

Ѳ. И. БУЛГАКОВЪ

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ

И

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ

ФОТОТИПИЧЕСКОЕ И АВТОТИПИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

П. А. ѲЕДОТОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1893

Фотографіи съ произведеній П. А. Ѳедотова, находящихся въ Москвѣ въ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ, въ галлереяхъ П. М. Третьякова и К. Т. Солдатенкова, исполнены К. А. Фишеромъ спеціально для этого изданія.

Фототипическія факсимиле исполнены въ художественномъ заведеніи А. И. Вильборга (Мѣщанская, 19).

Автотипіи—Ангерера и Гёшля въ Вѣнѣ и Ф. Кройса въ С.-Петербургѣ (Литейный, 52).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 апрѣля 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТЕКСТЪ

ИЛЛЮСТРАЦІИ

ПОРТРЕТЫ П. А. ӨЕДОТОВА

КАРТИНЫ, АКВАРЕЛИ И РИСУНКИ *)

*) Напечатанныя подъ картинами и рисунками поясненія въ стихахъ и прозѣ принадлежатъ П. А. Өедотову. О содержаніи сюжетовъ рисунковъ читатель можетъ найти всѣ необходимыя подробности въ перечнѣ художественныхъ произведеній Өедотова.

18. Послѣдствія смерти Фидельки (сепія).
19. Гулянье во время дождя въ Москвѣ (сепія).
20. Передняя пристава подъ праздникъ (акварель 1837 г.).
21. Портретъ графини Е. П. Ростопчиной (масл. краск.).
22. Мужской портретъ (?) (масл. краск.).
23. Портретъ отца художника (акварель).
24. Игроки (неоконченная акварель).
25. Во время холеры (акварель).
26. Старость и юность (?) (акварель).

} Въ галлереѣ П. М. Третьякова.

27. Прерванный завтракъ аристократа (картина—въ галлереѣ К. Т. Солдатенкова).
28. Пѣвица (акварель—неизвѣстно гдѣ находится).
29. Все холера виновата! (акварель въ библіотекѣ Академіи Художествъ).
30. Звѣзда возвѣщаетъ рожденіе генія живописи.
31. Зачатіе генія.
32. «Что ни шагъ, то расходы!»
33. Г. Муттершпигель (акушеръ) повторяетъ въ свободное время старыя свои академическія упражненія.
34. «Съ чѣмъ-съ—съ сынкомъ—дай Богъ ему!..»
35. Чрезвычайно быстрое развитіе способностей генія разстраиваетъ его здоровье.
36. «Жена молись, насъ слава ожидаетъ!»
37. «Система Галля. Бугоръ живописи развитъ чрезвычайно. Какая непомѣрная ширина лба!»
38. Воспитаніе генія.

} Рисунки карандашемъ изъ коллекціи А. И. Сомова.

39. Юный художникъ.
40. Капиталисты.
41. Неразборчивая невѣста.
42. Важная дама.
43. Любознательный племянникъ.
44. Моська-спасительница.
45. Невѣста съ разсчетомъ.
46. Быстрая подготовка.
47. Разспросы дворника.
48. Въ магазинѣ обуви.
49. Извощикъ и квартальный.
50. Музыка, которую смотрѣть надо.
51. Богомольный мужъ.
52. Ласковый подчиненный.
53. Пожеланіе.
54. Дѣвочка—лакомка.
55. Дѣва, отвѣдывающая водку.
56. Жена, скучающая безъ гостей.
57. Мужъ—непосѣда.
58. Что лучше—карты или сплетни?
59. Продается пустопорожнее мѣсто.
60. Жизнь на показъ.
61. Долго-ль до грѣха.
62. Чтеніе четьминеи.
63. Христосованіе до Петрова дня.
64. Львица.
65. Вася и брыська.
66. Умиленные супруги.
67. «Невѣстъ сюда!»
68. Жирный подмалевокъ.

} Рисунки карандашемъ изъ коллекціи А. И. Беггрова.

69. «Сафонычъ—на!» (акварель въ галлереѣ П. М. Третьякова).
70. Дѣвочка надѣваетъ на Ѳедотова чепчикъ.
71. Малярное искусство.
72. Какъ хорошо имѣть въ ротѣ портныхъ!
73. Встрѣча гостя.
74. Генералъ Вяткинъ.
75. Шмитъ на похоронахъ.
76. «Это ужасно пятая рота!»
77. Налѣво кру!...
78. 79 и 80. Какъ люди садятся.

} Рисунки карандашемъ изъ коллекціи А. И. Сомова.

О значенiи П. А. Ѳедотова и объ изданiи его произведенiй.

Бытовая живопись въ настоящее время и у насъ, какъ вездѣ, едва ли знаетъ себѣ какiе-либо предѣлы. Ничто человѣческое уже не чуждо жанристу. Онъ изображаетъ драматическiе и комическiе эпизоды, вторгается въ самый разгаръ жизни, почерпая свои сюжеты изъ окружающей дѣйствительности, въ чемъ бы ни проявлялась она, въ радостяхъ и удовольствiяхъ, въ трудѣ и страданiяхъ. Высокое и низменное, исповѣдальня и судбище, бальный залъ и больничная контора, будуаръ и школа, мастерская труженика и притонъ биржевыхъ спекулянтовъ, хижина бѣдняка и увеселительный „шато", дѣтская и кабинетъ ученаго, покойницкая и кладбище, даже скандальная и полицейская хроника—все даетъ пищу новѣйшему жанру. У насъ эта живопись быта и нравовъ получила права гражданства безъ всякой протекцiи офицiальнаго храма искусства. Небезъизвѣстно, что наша академiя художествъ, всегда оказывавшая особенное покровительство такъ называемой монументальной живописи, сюжетамъ историческимъ, преимущественно миѳологическимъ и библейскимъ, не очень давно перестала считать жанръ низкимъ родомъ искусства. И первыя попытки въ этой области, весьма естественно, были очень робки. Венецiановъ (1775—1846), котораго принято называть родоначальникомъ русскаго жанра, писалъ „крѣпостныхъ Венеръ и грацiй Вышневолоцкаго уѣзда" или сантиментальныя сцены, довольствуясь лишь благодушнымъ копированiемъ натуры безъ всякой мысли въ основѣ его. Послѣдователи его также не шли дальше идиличности и сантиментальничанья. Никто изъ нихъ не дерзалъ касаться явленiй дѣйствительной жизни, занимающихъ мысль, задѣвающихъ душу, подмѣчать темныя или комичныя несообразности современнаго имъ общества, ставить искусству практическую цѣль — исправлять, назидать, исцѣлять, просвѣтлять жизнь, его животворнымъ влiянiемъ удаляя изъ дѣйствительности все недостойное человѣка. Первымъ, кому посчастливилось именно такъ отнестись къ задачамъ жанриста, былъ Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ (1815—1852), и его въ данномъ случаѣ, какъ художника—бытописателя, вполнѣ позволительно назвать „Гоголемъ русской живописи", ибо онъ оживилъ и омолодилъ русскую живопись, которая до него блуждала въ сферахъ безплодiя и холода, въ оковахъ условности.

Художническую карьеру П. А. Ѳедотовъ началъ поздно. Тутъ мѣшали ему отчасти служба — десять лѣтъ онъ пробылъ офицеромъ л.-гв. Финляндскаго полка,—а частью его сомнѣнiя въ наличности дѣйствительнаго таланта. На самомъ дѣлѣ онъ былъ высокоталантливой артистической натурой, обладавшей дарованiемъ не только къ живописи, но къ литературѣ и музыкѣ. При этой артистической разносторонности онъ отличался выдающимся умомъ и благородной душой. Однако, влеченiе все таки взяло свое. Въ 1844 г. онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя живописи, являя собою примѣръ рѣдкостнаго трудолюбiя и добросовѣстности. Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, Ѳедотовъ тщательно провѣрилъ свою пригодность къ дѣлу искусства. Его акварельные рисунки были одобрены многими знатоками. Портреты онъ рисовалъ быстро, и они отличались разительнымъ сходствомъ. Огромная способность къ сочиненiю сказывалась въ самомъ легкомъ наброскѣ его. Въ живописи его направленiе опредѣлилось не сразу. Сперва онъ работалъ подъ руководствомъ баталиста профессора Зауервейда, усердно изучалъ анатомiю лошади и помышлялъ сдѣлаться живописцемъ военныхъ сценъ. Но уже тогда онъ чаще всего рисовалъ сюжеты нравственно-сатирическiе и воспроизводилъ сцены изъ доступной его наблюдательности общественной жизни Петербурга и Москвы, которую зналъ съ дѣтства, какъ ея уроженецъ и воспитанникъ московскаго кадетскаго корпуса, да и военную живопись онъ понималъ по-своему, и такъ называемыхъ баталическихъ картинъ рисовать никогда не гото-

вился. Его нисколько не соблазняли какіе-либо эфектные сюжеты. Наблюдательность его стремилась проникнуть какъ бы въ самую глубь души человѣческой, останавливаясь передъ тѣмъ, что отзывалось или драматичностью, или комизмомъ. Какой богатый запасъ наблюденій въ окружавшей его жизни онъ съумѣлъ сдѣлать, это видно по его эскизамъ и наброскамъ, напечатаннымъ здѣсь. Все имъ подмѣченное изображалось съ удивительной тонкостью, съ простодушнымъ юморомъ или горькимъ сарказмомъ, въ характернѣйшихъ сценахъ, преисполненныхъ тонкой наблюдательности и глубокой ироніи. Немудрено, что И. А. Крыловъ, увидавшій такіе рисунки Ѳедотова, поощрилъ его посвятить себя жанру, какъ и К. П. Брюлловъ, поближе ознакомившись съ работами его, посовѣтовалъ тоже. Это и была настоящая область Ѳедотова. Въ ней онъ и нашелъ свое истинное призваніе. Въ 1847 г. онъ впервые рѣшился заявить себя передъ публикой. На выставкѣ въ Академіи Художествъ появились его двѣ картины—„Свѣжій кавалеръ" (въ каталогѣ именовалась „Послѣ пирушки") и „Разборчивая невѣста" („Горбатый женихъ"), а черезъ годъ къ этимъ картинамъ прибавилась третья — „Сватовство маіора", положившая начало славѣ ея автора. Шумный успѣхъ „Маіора" могъ вполнѣ разсѣять всякія сомнѣнія П. А. насчетъ недостаточности таланта, и Ѳедотовъ сталъ работать еще болѣе дѣятельно и усиленно. По свидѣтельству его близкихъ людей, онъ работалъ такъ, что даже смотрѣть было страшно—утромъ, вечеромъ, ночью, при лампахъ, при солнечномъ свѣтѣ, живя въ холодѣ и впроголодь, не давая себѣ ни пощады, ни снисхожденія, ни отдыха. Этотъ неутомимый и изнуряющій трудъ, при постоянномъ напряженіи мысли и творческой фантазіи, при бѣдности и всякаго рода лишеніяхъ, при заботахъ о любимомъ престарѣломъ отцѣ съ его бѣдной семьей, скоро въ конецъ подорвали крѣпкое здоровье П. А. Весной 1852 г. онъ заболѣлъ душевнымъ недугомъ, а 14 ноября того же года его не стало. Такова вкратцѣ художническая карьера этого замѣчательнаго человѣка. Всего 8 лѣтъ онъ спеціально занимался своимъ искусствомъ, а сколько успѣлъ сдѣлать и что могъ бы создать въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, о томъ свидѣтельствуетъ напечатанный ниже подробный перечень его работъ и зачатковъ художественныхъ мыслей.

Съ подробностями о происхожденіи и развитіи артистическаго призванія этого несравненнаго художника знакомятъ его автобіографическая записка, напечатанная М. П. Погодинымъ въ „Москвитянинѣ" (1853 г.) и „Воспоминаніе" о немъ А. В. Дружинина (напечатано было также въ 1853 г. въ „Современникѣ" и перепечатано въ „Сочиненіяхъ" этого писателя, VII т.). Не смотря на кажущуюся давность этихъ матеріаловъ, они и по сіе время остаются главными и единственными источниками для характеристики кратковременной, но весьма плодотворной и поучительной карьеры Ѳедотова, а потому и приводятся ниже—автобіографическая записка цѣликомъ, этюдъ Дружинина въ извлеченіяхъ. Изъ другихъ печатныхъ матеріаловъ заслуживаютъ вниманія: „Нѣсколько словъ о Ѳедотовѣ" А. О. въ „Свѣтописи" 1858 г., изъ которыхъ также сдѣлано извлеченіе, статья В. В. Толбина въ „Пантеонѣ", составленная отчасти на основаніи показаній лицъ, близко знавшихъ Ѳедотова, и въ самое недавнее время появившіяся „Воспоминанія" Л. М. Жемчужникова („Артистъ" 1893 г., №3), откуда приведено то, что относится къ душевной болѣзни Ѳедотова. Все остальное, что появилось въ печати о жизни и дѣятельности П. А., за исключеніемъ обстоятельнаго обзора всѣхъ работъ его, сдѣланнаго А. И. Сомовымъ („Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ", Спб., 1878 г.), на повѣрку оказывается лишь перифразомъ показаній самого художника или воспоминаній его друга, Дружинина, если, конечно, не принимать въ разсчетъ попадающихся кое-гдѣ въ этихъ компиляціяхъ и статьяхъ критическихъ замѣчаній о произведеніяхъ Ѳедотова, не всегда оправдываемыхъ обстоятельствами его жизни и наглядымъ знакомствомъ съ плодами его творчества.

Во всѣхъ оцѣнкахъ Ѳедотова въ особую честь его генію ставится то, что онъ обѣщалъ сдѣлаться русскимъ Гогартомъ. Но, не смотря на всѣ пункты соприкосновенія между нимъ и Гогартомъ, тутъ ясно замѣтна и нѣкоторая разница, и не въ пользу англійскаго юмориста-карикатуриста. Сходство ограничивается какъ однородными условіями артистическаго развитія того и другаго, такъ и отличительными чертами артистической дѣятельности обоихъ.

Какъ талантъ и наблюдательность Гогарта развивались уличной жизнью, такъ и Ѳедотовъ съ успѣхомъ прошелъ тотъ же университетъ (см. его автобіографическую записку и извлеченія изъ „Воспоминанія" Дружинина). Для своего артистическаго воспитанія оба пользовались портретами, только какъ моделями. Оба на своемъ пути не имѣли другихъ предшественниковъ, кромѣ голландскихъ мастеровъ, терпѣливыхъ и тонкихъ живописцевъ нравовъ и быта. Оба пошли дальше своихъ учителей, внесши въ свои произведенія новый элементъ — дѣйствіе, эмоцію, драматичность. Большое сходство у Ѳедотова съ Гогартомъ — еще въ трудолюбіи, наблюдательности, въ осмысленномъ отношеніи къ своимъ работамъ.

Но за то Гогарта нельзя причислить къ истиннымъ геніямъ. Онъ не избѣжалъ одного зауряднаго заблужденія, которому нерѣдко поддаются лишенные цѣльности таланты и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Это—фальшивое почтеніе не столько къ дарованію, какое видишь передъ собой, сколько къ тому роду искусства, въ какомъ упражняется это дарованіе. Какъ Гогартъ, такъ и другіе выдающіеся спеціалисты жанра, заграничные и отчасти русскіе, повинны въ этомъ грѣхѣ,—они пытались пробовать свои силы въ монументальной живописи, и опыты эти обыкновенно оказывались жалкими и запоздалыми. Такое заблужденіе было чуждо цѣльной артистической натурѣ Ѳедотова.

Продолжая сравненіе съ Гогартомъ, позволительно спросить, достойно ли истиннаго художника такъ жадно добиваться отъ парламента исключительнаго закона для охраны своей артистической собственности, какъ дѣлалъ это Гогартъ, или на смертномъ одрѣ въ послѣднемъ прости, обращенномъ къ женѣ, предупреждать ее: „не продавать дешевле 500 фунт. стерл. такое-то произведеніе"? Можно ли назвать истинно артистической натурой того регулярнаго труженика, который отдаетъ искусству только извѣстные часы дня съ единственнымъ разсчетомъ по выгоднѣе воспользоваться свѣжестью своихъ силъ. Гогартъ, какъ показываетъ его біографія, никогда не зналъ никакихъ увлеченій, свойственныхъ артистическимъ натурамъ, не

поддавался запою гигантской работы, никогда не предавался оргіи творческой силы, не проявлялъ ни вдохновенія, ни каприза. Какъ не похожъ на него во всемъ этомъ русскій жанристъ! Фантазія Гогарта была не изъ блестящихъ. Онъ размѣщаетъ свои персонажи, срисованные съ натуры, съ заранѣе предвзятой цѣлью подчеркнуть свою моральную тенденцію. Одинъ критикъ не даромъ назвалъ его „компиляторомъ психологическихъ фактовъ". Это и есть, пожалуй, его настоящая профессія, и онъ остается талантливымъ рисовальщикомъ и второстепеннымъ моралистомъ; какъ живописецъ, онъ даже не занимаетъ опредѣленнаго мѣста въ исторіи англійскаго искусства. Успѣхъ его объясняется тѣмъ, что онъ былъ предтечей той школы, которая достигла потомъ полнаго тріумфа. Въ эпоху, когда лжеклассицизмъ въ искусствѣ клонился къ своему концу, а романтизмъ едва заявлялъ о себѣ, Гогартъ былъ исключительно реалистомъ.

Какой цѣльной артистической натурой былъ нашъ русскій юмористъ въ сравненіи съ этимъ англійскимъ, какой глубиной и какимъ удивительнымъ блескомъ отличалось его творчество, объ этомъ позволяютъ судить какъ приводимыя въ „Воспоминаніяхъ" Дружинина черты изъ жизни Ѳедотова, такъ и цѣлый рядъ напечатанныхъ здѣсь его произведеній, гдѣ, по справедливому замѣчанію Дружинина, грація идетъ рядомъ съ энергіей, сатира съ страстью, сила концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ. Ѳедотовъ тоже былъ реалистомъ, но его реализмъ никогда не впадалъ въ житейскую посредственность и облагораживался чистотой нравственныхъ намѣреній, которыя равносильны вкусу, и истинно фламандскимъ исполненіемъ своихъ твореній, которое придаетъ жанровымъ картинамъ, по мѣрѣ ихъ устарѣлости, значеніе и авторитетъ картинъ историческихъ. Помимо того, всѣ работы нашего геніальнаго жанриста интересны и важны, какъ яркіе свѣточи, озарившіе путь къ обновленію русской живописи. „Ѳедотовъ не имѣлъ ни учениковъ, ни непосредственныхъ послѣдователей", говоритъ А. И. Сомовъ. Но онъ открылъ новую, никѣмъ до него еще нетронутую въ русской живописи жилу національности и сатиры, показалъ примѣръ удачной ея разработки и оставилъ ее въ наслѣдіе возникшимъ послѣ него талантамъ. Не будь Ѳедотова, наврядъ ли наше искусство обратилось бы такъ скоро и рѣшительно отъ школьныхъ, измышленныхъ, чуждыхъ общественнаго интереса задачъ къ изученію современнаго быта, къ обличенію его недостатковъ, къ указанію на свѣтлыя стороны русской жизни. Безъ Ѳедотова еще долго, быть можетъ, не гордилась бы наша художественная школа такими произведеніями, каковы труды Перова, Прянишникова, Трутовскаго, Чернышева, Ѳ. Маковскаго и многихъ другихъ жанристовъ. Въ этомъ отношеніи заслуги Ѳедотова и его право на благодарную память потомства огромныя".

Въ настоящемъ изданіи, посвященномъ П. А. Ѳедотову, впервые собраны въ фототипическихъ и автотипическихъ репродукціяхъ не только произведенія его, имѣющіяся въ общественныхъ хранилищахъ (въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, въ галлереѣ П. М. Третьякова, въ Академіи Художествъ, въ Михайловскомъ дворцѣ), но и все то изъ его работъ, что возможно было добыть изъ частныхъ коллекцій (К. Т. Солдатенкова, А. И. Сомова и А. И. Бегрова). Относительно репродукцій съ нихъ нельзя умолчать, что лучше передать воспроизведенные оригиналы было бы тѣмъ болѣе затруднительно, что нѣкоторыя изъ картинъ сильно зажухли или потрескались, а большинство рисунковъ Ѳедотова — на простой писчей бумагѣ, много пострадавшей отъ времени. Изъ существеннаго лишь весьма немногое не могло попасть въ эту галлерею Ѳедотова, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, справившись съ помѣщеннымъ ниже спискомъ всѣхъ его работъ, который раньше былъ напечатанъ А. И. Сомовымъ при его упоминавшемся очеркѣ, и до сихъ поръ не утратилъ своего значенія, ибо тѣ перемѣны, какія внесены въ немъ здѣсь согласно съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ приведено въ извѣстность за послѣднія пятнадцать лѣтъ, немногочисленны.

Объяснительный текстъ къ воспроизведеннымъ здѣсь картинамъ, акварелямъ, эскизамъ и карандашнымъ рисункамъ принадлежитъ самому художнику, обладавшему и литературнымъ талантомъ, явно обнаруживающимся какъ въ его стихотворныхъ опытахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе напечатаны здѣсь, такъ и въ обширномъ рядѣ мѣткихъ юмористическихъ и саркастическихъ подписей и діалоговъ. Въ этомъ коментированіи слабостей и несообразностей людскихъ нерѣдко видна удивительная гибкость и оригинальность мысли художника. Правда, литературные опыты Ѳедотова не всегда достаточно отдѣланы, но самъ онъ не придавалъ имъ особой важности и не думалъ печатать ихъ. Когда въ Москвѣ картина его „Сватовство маіора" производила такой же фуроръ, какъ и въ Петербургѣ, а объяснительная къ ней поэма того же имени въ рукописи ходила по рукамъ и вызывала восторги, Ѳедотовъ поспѣшилъ оградить себя отъ неумѣстныхъ похвалъ его литературному дарованію и написалъ приведенное ниже стихотвореніе „Къ моимъ читателямъ стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ". Литературная скромность его подтверждается и „Стихотвореніемъ въ альбомъ". Тѣмъ не менѣе при изданіи произведеній Ѳедотова нельзя оставить безъ вниманія и литературныхъ опытовъ его. Помимо того, что они любопытны и по выраженнымъ въ нихъ мыслямъ, и по ихъ нравственному направленію, они нѣчто неотдѣлимое отъ личности автора, представляя автобіографическій интересъ, какъ выраженіе настроенія души художника или имѣя непосредственное отношеніе къ картинамъ его, которыя разъясняются этими стихотвореніями. Въ отношеніи автобіографическомъ особенно замѣчательны басни: „Пчела и Цвѣтокъ" и „Тѣнь и Солнце". Въ первой подъ видомъ „Цвѣтка" нужно разумѣть художника, лишеннаго средствъ къ полнѣйшему расцвѣту его таланта и потому вынужденнаго прозябать въ тѣни на положеніи посредственности. Вторую басню можно такъ понимать: „Тѣнь"—это обстоятельства, парализующія развитіе таланта; въ такихъ высокихъ сферахъ, откуда свѣтитъ благодатное солнце, какъ бы не существуетъ понятія о тѣни, которая лишается солнечныхъ лучей, озаряющихъ и согрѣвающихъ всѣхъ одинаково, и потому талантъ въ этихъ сферахъ, отъ самого „Солнца", не встрѣчаетъ себѣ ни сочувствія, ни помощи противъ гнетущихъ его обстоятельствъ. Ярче трудно выразить взглядъ самого художника на безвыходно роковое положеніе своего таланта. Кромѣ стиховъ юмористическихъ и нравственнаго содержанія, Ѳедотовъ сочинялъ пѣсни и романсы, перекладывалъ ихъ на музыку и пѣлъ своимъ звучнымъ и пріятнымъ

теноромъ, играя или на своей любимой гитарѣ, или на фортепіано. Изъ этихъ музыкальныхъ мотивовъ напечатаны здѣсь: „Душенька“ или „Идеальная любовь“, „Куку“ и „То ли дѣло егеря“.

Въ заключеніе считаю долгомъ заявить о своей глубокой признательности за содѣйствіе выполненію этого изданія. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михаиловна милостиво соизволила разрѣшить снять для настоящаго изданія фотографію съ одного изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній Ѳедотова—„Встрѣча великаго князя Михаила Павловича въ лагерѣ л.-гв. Финляндскаго полка“, и съ этой цѣлью акварель изъ Каменностровскаго дворца перемѣщена была въ покои Ея Высочества въ Михайловскомъ дворцѣ. П. М. Третьяковъ и К. Т. Солдатенковъ любезно дозволили сфотографировать находящіеся въ ихъ галлереяхъ картины и рисунки Ѳедотова. При фотографированіи этихъ произведеній, а равно и картинъ, находящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, истинно товарищескую услугу оказалъ мнѣ Е. Л. Кочетовъ (Русскій Странникъ), своей энергіей добившись возможнаго ускоренія съемки Ѳедотовскихъ работъ въ Москвѣ. Графъ И. И. Толстой весьма сочувственно отнесся къ этому изданію и далъ возможность украсить его акварелью Ѳедотова, которая оказалась въ альбомѣ рисунковъ, поступившихъ въ библіотеку академіи художествъ отъ профессора Н. И. Уткина. А. И. Сомовъ съ полной готовностью не только предоставилъ въ мое распоряженіе свою превосходную коллекцію Ѳедотовскихъ рисунковъ, но и обязательно содѣйствовалъ тому, что А. И. Беггровъ любезно согласился на воспроизведеніе своего собранія рисунковъ.

Ѳ. Булгаковъ.

П. А. ѲЕДОТОВЪ

Съ литографіи портрета изъ «Портретной галлереи Мюнстера».

Автобіографическая записка П. А. Ѳедотова*).

„Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ родился въ Москвѣ, у Харитонія въ Огородникахъ; въ Москвѣ же въ корпусѣ былъ кадетомъ. Всего охотнѣе занимался онъ математикою и химіею, но въ то же время, въ числѣ нѣсколькихъ, считался способнымъ къ живописи. Въ 1833 году при выпускѣ первымъ въ гвардію, былъ однакожъ отмѣченъ въ рисованьѣ и черченіи ситуаціонныхъ плановъ лѣнивымъ.

Необходимо подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и сидя больше дома, пищи для своихъ занятій естественно долженъ былъ искать онъ въ себѣ самомъ. Вѣроятно, уже и парадный, выпускный актъ, съ музыкой, и первая роль, которую онъ игралъ здѣсь, при многочисленномъ собраніи,—пробудили въ ребяческой душѣ сознаніе собственной силы, а затѣмъ—желаніе дѣйствовать. Поэтому, книги, не могшія доставить этого, оставлены имъ были для карандаша, силу котораго онъ испыталъ еще и въ корпусѣ, гдѣ гордо поправлялъ рисунки другихъ, и за это получалъ булки. За свои же рисунки булокъ получать было не съ кого, и потому они всегда были неокончены, за что и отмѣченъ онъ лѣнивымъ. И вотъ первымъ опытомъ его передразнивать натуру—былъ простой и пустой видъ изъ окна; потомъ карандашъ задѣлъ и прохожихъ. Далѣе, онъ упросилъ одного изъ снисходительныхъ товарищей посидѣть смирно, и срисовалъ его очень похоже; это возбудило охоту посидѣть смирно и въ другихъ,—похоже опять и опять, и вотъ стали уже говорить, что портреты, которые рисуетъ Ѳедотовъ, всегда похожи. Самолюбіе было затронуто, и близкое сосѣдство (на Васильевскомъ острову) между Академіей и л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, въ которомъ служилъ Ѳедотовъ, дало ему возможность въ свободные дни ходить на вечерніе классы въ Академію—поучиться.

Дорога сюда открыта всякому. Такимъ образомъ, хотя прерывисто, но съ любовію посѣщалъ Ѳедотовъ рисовальный классъ, познакомился съ художниками, кой-чего понабрался отъ нихъ, накопилъ нѣсколько тетрадокъ разныхъ сценъ изъ обыкновенной жизни, и началъ замышлять сдѣлать цѣлую картину акварелью.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, облегченный отъ тяжкой болѣзни, возвратился тогда изъ-заграницы и обходилъ лагерь своихъ любимцевъ-гвардейцевъ, по-отечески. Нестройными, но живописными группами тѣснились вкругъ него гвардейцы, лѣзли на пирамиды, на плечи товарищей, чтобъ увидѣть въ лицо своего

*) Написанная имъ въ 1848 г., въ третьемъ лицѣ, была напечатана М. П. Погодинымъ въ «Москвитянинѣ» 1853 г.

Отца-командира. Добродушное—ура!, шапки въ воздухѣ, давка, бѣготня—сюжетъ славный!... Онъ задѣлъ за живое на первомъ порывѣ художника, и Ѳедотовъ съ терпѣніемъ выполнилъ его въ живыхъ лицахъ. Трудъ удостоился быть принятъ виновникомъ торжества, и доставилъ художнику бриллiантовый перстень. Этимъ перстнемъ окончательно припечаталось къ душѣ Ѳедотова художественное самолюбіе.

Но служба должна была идти своимъ порядкомъ, а между тѣмъ, на досугахъ, затѣяна художникомъ другая картина въ лицахъ: Освященіе знаменъ въ обновленномъ (Зимнемъ) дворцѣ. Нѣсколько гг. генераловъ и первый планъ рядовыхъ уже оконченъ; но вотъ командировка, учебная команда,—къ службѣ надобно удвоенное вниманье, и—прощай рисованье!... Но вотъ назначается смотръ; великій князь остался доволенъ—хотя не всѣми; нашему служивому удалось однакожъ попасть въ хорошіе, заслужить благоволеніе великаго князя, и отъ завѣдывавшаго командою начальника корп. штаба генералъ-адъютанта Петра Ѳедоровича Веймарна получить увѣреніе, что за наше усердіе, въ случаѣ нужды, дверь его не будетъ заперта ни для кого изъ насъ. На другой же день Ѳедотовъ отправляется къ доброму начальнику съ начатой картиной, и, ради ея, проситъ выхлопотать ему что-нибудь на рисовальныя удобства.

Веймарнъ назначаетъ ему на другой день явиться съ начатою картиною въ Михайловскій Дворецъ: Ѳедотовъ явился и представленъ былъ великому князю.

Великій князь удостоилъ его трудъ представить Царю, и Царь рѣшилъ милостивымъ указомъ: удостоивъ вниманія способности рисующаго офицера,—предоставить ему добровольное право оставить службу и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по 100 р. асс. въ мѣсяцъ, и потребовать отъ него письменнаго на это отвѣта. Такой милости офицеръ не смѣлъ еще радоваться вполнѣ, не испытавъ себя, постоянно ли его художественное стремленіе, въ состояніи ли онъ будетъ оправдать эту милость, что и заставило его просить годъ или полтора на испытаніе себя въ этомъ отношеніи.

Наслѣдникъ Цесаревичъ (покойный Императоръ Александръ Николаевичъ) пожелалъ имѣть работы Ѳедотова нѣсколько бивуачныхъ сценъ изъ командуемой имъ дивизіи, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на досугахъ отъ службы, была выполнена Ѳедотовымъ картинка акварелью: Бивуакъ л.-гв. Павловскаго полка въ лицахъ, а потомъ, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—Бивуакъ л.-гв Гренадерскаго: обѣ удостоились похвалъ его высочества, щедрой награды и благосклоннаго отвѣта на прошеніе,—можетъ ли онъ Ѳедотовъ воспользоваться обѣщанною монаршею милостію. Получивъ разрѣшеніе, Ѳедотовъ вышелъ въ отставку въ январѣ 1844 года, ровно черезъ десять лѣтъ службы.

Дорогу въ рисовальные классы онъ уже хорошо зналъ. Сверхъ того, думая сдѣлаться баталистомъ, началъ онъ изучать коня, со скелета; но страсть къ нравственно-критическимъ сценамъ изъ обыкновенной жизни, прорывавшаяся въ немъ еще и прежде,—теперь, когда получилъ онъ поощрительный отзывъ и благословеніе на дѣло народнаго нравоописателя отъ И. А. Крылова,—теперь страсть эта на свободѣ развилась вполнѣ, такъ что профессоръ его Зауервейдъ (баталистъ) нашелъ не лишнимъ предоставить ученика его собственному влеченію. И тогда-то начали появляться у Ѳедотова уже сложные эскизы, а черезъ три года этюдныхъ начались пробы писанія въ миніатюрѣ масляными красками. Для практики онъ переписалъ этой манерой портреты почти всѣхъ своихъ знакомыхъ, и потомъ принялся за несложныя картины. Сперва написалъ Утро чиновника, получившаго вчера орденъ; трудился надъ ней мѣсяцевъ 9. Потомъ написалъ Разборчивую невѣсту, на которую употребилъ времени нѣсколько менѣе, и представилъ ихъ со страхомъ и трепетомъ на судъ Академіи.

Но каково было его удивленіе, когда черезъ нѣсколько дней подходитъ къ нему съ приглашеніемъ отъ Брюллова ученикъ его Баскаковъ, и Ѳедотовъ, явясь къ Брюллову, встрѣченъ былъ самыми лестными похвалами! Картины были на лицо,—онѣ находились на квартирѣ больного тогда Брюллова, которому кто-то изъ профессоровъ,—кажется, А. Т. Марковъ,—принесъ, какъ что-то стоющее вниманія *).

Между тѣмъ начата уже была картина Женитьба маіора. Совѣтъ Академіи нашелъ ее стоющею быть обращенной въ программу на званіе академика. Но, по дороговизнѣ матеріальныхъ средствъ въ картинахъ подобнаго рода, какъ-то: лицъ, костюмовъ и всей обстановки до мелочей, которые или берутся на часы съ значительною платою, или покупаются, чтобъ картина была сдѣлана непремѣнно съ натуры,—Академія, зная, что всего этого нельзя имѣть изъ содержанія по 100 р. асс. въ мѣсяцъ, исходатайствовала Ѳедотову у президента пособіе въ 700 р. асс. на окончаніе картины, и, по окончаніи ея, признала Ѳедотова въ званіи академика.—Кто былъ на прошлогодней выставкѣ, тотъ знаетъ вліяніе этихъ картинъ на публику. Вѣроятно, онъ около нихъ не озябъ".

---

*) Раньше этого, числясь на службѣ въ Финляндскомъ полку, П. А. Ѳедотовъ, почувствовавъ влеченіе къ живописи, обращался за совѣтомъ къ К. П. Брюллову. Но тогда нашъ знаменитый художникъ отнесся скептически къ порывамъ молодого гвардейца. «Я хочу посвятить себя живописи» сказалъ Ѳедотовъ Брюллову. «Не совѣтую, отвѣчалъ опытный художникъ, вамъ 25 лѣтъ, поздно пріобрѣтать механизмъ, технику искусства, а безъ нея что же вы сдѣлаете, будь у васъ бездна воображенія и таланта. Двухъ только художниковъ мы знаемъ въ исторіи живописи, которые принялись за краски въ тридцать лѣтъ, и достигли однако цѣли. Но попытайтесь, пожалуй, чего не можетъ твердая воля, постоянство, трудъ!» И Ѳедотовъ вышелъ въ отставку, закрылъ глаза отъ всѣхъ почестей и выгодъ, какіе обѣщала ему служба, скинулъ золотые эполеты, надѣлъ парусинный фартукъ, засучилъ рукава, взялъ въ руки палитру и принялся за работу. По свидѣтельству Погодина, («Москвитянинъ» 1853 г.), Ѳедотовъ работалъ, не зная ни дня, ни ночи, въ захолустьѣ, на чердакѣ, подъ слуховымъ окошкомъ, и достигъ того, что заслужилъ похвалы отъ Брюллова.

Изъ Воспоминанія А. В. Дружинина о П. А. Ѳедотовѣ 1853 *).

Художникъ Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ, скончавшійся, послѣ тяжкой болѣзни, въ ноябрѣ 1852 года, принадлежитъ къ числу людей, жившихъ и трудившихся не напрасно. Заслуги покойнаго, какъ художника, слишкомъ извѣстны всякому, кто сочувствуетъ русскому искусству; жизнь его есть пѣснь героической поэмы, богатая поученіемъ. Эта жизнь, вся отданная высокому и прекрасному, лучше всѣхъ твореній Ѳедотова. Судьбѣ угодно было прекратить существованіе художника на самой первой ступени заслугъ и извѣстности; только ближайшіе изъ друзей Павла Андреича могутъ сказать о томъ, какъ слабы, ничтожны были его превосходные начатки передъ тѣми неистощимыми сокровищами, которыя зрѣли въ умѣ его. Только они сознавали съ ясностью, что будущіе труды нашего соотечественника, можетъ быть, превзойдутъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта. Только имъ передавались проэкты будущихъ произведеній, изумительныхъ по мысли, вдохновенно задуманныхъ. Только они по временамъ могли дивиться, глядя на бѣглые очерки, въ которыхъ достоинства, по видимому, самыя противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ, выказывались съ рѣзкостью, приводящею въ изумленіе. Многіе изъ жителей Москвы и Петербурга любовались большимъ альбомомъ Ѳедотова; но немногіе знаютъ, что изъ всего этого альбома только двѣ или три вещи нравились самому художнику, между тѣмъ какъ другое, несравненно прекраснѣйшее собраніе будущихъ картинъ существовало въ головѣ его. Многіе ли изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или небрежныхъ трудовъ, гдѣ грація шла рядомъ съ энергіею, сатира съ страстью, сила концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ подробностямъ? Если кто нибудь изъ нихъ и дѣлалъ предположенія насчетъ того, какимъ блескомъ должна была въ скоромъ времени озариться художническая карьера Ѳедотова, такія предположенія все-таки не могли подходить къ истинѣ. Какъ геніальный полководецъ, посреди глубокой тишины окружившій непріятеля, стянувшій всѣ свои силы, изучившій каждый шагъ боевой мѣстности, нашъ художникъ выжидалъ только часа для побѣды. Судьбѣ не угодно было дать ему этого часа, чтобъ сдѣлать его побѣдителемъ. И полководецъ остался извѣстенъ только по авангарднымъ дѣламъ—и художникъ подарилъ насъ одними начинаніями. Еще бы годъ! еще бы хотя нѣсколько мѣсяцевъ!

Такъ прервана безвременно была дѣятельность Ѳедотова какъ художника но жизнь его намъ осталась какъ нѣчто оконченное и цѣлое, къ которому нечего прибавлять, изъ котораго нельзя выбросить одной страницы. Постараемся же изобразить эту жизнь, такъ, какъ мы ее понимаемъ, безъ фразъ и излишнихъ подробностей, но съ горячей любовью къ памяти покойнаго. Мы не гонимся ни за полнотой очерка, ни за хронологическимъ порядкомъ, ни за правильностью изложенія: намъ хочется только изобразить личность нашего талантливаго друга, такъ, какъ мы собственно ее понимали, такъ, какъ она представлялась намъ въ теченіе долгаго знакомства, ни разу не охлажденнаго малѣйшей размолвкой, малѣйшимъ неудовольствіемъ.

Павелъ Андреичъ Ѳедотовъ родился въ Москвѣ, отъ весьма небогатыхъ родителей.

„Отецъ мой—разсказывалъ онъ—былъ воиномъ Екатерининскихъ временъ, рѣдко говорившимъ о своихъ походахъ, но видавшимъ многое на своемъ вѣку. Разсказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, имъ упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый—на плѣнной турчанкѣ, во второй—на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно; но пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шелъ сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами сапоговъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичовкой, кажется, съ печатью около узла, принадлежали нерадивымъ или нетрезвымъ писцамъ; снятые за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью обладалъ онъ безмѣрною; но она, какъ у многихъ

*) Напечатано въ полномъ собраніи «Сочиненій» А. В. Дружинина, т. VII.

честныхъ стариковъ, перенесшихъ многое въ жизни, облечена была въ формы суровыя, жесткія, угловатыя. Я помню, какъ одинъ разъ, замѣтивъ, что одинъ изъ его родственниковъ щеголяетъ какими-то дорогими вещами, отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко, что бѣдный обладатель небольшаго сокровища заплакалъ. Я думаю, что упрекъ отца былъ неосновateленъ, осуждаю его подозрительность, а совсѣмъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой врожденной ему правдивости. Еслибъ я могъ разсказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла упомянутая размолвка, вы бы еще вѣрнѣе раздѣлили мои чувства.

„Зима обыкновенно проходила довольно печально; но лѣто для насъ, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время онѣ были почти то же, что деревня. Любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдоволь развиться съ другими ребятишками, но откуда, сверху, открывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія, оказывались передъ глазами наблюдателя какъ на блюдечкѣ. Сколько я могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ созерцательныхъ занятіяхъ обязанъ я сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь небогатаго, даже, попросту, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства,—ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да двухъ-трехъ друзей дома—особъ по большей части благовоспитанныхъ, стало быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и сверхъ всего этого сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтскою жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась на распашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходился не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, ссорились и дрались иногда, какъ намъ только того хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу—и у тетушекъ, и у кумы отца, и у приходского священника, и около сѣнника, и на сосѣднихъ дворахъ. Все, что вы видите на моихъ картинкахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти обсуждено во время моего дѣтства: это я заключаю какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непремѣнно въ Москвѣ. Бытъ московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ бытъ купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ служителей, дядей, ключницъ или кухарокъ, я, самъ не знаю почему, переношусь мыслію въ Москву... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія".

Понятно, что у ребенка, способнаго развиваться такимъ образомъ, умственныя качества не могли назваться обыкновенными. И точно: маленькій Ѳедотовъ, безъ всякихъ предварительныхъ познаній поступивъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, въ скоромъ времени обратилъ на себя вниманіе и начальниковъ и товарищей, а при выпускѣ оказался первымъ ученикомъ *). Имя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, изображено, по обычаю, существующему въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на мраморной доскѣ, въ одной изъ залъ Корпуса. Изрѣдка вспоминая о годахъ своей ученической жизни, Павелъ Андреичъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, нелишенныхъ занимательности. Память его—сказывалъ онъ мнѣ—была такова, что всякая страница, прочитанная имъ въ то время, по нѣскольку дней будто носилась передъ его глазами. „Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запамятовать ту или другую подробность, одну или двѣ учительскія фразы (въ то время еще учениковъ не убѣждали отвѣчать своими словами), мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту, и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось передо мной какъ написаное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впослѣдствіи память стала слабѣть: въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды разсказавъ моему пріятелю *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто нибудь при васъ будетъ разсказывать во второй разъ какой нибудь анекдотъ или свое приключеніе, будьте увѣрены, что память разсказщика слабѣетъ, а самъ онъ близится къ старости"

Сверхъ своей завидной способности легко запоминать все прочитанное и слышанное, Павелъ Андреичъ умѣлъ привязываться ко всякой наукѣ, украшая необходимую сухость ея посредствомъ процесса своей могучей фантазіи. Для него исторія была рядомъ драматическихъ сценъ „въ костюмахъ и съ приличною обстановкою"; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности: „когда я, маленькій—говорилъ онъ—глядѣлъ на ландкарту, около меня будто бродили львы, крокодилы и удавы"; слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, тяжкихъ бояхъ, осаждалъ крѣпости и выдерживалъ приступы, математика вообще и особенно тригонометрія наполняли его умъ удивленіемъ къ чудесамъ, на которыя способенъ умъ человѣка. Рисовать онъ любилъ чрезвычайно и еще въ первые годы своего воспитанія дошелъ до возможности дѣлать весьма схожіе портреты своихъ учителей и товарищей; но музыку онъ любилъ больше живописи. Осьмнадцати лѣтъ Ѳедотовъ покинулъ школьныя занятія и, какъ первый воспитанникъ, выпущенъ былъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ прапорщикомъ. Съ этой эпохи трудъ нашъ становится легче, ибо личныя воспоминанія выступаютъ впередъ: знакомство мое съ Павломъ Андреичемъ произошло на третій или на четвертый годъ его пребыванія въ полку, гдѣ мои два брата были въ то время его товарищами.

Мое первое свиданіе съ Ѳедотовымъ произошло въ 1838 году. Павлу Андреичу было тогда 23 года, а мнѣ 12—13. Не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, я съ первыхъ же дней почувствовалъ симпатію

*) Въ Корпусъ Ѳедотовъ поступилъ въ 1826 году, имѣя отъ роду около десяти лѣтъ. Черезъ четыре года, за отличіе въ наукахъ и поведеніе, сдѣланъ онъ былъ унтеръ-офицеромъ, а еще черезъ два года, въ 1832 г.—фельдфебелемъ.

къ нашему будущему художнику, тогда еще молоденькому и красивому офицеру, съ розовыми щеками, свѣтлыми глазами и маленькими темными усиками.

Великая терпимость Ѳедотова, а еще болѣе его жадность къ людямъ, его вѣчная охота имѣть передъ собою новые предметы для наблюденій, дѣлала наши сношенія весьма пріятными. Всякому извѣстно, какъ утомительно для взрослыхъ людей общество ребятишекъ; если же эти ребятишки находятся въ странномъ и переходномъ возрастѣ 13-ти, 14-ти или 15-ти-лѣтнемъ, ихъ компанія дѣлается чѣмъ-то совершенно нестерпимымъ. Но Павелъ Андреичъ съумѣлъ сдѣлаться пріятелемъ моимъ и моихъ сверстниковъ: мы вѣчно ждали его посѣщеній, какъ подарка, потому что онъ рисовалъ намъ картинки, разсказывалъ разныя исторіи и нисколько не тяготился нашей бесѣдой. Будто сочувствуя всѣмъ возрастамъ человѣка, онъ былъ совершенно одинаковъ и съ дѣтьми и со стариками и, всегда оставаясь простымъ и откровеннымъ, умѣлъ нравиться и тѣмъ и другимъ. Одинъ разъ я помню, какъ онъ разсказывалъ мнѣ и моему 15-ти-лѣтнему другу о наслажденіи, которое онъ испытывалъ, посвящая иной свободный день гулянью по отдаленнымъ частямъ города, безъ всякой цѣли, заговаривая съ простымъ народомъ, обѣдая въ подземныхъ тавернахъ, по часу застаиваясь подъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ и наблюдая какую нибудь иногда забавную, иногда граціозную семейную сцену. Говоря обо всемъ этомъ, Ѳедотовъ ни слова не упоминалъ о прелестяхъ наблюдательности, о пользѣ изученія нравовъ, не вдавался ни въ какія, намъ недоступныя обобщенія: онъ просто рисовалъ передъ нами рядъ живыхъ сценъ, и мы понимали его и сами сознавали пріятность свободнаго дня, посвященнаго такимъ занятіямъ.

Въ это время Павелъ Андреичъ уже ходилъ по вечерамъ въ Академію *), рисовалъ носы, ножки, уши и руки, имѣлъ нѣкоторыя знакомства между художниками, часто бывалъ въ Эрмитажѣ и возвращался оттуда въ восторженномъ настроеніи. Теньеръ и фанъ-Остадъ были его любимцами. Нельзя было безъ хохота слушать его разсказовъ о содержаніи той или другой картины этихъ мастеровъ: зоркій глазъ его мастерски подмѣчалъ все особенно комическое, все болѣе доступное поверхностнымъ цѣнителямъ живописи. Раза два мы были въ Эрмитажѣ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій разъ онъ, такъ сказать, двумя-тремя словами приковывалъ все мое вниманіе къ которой нибудь изъ своихъ любимыхъ вещей.

— Глядите-ка, глядите сюда, говорилъ онъ, подходя къ большому изображенію одной изъ фламандскихъ пирушекъ Теньера:—вонъ смотрите, какъ хозяйка выгоняетъ метлой буяна. Ему хочется назадъ... полюбуйтесь, полюбуйтесь: онъ такъ и удираетъ! А здѣсь (картина изображала народную пляску), смотрите, какъ вотъ тотъ плясунъ поднялъ свою толстуху и подбросилъ ее на воздухъ! Какъ всѣ веселятся, и какія рожи довольныя! Самому такъ весело становится! Вспомните объ этихъ картинахъ завтра утромъ: вамъ покажется, что вы будто сами плясали съ этими красными толстяками! Повѣряйте всегда впечатлѣніе, на васъ сдѣланное картиной, проснувшись по утру. Нужно, чтобъ воспоминаніе о ней, такъ сказать, сливалось съ вашей настоящей жизнью.

Собственно о художественныхъ начинаніяхъ Ѳедотова въ то время я не могу сказать многаго. Масляными красками рисовать онъ не пробовалъ, вещей большого объема и съ многочисленными фигурами почти никогда не дѣлалъ, постоянно оставаясь недовольнымъ ихъ компановкою. Но уже портреты его отличались разительнѣйшимъ сходствомъ, такъ что продавцы картинъ и эстамповъ выпрашивали у Ѳедотова какъ можно болѣе экземпляровъ имъ рисованнаго портрета въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича, считая его лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ, у нихъ продававшихся **). Всѣ лица, знакомыя Павлу Андреичу, были перерисованы по нѣскольку разъ, во всѣхъ видахъ, и онъ набилъ свою руку до того, что могъ шутя, одною чертою, изобразить того или другого изъ своихъ пріятелей, товарищей и начальниковъ.

Нѣкоторыя изъ картинокъ, отдѣланныхъ съ особеннымъ тщаніемъ, поступали въ особый альбомъ, хранившійся у Павла Андреича. Въ этомъ же альбомѣ помѣщены были очерки, въ которыхъ довольно ясно обозначилось будущее направленіе покойнаго художника. Такъ, напримѣръ, я помню одну вещицу, чрезвычайно характеристическую въ этомъ отношеніи. Молодая, чисто одѣтая женщина, съ блѣднымъ, благороднымъ и испуганнымъ лицомъ, ведетъ подъ руку по улицѣ, мимо насмѣшливыхъ зѣвакъ, своего мужа, приведеннаго, вслѣдствіе сильной дружеской попойки, въ положеніе жалкое и унизительное. Если не ошибаюсь, самъ Гогартъ не отказался бы отъ такого сюжета; такъ онъ полонъ мысли, драматизма и цѣлительной сатиры, переходящей въ поученіе нравовъ.

---

*) «Во время занятій Ѳедотова въ Академіи, онъ искалъ совѣтовъ у старшихъ и младшихъ, менѣе его опытныхъ товарищей по ученію, выслушивалъ сужденія и мысли каждаго, извлекая изъ нихъ пользу для своихъ будущихъ работъ, которыхъ характеромъ были юморъ, разительно выраженный, ясное выполненіе сюжетовъ, вѣрное выраженіе чувствъ и страстей, долженствовавшихъ одушевлять лица, имъ изображаемыя, и наконецъ окончательность въ отдѣлкѣ какъ фигуръ, такъ и посторонностей. Кисть его была пріятна, эффектъ правдивый и неусиленный, но естественный. Впослѣдствіи Ѳедотовъ сталъ въ рядъ весьма замѣчательныхъ отечественныхъ талантовъ, особенно въ своемъ родѣ, въ которомъ не имѣлъ предшественниковъ. Взглядъ глубокій на природу и человѣка, желаніе выставить его слабую и достойную осмѣянія сторону, средствами искусства, отмѣчали его произведенія. Онъ былъ бы нашъ Гогартъ, художникъ-исполнитель, обѣщавшій пойти далѣе этого знаменитаго англійскаго живописца». (Изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ Императорской Академіи Художествъ).

**) Этихъ портретовъ Ѳедотовъ нарисовалъ до двадцати, водяными красками на осьмушкахъ веленевой бумаги. Каждый портретъ тотчасъ же поступалъ въ магазинъ Даціаро и по большей части продавался въ тотъ же день. Нѣсколько экземпляровъ портрета мнѣ случилось еще недавно встрѣтить въ Петербургѣ. Такъ какъ и теперь не всякій изъ купившихъ знаетъ, кѣмъ портретъ сдѣланъ, то я замѣчу, что внизу нѣсколькихъ портретовъ изъ числа встрѣченныхъ мною стоятъ буквы П. и Ф. Великій Князь изображенъ въ профиль, на иныхъ—въ гвардейскомъ мундирѣ, на другихъ—въ мундирѣ военно-учебныхъ заведеній.

Со дня поступленія моего въ полкъ, гдѣ служилъ Ѳедотовъ, прежнее знакомство возобновилось и продолжалось, не смотря на всѣ перемѣны въ нашихъ занятіяхъ, до самой смерти Павла Андреича. Первое наше свиданіе по службѣ происходило въ концѣ августа 1843 года. Ѳедотовъ тогда жилъ въ казармахъ л.-гв. Финляндскаго полка, въ двухъ комнатахъ надъ адъютантской квартирой. Комнаты эти убраны были довольно мило какой-то мебелью изъ бѣлаго дерева, гипсовыя головки, носы, ноги и руки висѣли на стѣнахъ; у дверей стояла черная доска, какія обыкновенно ставятся въ училищахъ для черченія мѣломъ. На диванѣ лежала гитара съ фаготомъ и еще какой-то раздвижной инструментъ въ родѣ флейты. На полу, на этажеркѣ и около стола разбросаны были книги: въ изобиліи валялись Винкельманъ, Пушкинъ и англійскія учебныя книжечки. По книжной части въ квартирѣ Ѳедотова всегда можно было найти что нибудь необыкновенное: или томъ Кантетира, или какой нибудь журналъ екатерининскихъ временъ, или „Почту Духовъ“, или разрозненный томъ старыхъ мемуаровъ на французскомъ языкѣ, или какую нибудь рукописную поэму. Хозяйство Ѳедотова находилось въ вѣдѣніи его служителя, Аркадія Коршунова, который жилъ при немъ до самой смерти своего барина, любилъ его съ рѣдкою нѣжностію и отошелъ послѣднимъ отъ могилы своего обожаемаго барина и друга*).

Ѳедотовъ принялъ меня очень ласково и спросилъ: перезнакомился ли я съ офицерами? а узнавъ, что уже всѣ визиты кончены, далъ мнѣ въ руки свой альбомъ, сказавъ: „теперь онъ будетъ для васъ понятнѣе“. На вопросъ мой о томъ, не обижаются ли нѣкоторыя изъ лицъ, выведенныхъ имъ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, онъ сказалъ, что изъ всѣхъ товарищей только одинъ принялъ шутку къ сердцу, да и тотъ старается не показывать. На черной доскѣ нѣсколькими штрихами набросаны были разныя сцены изъ тогдашней его жизни и кромѣ того тянулся цѣлый рядъ рисунковъ самаго страннаго содержанія: на одномъ изъ нихъ офицеръ въ костюмѣ славянскаго витязя, поражалъ копьемъ голову одного англичанина; голова, падая, открывала подъ собой колоду картъ. Потомъ то же лицо въ античномъ костюмѣ, то есть безъ всякихъ одеждъ, лежало мертвымъ на диванѣ, и около него толпились другія знакомыя лица съ гитарами, лирами и балалайками. Ѳедотовъ объяснилъ, что это сцены „Руслана и Людмилы“, имъ передѣланной, послѣ чего, взявъ гитару, спѣлъ нѣсколько забавныхъ арій изъ этой оперы. Въ то время онъ много занимался музыкой, и голосъ его, сильный, звучный, нуждался только въ достаточной обработкѣ.

Мысль о томъ, чтобы, оставивъ службу, окончательно посвятить себя живописи, начинала уже въ то время занимать Ѳедотова; но всѣ его стремленія не получили еще достаточной опредѣленности. Его тянуло въ разныя стороны, онъ еще не успѣлъ предаться всей душой тому роду искусства, который долженъ былъ составить его славу. Ему нравилась и баталическая живопись, и портретная и историческая; сверхъ того, онъ страстно любилъ музыку, читалъ все, что попадалось подъ руки, да и чины шли хорошо, такъ что кидать извѣстное для неизвѣстнаго могло показаться дурнымъ разсчетомъ. Потомъ Павелъ Андреичъ былъ очень привязанъ къ своимъ товарищамъ, между тѣмъ какъ самая служба и образъ жизни доставляли обильную пищу его наблюдательности. И нужно сказать правду, пребываніе Ѳедотова въ л.-гв. Финляндскомъ полку во многомъ способствовало тому *настрою* (слово, которое часто употреблялъ покойный), который впослѣдствіи отразился въ его произведеніяхъ. Особы, незнакомыя съ военной жизнью, по всей вѣроятности, не знаютъ, какой обильный источникъ для наблюденія во всѣхъ родахъ представляетъ хорошо устроенный и хорошо составленный полкъ, особенно полкъ егерскій, то есть сформированный изъ народа молодого, бойкаго, шутливаго и расторопнаго. Сотни типовъ, самыхъ оригинальныхъ, неподмѣченныхъ и никѣмъ неописанныхъ, сами просятся на глаза наблюдателю, привязываютъ его къ себѣ, врѣзываются въ память и помнятся на вѣчныя времена. Ѳедотовъ, еслибъ захотѣлъ, могъ быть первымъ нашимъ живописцемъ по части военныхъ сценъ, сверхъ своего таланта, онъ имѣлъ то преимущество надъ другими художниками, что самъ служилъ, самъ командовалъ ротой, вникалъ въ солдатскій образъ жизни и, по своему выраженію, „любилъ солдатика“. При разборѣ вещей, оставшихся послѣ Павла Андреича, вѣроятно, отыщется маленькій эскизъ подъ названіемъ: „*Прибытіе стараго гренадера Дворцовой Роты въ свою бывшую роту Финляндскаго полка*“. Этотъ рисунокъ—совершенство въ своемъ родѣ, потому что онъ простъ и правдивъ; въ немъ вы видите десятокъ военныхъ типовъ безъ всякихъ украшеній. Бывшій фельдфебель роты, взятый въ дворцовые гренадеры, является къ прежнимъ товарищамъ въ гости, старые солдатики его привѣтствуютъ и подчуютъ табакомъ; является маленькій флейтщикъ, котораго старикъ вѣрно баловалъ прежде; *ротная собака* **) прыгаетъ отъ радости и ласкается къ узнанному ею посѣтителю. Въ глубинѣ ротной залы обычныя занятія идутъ своимъ чередомъ: рекруты маршируютъ подъ надзоромъ дядекъ; цырульникъ, бреющій егеря, засматривается на гостя; одинъ солдатикъ спитъ, другой угощаетъ родныхъ, третій любезничаетъ, четвертый подаетъ милостыню нищему, пятый чинитъ сапоги, шестой покупаетъ тесемку у разнощика. Въ этомъ крошечномъ эскизѣ чрезвычайно много жизни, веселости, чувства и добродушія ***).

Службою Павелъ Андреевичъ занимался старательно, хотя безъ особенной горячности. Зоркій глазъ—начало успѣховъ въ военномъ дѣлѣ—былъ ему лучшей помощью, давая возможность не только держать свою роту въ великомъ порядкѣ, но даже находить артистическую пріятность въ занятіяхъ довольно утомительныхъ для будущаго художника. Съ утреннихъ служебныхъ занятій Ѳедотовъ почти всегда возвращался подмѣтивъ какую нибудь оригинальную подробность или характеристическую сцену. Маневры, съ дневками,

---

*) Ѳедотовъ, говоря съ кѣмъ нибудь про Коршунова, называлъ его «*мой слуга и другъ*».

**) Эта прекраснѣйшая черта только и можетъ быть изображена живописцемъ, знающимъ нравы солдата до тонкости. Нашъ солдатъ добръ до чрезвычайности. Нищіе являются къ его столу, и при ротѣ есть иногда нѣсколько собакъ, до призрѣнія ихъ ротою скитавшихся по улицамъ безъ хлѣба и надзора. Само собою разумѣется, что собака, нарисованная Ѳедотовымъ, и мохната и безобразна.

***) Въ спискѣ произведеній П. А. (см. ниже) этотъ рисунокъ значится принадлежащимъ Юзефовичу.

живописными биваками, переправами въ бродъ, дружескими бесѣдами, послѣ утомительныхъ переходовъ, были для Павла Андреича золотымъ періодомъ, давая ему десятками планы серіозныхъ или шутливыхъ очерковъ. Еще молодымъ офицеромъ, когда ему приходилось стоять на дальнихъ караулахъ, онъ всегда возвращался съ запасомъ самыхъ разнообразныхъ наблюденій. Если ему приходилось бывать съ ротой на пожарѣ, онъ, посреди дыма и суматохи, подсматривалъ за одинъ разъ столько сценъ, сколько иному не подмѣтить во всю жизнь.

Между офицерами, Павелъ Андреичъ, съ самаго опредѣленія своего въ полкъ, считался истинно добрымъ и занимательнымъ изъ товарищей. Главными чертами кружка, въ которомъ онъ обращался, были веселость и насмѣшливость, смягченныя истиннымъ, юношескимъ добродушіемъ. Каррикатуры Өедотова, за которыя ему, въ другомъ, болѣе себялюбивомъ кругу, пришлось бы, можетъ быть, перенести тьму непріятностей, здѣсь не возбуждали ничьего негодованія: эта одна черта говоритъ краснорѣчивѣе всѣхъ другихь замѣтокъ. Безпечность Павла Андреича въ этомъ отношеніи доходила до того, что одинъ разъ, при переселеніи его на новую квартиру, черная доска, о которой мнѣ уже случилось упоминать, стояла цѣлое утро на улицѣ, представляя проходящимъ около десятка портретовъ и сценъ забавнаго содержанія,—и ни одинъ изъ товарищей не нашелъ этого страннымъ. Само собой разумѣется, за шутки платилось шутками, и „артистъ Өедотовъ", съ его гитарой, фаготомъ, живописью, стихами, не всегда удачными, и нѣжнымъ сердцемъ, самъ служилъ обильнымъ поводомъ для дружескихъ насмѣшекъ.

Какъ бы то ни было, дальнѣйшія колебанія оказывались невозможными: время уходило. Павлу Андреичу, какъ я предполагаю, исполнилось двадцать-семь или двадцать-восемь лѣтъ. Все было сдѣлано имъ, до чего можно достигнуть, не занимаясь живописью исключительно—его рисунки водяными красками были одобрены многими знатоками. Портреты Өедотовъ рисовалъ быстро, и они отличались разительнымъ сходствомъ; огромная способность къ сочиненію картинъ сказывалась въ самомъ легкомъ очеркѣ нашего художника.

Павелъ Андреичъ оставилъ службу съ мундиромъ и чиномъ капитана: разъ рѣшившись, онъ пошелъ по новому пути съ твердостью и смѣлостью. Пренебрегая лишеніями, такъ сказать, вызывая на бой нужду съ препятствіями, онъ показалъ, что не умѣетъ приносить неполной жертвы. Первое пособіе, полученное имъ, онъ раздѣлилъ на двѣ части и отправилъ бо́льшую своему отцу и сестрамъ. Остальныя суммы имѣли то же назначеніе; дѣлиться своимъ доходомъ съ родными онъ не переставалъ до конца жизни.

Павелъ Андреичъ простился съ товарищами на частномъ обѣдѣ у одного изъ офицеровъ. Въ новомъ нарядѣ онъ казался довольно некрасивымъ и самъ надъ собой подсмѣивался, держалъ себя вообще очень весело и беззаботно. Обѣдъ сопровождался пѣніемъ, танцами, искренними пожеланіями успѣховъ; всѣ мы, развѣ за весьма малымъ исключеніемъ, были совершенно спокойны насчетъ своего стараго товарища. Семейныхъ его дѣлъ никто не зналъ. Восторженная любовь Өедотова къ живописи казалась простой горячностью, залогомъ легкаго успѣха. Старшіе товарищи были увѣрены, что нашъ общій другъ изберетъ себѣ какой нибудь легкій, доходный родъ живописи, скоро набьетъ себѣ руку и, можетъ быть, составитъ порядочное состояньице. Многіе же, въ томъ числѣ и я, по молодости и вѣтренности, ровно ничего не думали, а ограничивались только желаніемъ всего хорошаго. Въ первое время послѣ отставки нашъ художникъ разъ или два раза въ недѣлю находилъ время побывать у кого нибудь изъ прежнихъ товарищей. Иногда и товарищи заходили къ артисту Өедотову, въ небѣленый, печальный домъ, гдѣ-то въ великомъ отдаленіи, между пустырей, у Невки. Въ комнаткахъ было холодно и часто угарно. Преданный Коршуновъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ въ качествѣ натурщика; одно время съ Өедотовымъ жили какіе-то молодые люди, тоже художники, имени ихъ я не упомню. *)

На слѣдующій годъ Павелъ Андреичъ сталъ рѣже бывать у своихъ пріятелей. До насъ изрѣдка доходили слухи о томъ, что онъ приступилъ къ масляным красками, работаетъ утромъ, вечеромъ и ночью, при лампахъ или при солнечномъ свѣтѣ, въ Академіи или дома, — работаетъ такъ, что даже смотрѣть страшно, не давая себѣ ни пощады, ни снисхожденія, ни отдыха. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, долгихъ мѣсяцевъ, прошелъ еще годъ, и слухи приняли направленіе очень пріятное: Карлъ Павлычъ Брюловъ расхвалилъ эскизъ Өедотова и часто съ нимъ видѣлся; художники, составляющіе славу русской Академіи, единогласно признавали въ нашемъ товарищѣ присутствіе замѣчательнаго дарованія. Въ рѣдкіе часы свиданія, по блѣдному лицу Өедотова можно было догадаться о вседневной, тяжкой работѣ. Волосы его сдѣлались очень рѣдки, глаза постоянно казались утомленными; но бодрость и веселость духа значительно увеличились. Онъ все еще думалъ посвятить себя живописи военныхъ сценъ и только впослѣдствіи, еще разъ посовѣтовавшись съ Брюловымъ, перешелъ къ тому роду, который такъ согласовался съ его образованіемъ, талантомъ и взглядомъ на искусство. Означенная перемѣна въ направленіи огорчила многихъ людей, любившихъ Өедотова; нѣкоторые изъ нихъ даже сочли за признакъ непостоянства этотъ переходъ, въ сущности весьма простой и раціональный. Дѣло въ томъ, что Павелъ Андреичъ постоянно понималъ военную живопись по своему и такъ называемыхъ баталическихъ картинъ, съ большими массами пѣхоты и конницы, съ дымомъ и правильными движеніями колоннъ, рисовать никогда не готовился. Область его была не тамъ, не посреди величественныхъ и разрушительныхъ картинъ боя массами: его въ тысячу разъ болѣе привлекало изображеніе эпизодовъ малой войны, бивуаковъ, перевязочныхъ пунктовъ, казарменныхъ уголковъ,— однимъ словомъ, сценъ немногосложныхъ и отличающихся отъ живописи домашнихъ сценъ только тѣмъ, что фигуры одѣты по военному и имѣютъ при

---

*) Это были вольноприходящіе ученики академіи по архитектурѣ—Карлони и Гирстъ. Первый, котораго П. А. презрѣлъ и съ которымъ дѣлился, какъ сь ничего неимущимъ, послѣднимъ кускомъ, получившій впослѣдствіи неожиданно огромное наслѣдство гдѣ-то въ Швейцаріи, уѣхалъ, позабывъ о Өедотовѣ («П. А. Өедотовъ» В. В. Толбина, «Пантеонъ» 1854 г., кн. I).

себѣ оружіе. Часть эскизовъ, имъ набросанныхъ около этого времени, а еще болѣе планы будущихъ картинъ показываютъ справедливость этого заключенія. Между первыми особенно замѣчательны два: „Французскіе мародеры въ русской деревнѣ“ и „Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку, на маневрахъ“. И тутъ и тамъ мы видимъ собраніе характеристическихъ и забавныхъ эпизодовъ, сценъ простыхъ и доступныхъ всякому, фигуръ съ выраженіемъ въ лицахъ, такъ сказать, срисованныхъ врасплохъ и разбросанныхъ по произволу сочинителя. Что касается до картинъ задуманныхъ, то онѣ еще болѣе приближались къ живописи домашнихъ сценъ, самое ихъ названіе показываетъ, каковы долженствовали онѣ выйти: между ними я помню, между прочимъ, „Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полкового праздника“ и „Казарменную жизнь“, задуманную послѣ пересматриванія картинъ Гогарта. Этотъ послѣдній планъ чрезвычайно нравился Ѳедотову. За эту картину многіе изъ пріятелей вѣчно ратоборствовали съ нимъ, хотя въ превосходномъ исполненіи частностей не сомнѣвались.

Такъ прошло около четырехъ лѣтъ послѣ выхода Ѳедотова изъ полка. Четыре года непрестанной, усиленной работы, повидимому, не принесли съ собой ничего, кромѣ голословныхъ похвалъ и большого количества разныхъ плановъ. Съ каждымъ годомъ доходы Павла Андреича становились недостаточнѣе, потому что къ расходамъ на семейство и содержаніе себя прибавились издержки на краски, полотно, анатомическія книги и рисунки, наконецъ, на плату первымъ натурщикамъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ Ѳедотова можно было видѣть по вечерамъ или въ обѣденное время. Мнѣ случалось видѣть его обѣдъ, присылаемый отъ сосѣднихъ кухмистеровъ за плату, рѣдко превышавшую 15 коп. серебромъ, случалось находить его рисующимъ въ холодной комнатѣ, имѣя на себѣ, сверхъ платья, тулупъ и шинель. Всякій знаетъ, до какой степени бываютъ щекотливы, тягостны свиданія съ лучшими друзьями при такихъ условіяхъ, но Ѳедотовъ составлялъ въ этомъ случаѣ благороднѣйшее и полнѣйшее изъятіе. Онъ несъ бѣдность до такой степени тихо и просто, что всякое стѣсненіе исчезало. Вы видѣли себя не въ присутствіи талантливаго бѣдняка, охающаго и рисующагося передъ вами, но просто находились въ обществѣ вѣрнаго, добраго пріятеля, счастливаго своимъ призваніемъ и не имѣющаго ни времени, ни охоты думать объ удобствахъ жизни. Соболѣзновать о лишеніяхъ Павла Андреича, а еще болѣе тяготиться ихъ видомъ казалось мнѣ такъ же страннымъ, какъ проливать слезы о томъ, что какой нибудь мореплаватель или естествоиспытатель не пользуется комфортомъ въ своихъ странствованіяхъ. Во всѣ эти четыре года не случалось слыхать мнѣ отъ Ѳедотова ни одной жалобы: онъ не любилъ шутить надъ своимъ положеніемъ, какъ многіе люди съ эластическимъ характеромъ, но зато не смущался имъ никогда. Въ это время онъ по временамъ сходился съ компаніей людей, слишкомъ беззаботныхъ въ денежномъ отношеніи, любившихъ мотовство и свой взглядъ на веселую артистическую бѣдность простиравшихъ до замѣчательной парадоксальности. Это юношеское, обильное оригинальностью, возрѣніе на бѣдность отчасти возмущало Павла Андреича; его любимою фразою въ этомъ случаѣ было: „всѣ вы, господа, бѣдняки-дилетанты! За всякимъ изъ васъ кто нибудь стоитъ съ полнымъ карманомъ, сами вы ни передъ кѣмъ не стоите, никого не выносите на своихъ плечахъ! Вы толкуете о веселой бѣдности, какъ я могу говорить о Швейцаріи, сходивъ поглядѣть на декораціи „Соннамбулы“. Истинной бѣдности вы не знаете и должны благодарить Бога“. Но, понимая всю печальную сторону бѣдности, извѣдавъ вполнѣ, что значитъ выносить другихъ людей на своихъ плечахъ, нашъ художникъ въ то же самое время сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ „сказать пасъ есть половина неудачи“. Говоря о художникахъ, которые богатѣли, отступившись отъ упорной работы для поставки скороспѣлыхъ произведеній, Ѳедотовъ ограничивался нѣсколькими словами, нелишенными колкости, при своемъ неоспоримомъ снисхожденіи: „такой-то пишетъ очень легко и мило. Онъ забылъ свою старую манеру. Чтожъ дѣлать! ему надобно жить и хочется жить! Вильки подъ конецъ жизни дѣлалъ то же, Гвидо-Рени, говорятъ, дѣлалъ то же“. Тутъ были и оправданіе и благородная терпимость, а между тѣмъ общій приговоръ былъ очень строгъ: человѣка, спасовавшаго передъ нуждою, Ѳедотовъ неумолимо вычеркивалъ изъ списка художниковъ, оставляя за нимъ всѣ качества прекраснаго, умнаго, ловкаго, но слабаго смертнаго.

Жанъ-Поль говоритъ, съ своей обычною глубиной мысли: „бѣдность то же, что операція протыканія ушей у молодыхъ дѣвушекъ. Больное мѣсто заживаетъ, и его украшаютъ потомъ перлами и брильянтами. Въ нуждѣ крѣпнетъ дарованіе человѣка. Кто знаетъ, сколько таланта и поэзіи погребено подъ грудами золота!“ Ѳедотовъ не былъ фанатикомъ нищеты, подобно знаменитому германцу (какъ и онъ, выносившему на своихъ плечахъ существованіе дорогихъ ему людей), взглядъ его въ этомъ случаѣ имѣлъ разумную двойственность, охватывавшую вопросъ съ каждой стороны. Глядя на эскизъ Ѳедотова „Старость Художника“, *) можно подумать, что твердый духъ его часто изнемогалъ подъ бременемъ нужды. Такое заключеніе будетъ едва ли справедливо: Павелъ Андреичъ изучалъ фазисы нищеты такъ, какъ изучалъ онъ въ натурѣ лица трактирныхъ героевъ, не дѣлаясь черезъ то трактирнымъ посѣтителемъ. Несомнѣнно то, что до своего знакомства съ Брюловымъ онъ не былъ совершенно увѣренъ въ своихъ силахъ и видѣлъ по временамъ передъ собой печальную старость; но мысль его объ этомъ предметѣ была не болѣе, какъ мыслью полководца о возможности быть убитымъ въ сраженіи. Оттого духъ его былъ постоянно бодръ, а манеры (даже въ періодъ изнуряющихъ усилій) могли назваться веселыми и непринужденными.

---

*) Эскизъ этотъ извѣстенъ друзьямъ Павла Андреича. Изъ него несомнѣнно имѣла выйти картина мрачнаго, потрясающаго содержанія. Здѣсь онъ изобразилъ самого себя, въ преклонныхъ лѣтахъ, посреди голодной семьи и бѣднѣйшей обстановки, пишущаго вывѣски, между тѣмъ какъ дворникъ вынимаетъ вьюшки изъ трубъ, и проч. Эскизъ этотъ истинно гогартовскій по смыслу, писанъ въ минуту унынія, но унынія не передъ нуждою, а передъ мыслію о предполагаемой слабости своего дарованія. Сомнѣніе въ своихъ силахъ часто томило душу Ѳедотова въ годы приготовительнаго труда. Послѣ выставки онъ совершенно охладѣлъ къ своему превосходному эскизу.

Въ эти годы Өедотовъ любилъ говорить о художествѣ и художникахъ, особенно художникахъ молодыхъ и богатыхъ надеждами: его симпатіи къ труду, снисходительность ко всякому начинанію были таковы, что, слушая его, можно было ожидать очереди цѣлой эры для отечественнаго искусства, цѣлаго созвѣздія новыхъ, превосходныхъ дѣятелей. Разсказы его объ оригинальной жизни нѣкоторыхъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя искусству, могли назваться неподражаемыми; но Өедотовъ оказывался очень строгъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вредили будущимъ своимъ успѣхамъ разгульною жизнію. „Мнѣ грустно думать—говаривалъ онъ— что нѣкоторые художники еще до сихъ поръ подтверждаютъ своимъ страннымъ поведеніемъ нерасположеніе общества къ нашему брату. Старый предразсудокъ о томъ, что всякій человѣкъ, посвятившій себя служенію изящнаго, есть непремѣнно гуляка, истребляется съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ нѣкоторая часть изъ нашего художническаго круга будто нарочно вызываетъ на себя охужденіе! Въ нѣкоторыхъ изъ насъ еще таится несчастная, на бѣду къ намъ заброшенная идея о томъ, что отклоненіе отъ приличій идетъ рядомъ съ геніальностію. Есть еще до сихъ поръ художники *), зараженные этой мыслью до того, что всякій тихій, трезвый, осмотрительный трудъ кажется имъ „достоинствомъ бабьимъ“. Они хотятъ жить и работать скачками, не зная мѣры въ трудѣ и увеселеніи: все у нихъ порывисто, ярко и буйно. Бѣда въ томъ, что, сотворивъ пять или шесть скачковъ, они изнуряются, впадаютъ въ апатію и всю страсть берегутъ для однихъ увеселеній. Нѣтъ! мое мнѣніе всегда будетъ въ пользу ежеминутнаго труда и жизни самой воздержной, самой спокойной: еслибъ я могъ перелить это убѣжденіе въ души многихъ молодыхъ людей, своихъ сверстниковъ по искусству“!..

Одною изъ главныхъ причинъ душевнаго спокойствія, давшаго Өедотову такъ много времени, силы и средствъ на все прекрасное, нужно назвать его необыкновенно здравый, практическій и разумно философскій взглядъ на радости и печали жизни. Онъ любилъ красоту женщинъ, веселіе пировъ, изучалъ страсти какъ артистъ, — какъ артистъ, не былъ равнодушенъ къ блеску, пышности, изящной обстановкѣ богатаго человѣка; но ему была рѣшительно незнакома язва талантовъ нашего времени, именно: жажда сильныхъ ощущеній. У насъ былъ одинъ прекраснѣйшій и добрѣйшій товарищъ, вѣчно наслаждавшійся жизнью и увѣрявшій, что онъ „не живетъ, а прозябаетъ“. Это недовольство настоящимъ всегда вызывало Павла Андреича на противорѣчія. Толки юношей, готовыхъ отдать „всю свою безцвѣтную жизнь“ за годъ „страстей и наслажденій“, смѣшили Өедотова точно такъ же, какъ разсмѣшилъ бы приговоръ какого нибудь цѣнителя, вздумавшаго, изъ любви къ яркимъ сюжетамъ, дѣлить картины не по достоинству исполненія, а потому, что на нихъ изображается, ставя на первый планъ изображенія пожаровъ, убійствъ и изверженій Везувія. Одинъ разъ, въ маленькомъ собраніи умныхъ людей, при нашемъ художникѣ кѣмъ-то высказана была мысль такого рода: „Напрасно человѣкъ сталъ бы дѣлить событія жизни на событія мелкія и великія. Для истиннаго человѣка каждая минута приноситъ съ собой событіе. Для него новая мысль есть событіе, взглядъ на картину есть событіе, посѣщеніе самаго скучнаго болтуна есть событіе. Если складъ ума, способнаго къ анализу, имѣетъ въ себѣ нѣчто артистическое, то жизнь человѣка, обладающаго такимъ умомъ, есть море событій, живыхъ и благотворныхъ. Для такого человѣка не можетъ быть скуки и въ нѣкоторомъ смыслѣ несчастія, ибо несчастіе есть бездѣйствіе“. Вслѣдствіе этихъ словъ, Павелъ Андреичъ постоянно говорилъ о человѣкѣ, ихъ сказавшемъ, какъ „о славной головѣ и свѣтломъ сердцѣ“. Его смутныя, сокровенныя убѣжденія всѣ получили ясность, всѣ были высказаны чужимъ человѣкомъ въ этотъ вечеръ.

Наконецъ наступилъ періодъ времени, пролившій столько радости на послѣдніе годы жизни нашего художника. Өедотовъ вѣрилъ въ себя со дня своего знакомства съ Брюловымъ. Похвалы знатоковъ дѣла, членовъ Академіи, только подтвердили его увѣренность, но оставался главный шагъ—встрѣча съ публикою. Три картины Павла Андреича: „Сватовство“. „Послѣдствія пирушки“ и „Горбатый женихъ“, поступили въ число произведеній, имѣвшихъ явиться на художественной выставкѣ. Первая вѣсть, которою я былъ встрѣченъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, осенью 1848 **) года, наполнила меня радостью. Имя Павла Андреича гремѣло по городу. Его сослуживцы и друзья находились въ полномъ восхищеніи. Я бросился въ Академію и увидѣлъ въ одной изъ боковыхъ залъ великія толпы народа. Все пространство отъ картинъ до двери было запружено любопытными: едва-едва, съ помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успѣлъ я усмотрѣть, за толпою, картины, столько мнѣ знакомыя. Художникъ (Бернардскій), стоявшій около, передалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности о первыхъ дняхъ выставки и о томъ, какъ далеко разлилась слава нашего общаго друга. Отъ него же узналъ я, что самъ Өедотовъ часто бываетъ въ залѣ и прислушивается къ сужденію посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ предстало передъ насъ веселое, но значительно постарѣвшее лицо Павла Андреича.

Өедотовъ провожалъ какихъ-то дамъ и, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ пособить имъ пробраться къ картинамъ черезъ сплошную массу зрителей. Уставъ и досадуя на свою неловкость, онъ пустилъ въ дѣло послѣднее средство.

— Господа, сказалъ онъ, тронувъ двухъ или трехъ человѣкъ изъ задняго ряда: — пропустите на минуту автора.

При этомъ словѣ посѣтители почтительно раздвинулись и дали дорогу дамамъ. Өедотовъ передъ тѣмъ дѣлалъ должностной визитъ и одѣтъ былъ въ мундирѣ, безъ эполетъ, а вмѣсто каски имѣлъ онъ шляпу съ чернымъ перомъ, какъ носили во время его отставки. Когда онъ отходилъ отъ картинъ, мы сошлись лицомъ

---

*) Долгомъ считаю замѣтить, что слова эти сказаны много лѣтъ назадъ, при началѣ занятій Өедотова.

**) Выставка эта была трехъ-годичная; за нее Өедотовъ получилъ званіе академика. «Послѣдствія пирушки» и «Горбатый женихъ» были уже на годичной выставкѣ 1847 года, нравились всѣмъ, но полная популярность произведеній Өедотова, началась съ его «Поправки обстоятельствъ».

къ лицу; послѣ различныхъ привѣтствій, условились этотъ день обѣдать вмѣстѣ, пригласивъ изъ числа товарищей тѣхъ, которые отъищутся дома.

Въ этотъ день я испыталъ множество отрадныхъ ощущеній. Мнѣ случалось поздравлять людей, которые, по прекрасному выраженію Байрона, „проснувшись въ одно утро, вдругъ увидѣли себя извѣстными"; случалось привѣтствовать лицъ, къ которымъ слава пришла неожиданно, безъ усилій съ ихъ стороны и безъ зова. Но все это нимало не сходствовало съ положеніемъ Ѳедотова. Начавъ азбуку своего искусства въ лѣта, данныя человѣку для творчества, онъ цѣлыя пять лѣтъ держалъ бой неутомимый и безпощадный, — цѣлыя пять лѣтъ, поставивъ страшную карту, ждалъ, на которую сторону она выпадетъ. Дни, мѣсяцы и годы тяжкихъ лишеній, занятые работою, способной сокрушить силы пяти юношей, могли быть проведены напрасно: проснувшись въ одно утро, Ѳедотовъ могъ увидѣть себя не посреди завоеванной славы, а добычей горькаго отчаянія, съ испорченной будущностью, бѣднымъ семействомъ на рукахъ и сознаніемъ того, что время труда пропущено безъ возврата! И онъ наконецъ дождался конца тяжелой драмы,—онъ имѣлъ право сказать, что трудился не напрасно! Потому-то въ его славѣ было много трогательнаго и высокаго; она оказывалась дорогимъ оружіемъ, вырваннымъ у врага послѣ тяжкой битвы, а не щегольскимъ раззолоченнымъ трофеемъ, годнымъ на украшеніе красиваго кабинета!

И художникъ нашъ вполнѣ зналъ ей цѣну. Онъ не прикидывался скромникомъ: мысль, что его знаетъ Петербургъ и скоро будетъ знать вся Россія, приводила его въ восхищеніе; онъ строилъ планы насчетъ поѣздки въ Англію для изученія Вильки и Гогарта, разъяснялъ передъ нами значеніе избраннаго имъ рода живописи и толковалъ о новыхъ задуманныхъ имъ картинахъ. При всемъ этомъ онъ обнаружилъ, по поводу своей извѣстности, нѣсколько особенностей, о которыхъ теперь нельзя подумать безъ удивленія. Во-первыхъ, на печатныя себѣ похвалы глядѣлъ онъ съ совершеннымъ равнодушіемъ,—а впослѣдствіи даже не читалъ ихъ никогда. Можетъ быть, похвалы эти были нехорошо составлены; но вѣрнѣе то, что изустная похвала казалась ему живѣй и правдивѣе. Во-вторыхъ, онъ не сердился ни на какое противорѣчіе, какъ бы оно близко ни касалось его самыхъ задушевныхъ теорій. Такъ, напримѣръ, за обѣдомъ, послѣ выставки, онъ много говорилъ о томъ, что каждое изъ его произведеній должно содѣйствовать къ исправленію нравовъ. Въ „Послѣдствіи пирушки"—сказалъ онъ—всякій зритель усмотритъ вредъ отъ неразсчетливой жизни, отъ дурныхъ сообщниковъ. „Сватовство" приведетъ на мысль унизительное положеніе празднаго человѣка, ищущаго поправки обстоятельствъ посредствомъ нелѣпаго брака. Многіе изъ присутствующихъ возставали противъ этой теоріи.

— Павелъ Андреичъ, сказалъ ему одинъ изъ гостей:—эти уроки о вредѣ праздности и дурной компаніи скажетъ человѣку всякій писака, даже изъ бездарныхъ: всякая нравоучительная сентенція попадаетъ въ цѣль вѣрнѣе художественнаго труда. Твоя сила не въ поученіи нравовъ, или, если хочешь, въ поученіи, только не черезъ такую мораль, а черезъ зрѣлище изящнаго. Двигаясь тобой описаннымъ путемъ, можно прямо попасть на общія мѣста (lieux communs).

Это возраженіе послужило поводомъ къ большому спору, въ которомъ Ѳедотовъ принималъ участіе такимъ образомъ, какъ будто бы вопросъ нимало его не касался.

Еще одною прекрасной чертой Павла Андреича была необыкновенная, искренняя снисходительность при оцѣнкѣ произведеній, писанныхъ современными художниками, даже художниками весьма неопытными. Расхаживая съ нимъ по чьей нибудь галлереѣ или по заламъ Академіи во время выставки, нужно было дивиться его безпристрастной, или, скорѣе, пристрастной въ хорошую сторону натурѣ. Для маленькой искры таланта онъ прощалъ всѣ ошибки, ее глушившія; если и таланта не было, онъ чтилъ трудолюбіе художника, хвалилъ выборъ сюжета, указывалъ на какую нибудь малѣйшую дѣльно выполненную подробность. Людямъ, дающимъ волю своей зависти, стоило иногда послушать эти оцѣнки.

— Не глядите на эти деревья: это вѣники, говорилъ онъ:—да вѣдь и старые итальянцы писали вѣники на своихъ фонахъ. Обратите вниманіе на грацію головки да вотъ на эту складочку.—А вотъ полюбуйтесь на этого голяка, что стоитъ на колѣняхъ. Онъ въ восторгѣ: видно, что у него сердце хочетъ изъ груди выпрыгнуть. Освѣщеніе... ну да незачѣмъ глядѣть на освѣщеніе!—А вотъ замѣтьте, что значитъ писать на память, безъ натуры, отъ себя: у этого сидящаго старика нога будетъ въ сажень, если ее вытянуть; зато какъ милы двѣ дѣвушки по сторонамъ. Писалъ французъ—французу все прощается.

Терпимость Ѳедотова могла назваться безграничною; даже въ его охужденіи всегда было нѣчто мягкое, смягчающее рѣзкость главнаго приговора. Мимо картинъ, плохихъ до крайности, проходилъ онъ молча и какъ бы торопливо: никогда не позволялъ онъ себѣ глумиться надъ бездарностью, наносить ударъ упавшему человѣку. Трудъ былъ для него чѣмъ-то священнымъ: никогда не выражая этой мысли отчетливымъ образомъ, онъ служилъ ей всю жизнь, въ мелочахъ и въ дѣлахъ первой важности, почерпая въ ней всю свою силу, все счастье своей жизни. Къ празднымъ людямъ онъ постоянно чувствовалъ нѣкоторую антипатію, оправдывая себя такими словами:

„Я знаю, что человѣкъ безъ занятій, въ душѣ своей, врагъ каждому трудящемуся человѣку!"

Сочувствіе Ѳедотова къ дѣятельности его знаменитыхъ товарищей по Академіи было безпредѣльно: съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о геніи Брюлова, какими радостными словами встрѣтилъ онъ блестящія начинанія г. Рицони! Никогда не забуду его словъ по полученіи извѣстія о смерти скульптора Ставассера:

„Умеръ еще одинъ великій художникъ! — умеръ, не показавъ намъ десятой части своего товара!".

Грустныя выраженія, будто пророчившія собственную участь Павла Андреича!

Въ эту же самую осень счастливый случай сблизилъ насъ съ Павломъ Андреичемъ еще болѣе прежняго. Почти въ одно и то же время онъ перемѣнилъ свою квартиру, между тѣмъ какъ я занялъ для себя еще одну

квартиру, у Большого проспекта, такъ что строеніе, въ которомъ жилъ Ѳедотовъ, оказалось на половинѣ дороги между обоими жильями его преданнаго друга, товарища и почитателя. Одинъ разъ, проходя пѣшкомъ по 21-й линіи, я услышалъ стукъ въ окно маленькаго, деревяннаго домика въ одинъ этажъ, и когда подошелъ поближе, мнѣ предстали неразлучныя фигуры художника съ его вѣрнымъ служителемъ.

— Мы съ вами опять финляндцы! кричалъ Ѳедотовъ. (Казармы полка были видны изъ его оконъ). — Входите же поскорѣе. Теперь мы будемъ видѣться всякій разъ, какъ вы того захотите.

Коршуновъ, маленькій черный человѣкъ съ смѣтливымъ и умнымъ лицомъ, какъ у всѣхъ ярославцевъ, также очень довольный близостью полка, выбѣжалъ ко мнѣ и повелъ меня по двору, украшенному полу-развалившимися сараями, клѣтушками и дряхлымъ флигелемъ.

По внутреннему расположенію, эта квартира Ѳедотова, въ домѣ господина **, была значительно хуже всѣхъ квартиръ, до того имъ занимаемыхъ: она вся состояла изъ маленькихъ сѣней и одной холодной комнаты, да еще чуланчика, гдѣ помѣщался служитель. Коршуновъ, уже успѣвшій и съ своей стороны пристраститься къ искусству, съ довольнымъ видомъ указалъ мнѣ на стѣны своего помѣщенія, сверху до низу оклеенныя лубочными картинками и неудачными рисунками, отданными бариномъ въ его вѣчное владѣніе.

— Какъ же и мнѣ не заниматься художествами! прибавилъ онъ, весело смѣясь.

Комната Павла Андреича была вся загромождена гипсовыми вещами, книгами и начатыми рисунками. Въ одномъ уголку стоялъ манкенъ, съ перваго взгляда совершенно напоминавшій живого человѣка; прямо противъ него помѣщался слѣпокъ съ Венеры Медицейской. Квартира стоила пять рублей въ мѣсяцъ; выбирая ее, Ѳедотовъ гнался не за дешевизной (ему нѣсколько разъ предлагали помѣщенія недорогія и удобныя), а за тѣмъ, чтобъ главная комната сходствовала съ комнатой, задуманной имъ для одной изъ своихъ картинъ. Сверхъ того, оказывалось нужнымъ, чтобъ эта комната была не на солнцѣ, имѣла-бъ три окна да еще какія-то другія особенности. Къ сожалѣнію, весь трудъ (онъ искалъ такой квартиры нѣсколько мѣсяцевъ) оказался напраснымъ: планъ задуманной картины смѣнился другими планами, а за Ѳедотовымъ осталось только холодное и безпокойное помѣщеніе, черезъ стѣну съ маленькими дѣтьми, кричавшими, бѣгавшими и плакавшими цѣлые сутки, безъ отдыха.

Впрочемъ, описанныя неудобства выкупались многими выгодами. Ѳедотовъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ общее мѣрило удобствъ и неудобствъ, бѣдъ и радостей жизни вовсе не существуетъ. Мнѣ было истинно смѣшно, когда многіе прекрасные люди, побывавъ у него въ полу-разрушенномъ домикѣ, начинали соболѣзновать и судить о бѣдной обстановкѣ по своему.

„Во сколько разъ—можно было сказать имъ при этихъ случаяхъ—во сколько разъ нашъ художникъ счастливѣе васъ всѣхъ, господа, окруженныхъ довольствомъ и комфортомъ! Для него весь день состоитъ изъ отрадныхъ ощущеній; онъ охотно желалъ бы, чтобъ его сутки имѣли сорокъ-восемь часовъ, тогда какъ вы можетъ быть, не знаете, что дѣлать съ половиною вашего времени!"

И точно: радости Павла Андреича были почти непонятны людямъ, ужасавшимся при видѣ его убогаго помѣщенія. Не говоря уже о сладости труда, объ упоеніи извѣстности, о кружкѣ добрыхъ молодыхъ друзей, нашъ живописецъ видѣлъ цѣлые потоки наслажденій въ одной своей наблюдательной способности. Видъ снѣговой поляны передъ окнами, розовые сумерки зимняго вечера дѣлали его счастливымъ на весь день *); всѣ жильцы дома: огородники, слѣпая дѣвушка и старѣйшій морякъ, ходившій обыкновенно въ фуражкѣ съ половиною козырька, интересовали его, и онъ хорошо зналъ ихъ нравы. Иногда мы посвящали утро, а лѣтомъ—вечеръ, прогулкѣ на Смоленское кладбище, въ селеніе Галерной Гавани, и всякій человѣкъ, знавшій Ѳедотова, не найдетъ страннымъ, если я скажу, что подобнаго рода прогулки по отдаленнымъ захолустьямъ были для меня въ десять разъ интереснѣе бала, оперы, самой любопытной и рѣдкой книги. Вѣчно ровный по характеру, зоркій на все живописное, образованный совершенно по своему, неистощимый въ разговорѣ, понимавшій цѣну жизни такъ, какъ никто ее не понимаетъ, Ѳедотовъ былъ полонъ истинной самостоятельности, наблюдательности безграничной, но симпатической. Когда я бывалъ съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ казалось, что у меня во лбу лишнихъ два глаза, и что лишняя голова сидитъ на моихъ плечахъ. Разсказы этого человѣка, видѣвшаго на своемъ вѣку только Петербургъ и Москву, были живѣе, интереснѣе, неистощимѣе, чѣмъ разсказы многихъ людей, объѣхавшихъ полъ-свѣта. Сознаніе того, что жизнь его полна и вѣчно будетъ полною, надѣляло Ѳедотова спокойствіемъ духа, способностью быть счастливымъ,—способностью, твердо стоявшею противъ всѣхъ враждебныхъ случайностей. Онъ никогда не торопился, ни къ чему не рвался; даже въ дѣлахъ любви онъ оказывался разсудительнымъ. Подъ угловатостью его манеръ, подъ сужденіями, для иныхъ казавшимися рѣзкими, таились деликатность духа, терпимость и уступчивость безконечная, спокойная вѣра въ силу труда, въ обязательность принятаго имъ на себя дѣла.

Отрадно подумать, что въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Андреичъ былъ истинно-счастливымъ человѣкомъ, и, конечно, не промѣнялъ бы своей участи на участь богача. Лучшимъ доказательствомъ этого довольства своимъ положеніемъ (кромѣ словъ самого художника) можетъ служить его совершеннѣйшая холодность ко всякому измѣненію въ своемъ образѣ жизни. Знакомства у Ѳедотова было очень много, особенно послѣ выставки, и онъ знакомился съ людьми охотно; но, побывавъ въ новыхъ домахъ два-три раза, наглядѣвшись на новыя лица, тотчасъ же возвращался онъ къ ряду своихъ обычныхъ занятій и развлеченій. Частыя приглашенія его тяготили; разгульныхъ же компаній онъ рѣшительно не любилъ. Вторженіямъ энтузіастовъ въ свое помѣщеніе онъ бывалъ очень радъ, платилъ имъ визиты, дружился и потомъ опять заку-

*) У меня хранится видъ 20-й линіи, зимой, около сумерекъ, подаренный мнѣ Павломъ Андреичемъ. Около дома г. ** идутъ двѣ фигуры въ шубахъ, изображающія его самого вдвоемъ со мною. Вся вещица кончена въ одно утро, масляными красками.

порывался въ 21-ю линію. Между этими энтузіастами бывали и дамы, иногда хорошенькія и богатыя, иногда очень расположенныя въ пользу таинственнаго художника; но Өедотовъ и тутъ не поддавался искушенію, не смотря на свою всегдашнюю, весьма извинительную слабость къ похваламъ и ласкамъ женщинъ.

Одно изъ приключеній въ такомъ родѣ,—приключеній, на время возмутившихъ душевный покой Павла Андреича, заключалось въ слѣдующемъ. Молодая и богатая дѣвушка, постоянно слѣдившая за успѣхами нашего художника, успѣвшая убѣдиться въ благородствѣ его души и другихъ достоинствахъ, открыто дала ему замѣтить, что готова, отказавшись отъ другихъ партій, терпѣливо выжидать того времени, когда еще нѣсколько лишнихъ шаговъ по пути къ извѣстности позволятъ Өедотову предложить ей свою руку. Откровенный поступокъ дѣвицы, неоспоримо показывая въ ней присутствіе души благородной и юношеской, не могъ не подѣйствовать на Павла Андреича. Не называя особы и не вдаваясь въ исторію своихъ къ ней отношеній, одинъ разъ, въ искреннемъ разговорѣ, онъ передалъ все происшествіе, называя главное лицо героинею. Послѣ разсказа Өедотовъ принялся развивать теоріи, воздвигнувшія съ моей стороны сильное противодѣйствіе.

Эта женщина—говорилъ онъ—теперь получаетъ полную власть надо мною. Меня слишкомъ мало любили и цѣнили въ мою жизнь; я обязанъ всѣмъ особѣ, полюбившей и оцѣнившей меня въ настоящее время. Я чувствую, что съ прекращеніемъ одинокой жизни кончится моя художническая карьера. Мнѣ принесена жертва, и, можетъ быть, я отвѣчу на нее жертвою.

Таковъ былъ общій смыслъ его длинныхъ рѣчей, и вообще онъ находился въ волненіи скорѣе тягостномъ, чѣмъ отрадномъ.

Аргументы мои, о которыхъ я долженъ упомянуть затѣмъ, чтобъ послѣдующія замѣтки Өедотова были понятны, заключались въ слѣдующемъ. Дѣвица, отказавшаяся отъ выгодныхъ партій и рѣшившаяся выжидать брака съ знаменитымъ, любимымъ, хотя небогатымъ человѣкомъ, по моему пониманію, поступала очень благородно, умно; но героизма въ ея поступкѣ я не примѣчалъ никакого. Өедотовъ имѣлъ чинъ, званіе академика *), репутацію, связи; бѣденъ онъ былъ не по отсутствію потребности на его трудъ, но потому, что самый трудъ еще выполнялся медленно; совладавъ съ мелочами техники, нашъ художникъ могъ смѣло сказать самъ себѣ: „теперь и я и мои родные обезпечены!“ Жертвы, требующей въ награду другой жертвы, не оказывалось. Самые толки о жертвѣ и героизмѣ заставляли меня думать, что Павелъ Андреичъ въ этомъ дѣлѣ любитъ скорѣе головой, чѣмъ сердцемъ.

Въ отвѣтъ на мои замѣчанія покойный художникъ сказалъ мнѣ, своимъ отрывистымъ и картиннымъ языкомъ, котораго и передавать не берусь, нѣсколько мыслей, кидающихъ яркій свѣтъ на то, какъ понималъ онъ свою жизнь и свое назначеніе. Изъ словъ его было видно, что онъ считаетъ трудъ упорный, трудъ неотступный величайшимъ наслажденіемъ въ жизни, что быть умныхъ, милыхъ, но праздныхъ людей кажется ему достойнымъ жалости, что каждый день его есть одна цѣпь событій, мыслей, замысловъ, радостей при успѣхѣ усиленной работы при вымыслѣ, что онъ увѣренъ въ своихъ силахъ и будущей славѣ, что ему знакомо только одно горе: бѣдное положеніе его престарѣлаго отца съ семействомъ.

— Подумали ли вы о томъ, прибавилъ онъ наконецъ:—сколько постороннихъ радостей, сколько вредныхъ искусству заботъ повлечетъ за собой моя тѣсная связь съ богатымъ семействомъ, наконецъ моя жизнь семейная. Меня не станетъ на двѣ жизни, на двѣ задачи, на двѣ любви—къ женщинѣ и искусству. Развѣ затѣмъ я долженъ принять ея руку, чтобъ оставить ей одни заботы и хлопоты, а самому, вдали отъ нея, вести ту жизнь, безъ которой я не могу впередъ двигаться? На прошлой недѣлѣ мы провели съ вами отличный вечеръ, шатаясь по дальнимъ улицамъ, представляя, будто мы нанимаемъ углы отъ жильцовъ,—шатаясь, подсмотрѣли десятки сценъ: голова моя обогатилась, я задумалъ нѣсколько новыхъ эскизовъ. Возможны ли подобныя занятія при семейной жизни? Нѣтъ, чтобъ идти, и идти прямо, я долженъ оставаться одинокимъ зѣвакой, до конца дней моихъ. Моего труда въ мастерской только десятая доля: главная моя работа на улицахъ и въ чужихъ домахъ. Я учусь жизнью, я тружусь глядя въ оба глаза; мои сюжеты разсыпаны по всему городу, и я самъ долженъ ихъ разъискивать. Свѣтъ сердится, когда люди умѣютъ быть счастливыми безъ него, и я не намѣренъ ссориться со свѣтомъ.

Нетрудно предположить послѣ такого взгляда на вещи, что образъ жизни Павла Андреича былъ довольно оригиналенъ. Еслибъ онъ имѣлъ время и прихоть вести свой журналъ, мы обладали бы автобіографіею несравненною въ своемъ родѣ,—автобіографіею, изъ которой художники послѣдующихъ поколѣній могли бы почерпать готовые сюжеты для картинъ. Просыпался Өедотовъ очень рано, раскрывалъ форточки, не смотря на погоду, иногда просовывалъ туда голову, дышалъ холоднымъ воздухомъ, иногда заглядывалъ на дымъ отъ трубъ, на изморозь, на свѣжую траву или на проходящихъ пѣшеходовъ. Потомъ его обливали холодной водою, одѣвали, смотря „по сезону“ (его слово), въ пальто или теплую шинельку—и Павелъ Андреичъ, нахлобучивъ теплую фуражку самаго некрасиваго вида, устремлялся по дорогѣ къ Большому проспекту. Такъ какъ линія была и длинна и пуста, то онъ успѣвалъ обыкновенно согрѣться, не развлекаясь обиліемъ интересныхъ предметовъ. На проспектѣ онъ начиналъ наблюдать и застаиваться тамъ, гдѣ почему нибудь толпился народъ кучками. Ему попадались писцы, отправлявшіеся въ должность, финляндскіе солдатики, скидававшіе, по старой памяти, передъ нимъ шапки, потомъ хозяйки, въ сопровожденіи горничныхъ, идущія къ рынку, худож-

---

*) Въ 1850 году, 3 декабря, въ прибавку къ полученному Өедотовымъ содержанію изъ Государственнаго Казначейства, назначено было ему производить изъ Академіи, насчетъ суммы для ободренія художниковъ, отпускаемой изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, по триста рублей серебромъ въ годъ, какъ во уваженіе его дарованій, такъ и потому, что онъ, при исполненіи картинъ избраннаго имъ рода живописи, долженъ имѣть значительные расходы на наемъ людей и пріобрѣтеніе другихъ необходимыхъ при работѣ вещей. (Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Императорской Академіи Художествъ).

ники, подвигающіеся по направленію къ Академіи, а наконецъ разнощики и купечество окрестностей Андреевскаго рынка. Направленіе прогулокъ часто перемѣнялось. Сколько я могъ замѣтить, Ѳедотовъ въ этомъ отношеніи держался только одного правила: не ходилъ тамъ, гдѣ мало бываетъ народа. Заставъ его послѣ такой прогулки, уже можно было бесѣдовать съ нимъ полъ дня, не исчерпавъ всѣхъ предметовъ, имъ подмѣченныхъ. Тамъ онъ видѣлъ чухонцевъ, игравшихъ въ носки у дворника; у одного носъ уже былъ красенъ, формою своею сходствуя съ кактусомъ. Въ другомъ мѣстѣ ему удалось идти слѣдомъ за двумя толстенькими дѣвочками, отправлявшимися въ пансіонъ, при чемъ было открыто подъ шляпкой ушко маленькое и прозрачное, какое рѣдко кому видѣть случалось. Потомъ навстрѣчу попался отставной морякъ, съ половиной козырька; борода у него была какъ серебряная скребница; добрый старикашка сообщилъ кое-что очень любопытное о своемъ свиданіи съ лордомъ Нельсономъ въ Неаполѣ. Потолковавъ съ морякомъ, Ѳедотовъ толкнулся было къ одному своему должнику, который встрѣтилъ его въ самомъ утреннемъ неглиже, безъ халата, будто желая показать, что съ меня, братъ, взять нечего! Потомъ повстрѣчался одинъ фланеръ Васильевскаго Острова, въ венгеркѣ; у этого борода была выбрита, но онъ такъ рѣдко имѣлъ привычку бриться, что Ѳедотовъ, привыкнувъ видѣть у него щетину на подбородкѣ, сперва не узналъ своего пріятеля. Около домика, гдѣ живетъ та черноглазая, онъ заглянулъ въ окно и узрѣлъ бѣднаго мужа, забившагося въ уголъ, между тѣмъ какъ сожительница кричала на весь домъ и прохожіе останавливались. И все это разсказывалось такъ, какъ немногіе умѣютъ разсказывать, а сверхъ того вся рѣчь сопровождалась шуткой, веселымъ смѣхомъ, мѣткимъ словцомъ, какой нибудь подробностью, которая такъ и носилась передъ вашими глазами.

За прогулкой слѣдовалъ чай, котораго одинъ стаканъ, совершенно простывши, цѣлое утро стоялъ около красокъ, и вмѣстѣ съ чаемъ капитальная работа. О взыскательности Ѳедотова къ самому себѣ, о его геройской добросовѣстности (извольте высидѣть цѣлые сутки надъ отдѣлкою подсвѣчника, когда вся картина готова и сторгована!) говорить я не буду: найдутся люди, которые обо всемъ этомъ скажутъ свое слово. Скажу только, что, проходя и проѣзжая почти ежедневно, въ одиннадцатомъ часу, мимо домика, гдѣ обиталъ Павелъ Андреичъ, и потому заходя къ нему въ недѣлю раза два, на нѣсколько минутъ, я часто бывалъ свидѣтелемъ особенностей, о которыхъ нельзя умолчать. Иногда фигуры, на окончаніе которыхъ шелъ цѣлый мѣсяцъ, вдругъ являлись замазанными, стертыми; иногда въ день наработано было болѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли усиленнаго труда. Иногда я заставалъ всѣ картины въ сторонѣ и передъ художникомъ пустую доску, бумагу или полотно.

— Не стану ничего дѣлать до тѣхъ поръ, пока не выучусь писать красное дерево, такими словами встрѣчалъ меня Ѳедотовъ. Вчера я не могъ справиться съ стуломъ. Не отойду, пока не выучусь.

Въ другой разъ, не былъ у Ѳедотова съ недѣлю, захожу утромъ и вижу новую картину—„Мадонну съ младенцемъ“!!

— Штука вотъ какого рода*), говорилъ опять Павелъ Андреичъ, смѣясь моему изумленію. Эта мысль не давала мнѣ покоя, и я захотѣлъ испробовать свои силы. Сверхъ того, мнѣ нужно добыть себѣ мягкости, граціи, неземной красоты въ лицахъ.

„Вдовушка“ показала, что этюдъ Ѳедотова не могъ назваться напраснымъ.

Одинъ разъ, въ маѣ мѣсяцѣ (это случилось дней за десять до нашей послѣдней разлуки), проѣзжая мимо квартиры нашего художника, я услышалъ знакомый стукъ въ окна, и какъ погода стояла теплая, то вслѣдъ за тѣмъ выбѣжалъ ко мнѣ самъ Павелъ Андреичъ, въ легонькомъ пальто и безъ шапки. На лицѣ его была написана великая радость, глаза весело сверкали.

— Заходите, заходите живѣе, кричалъ онъ:—хорошо, что вы были у меня вчера... вы увидите вещь, за которую меня иной можетъ ославить лгуномъ.

Мы вошли въ описанную мной комнату, пробрались между разнымъ хламомъ въ окну, у котораго еще вчера стояла картина (то была вторая или третья копія „Вдовушки“), еще вчера не представлявшая ничего, кромѣ начерно набросанной фигуры, стертаго лица и двухъ-трехъ отдѣльныхъ аксесуаровъ. На мѣсто этой вещи стояла, повидимому, другая, почти совершенно оконченная на всѣхъ трудныхъ пунктахъ, съ готовымъ лицомъ и платьемъ, со множествомъ щегольски отдѣланныхъ мелочей.

— Вы шутите надо мной, Павелъ Андреичъ, сказалъ я:—неужели это дѣло одного вечера и одного утра?

— И одной ночи, прибавилъ художникъ. Нынче, слава Богу, рано разсвѣтаетъ. Со мной произошла штука, феноменъ, чтобъ сказать благообразнѣе, о которомъ я до сихъ поръ понятіе имѣлъ только приблизительно. У меня будто искра зажглась въ головѣ; я не могъ спать, я чувствовалъ въ себѣ силу чрезвычайную; мнѣ было весело; я сознавалъ каждой жилкой то, что я могъ въ эти минуты сдѣлать. Никогда не доводилось мнѣ работать съ такой легкостью и такъ успѣшно: каждый штрихъ ложился куда слѣдовало, каждое пятнышко краски подвигало все дѣло. Я вижу, что иду впередъ. Какъ ловко и весело трудиться такимъ образомъ! **).

Вернемся, однако, къ дню Ѳедотова. Изъ только что разсказанныхъ подробностей читатель можетъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, каково шли его утреннія работы. Если результатъ бывалъ неровенъ, за то самый трудъ всегда могъ назваться пламеннымъ и неотступнымъ; часовъ шесть проходили, какъ одинъ мигъ, и къ тремъ часамъ наступало время отдыха. На нѣсколько минутъ Павелъ

---

*) Поговорка, которую онъ въ жаркомъ разговорѣ употреблялъ безпрестанно.

**) Въ тотъ же день, Ѳедотовъ показалъ свой трудъ художнику Жемчужникову. Гость, любуясь отдѣлкой «Вдовушки», сказалъ ему: «Какъ это хорошо и какъ просто»! Павелъ Андреичъ отвѣчалъ весьма мѣтко: «да, будетъ просто, какъ поработаешь разъ со сто!»

Андреичъ развлекалъ себя чтеніемъ или сочиненіемъ стиховъ *), а потомъ начиналъ одѣваться для выхода, обыкновенно самъ не рѣшаясь, куда отправиться. Въ это время можно было его перехватить и увести съ собой обѣдать; въ отвѣтъ на приглашеніе, онъ обыкновенно отвѣчалъ утвердительно, слѣдовалъ за вами на улицу, выбиралъ дальній путь и дорогою весь отдавался бесѣдѣ.

За обѣдомъ, обыкновенно, языкамъ давалась чистая свобода; начинались анекдоты, разсказы, воспоминанія о прочитанныхъ или слышанныхъ новостяхъ, толки объ искусствѣ и новыхъ картинахъ, изложеніе сценъ, подсмотрѣнныхъ за послѣдніе дни. Если въ числѣ собесѣдниковъ находились лица незнакомыя, нашъ художникъ оживлялся только къ концу стола, а до тѣхъ поръ искусно разглядывалъ каждаго новаго человѣка, дѣлая это такъ, что его наблюденія никому не кидались въ глаза. Впослѣдствіи онъ любилъ провѣрять свои наблюденія, освѣдомлялся о занятіяхъ и характерѣ каждой особы, имъ встрѣченной, обрисовывалъ каждую двумя-тремя мастерскими замѣтками; проблески сатиры и ироніи, всегда почти примѣшивавшіеся къ этимъ отзывамъ, устремлены были на мелкія странности, которымъ онъ самъ не давалъ важнаго значенія. Людей совершенно не нравившихся Ѳедотову я вовсе не знаю: онъ могъ назваться виртуозомъ въ обращеніи съ себѣ подобными и изъ самыхъ незначительныхъ личностей извлекалъ все, что только онѣ могли ему доставить. Ѣлъ Ѳедотовъ немного, къ хорошимъ блюдамъ оказывался до крайности равнодушенъ: изъ винъ любилъ только старый рейнвейнъ; ни разу во все наше долгое знакомство не случалось мнѣ видѣть, чтобъ онъ выпилъ за столомъ болѣе двухъ или трехъ рюмокъ. Если слишкомъ угодливый хозяинъ начиналъ его упрашивать на этотъ счетъ, онъ всегда отговаривался слабостью глазъ, ежедневно утомляемыхъ и раздражаемыхъ безжалостнѣйшимъ образомъ. По этой послѣдней причинѣ, Павелъ Андреичъ любилъ обѣдать только у самыхъ близкихъ знакомыхъ, запросто. Для него послѣ-обѣденный сонъ былъ лучше всѣхъ глазныхъ лекарствъ, и онъ радовался, когда въ сумерки, черезъ полъ-часа послѣ кофе, хозяинъ уводилъ его въ свой кабинетъ для отдыха. Когда намъ случалось обѣдать вмѣстѣ, въ исходѣ пятаго часа мы удалялись съ Ѳедотовымъ въ длинную, слабо-освѣщенную комнату, съ неизмѣримымъ диваномъ во всю стѣну, и, улегшись на противоположныхъ его концахъ, говорили другъ другу: „теперь будемъ спать сколько сами того пожелаемъ". Впрочемъ, при этихъ случаяхъ заснуть намъ рѣдко удавалось, а большею частью мы только болтали, лежа съ закрытыми глазами, забываясь на минуту въ промежуткахъ разговора. Павелъ Андреичъ ложился первымъ, но засыпалъ послѣднимъ изъ двухъ; если около дивана валялась какая нибудь книга, онъ ее раскрывалъ и, посреди полумрака, утомлялъ свои глаза пуще прежняго. Потомъ начинались толки о прочитанномъ, о которыхъ я до сихъ поръ не могу вспоминать безъ грусти и стѣсненія сердца: такъ новы, самостоятельны, въ высшей степени поучительны оказывались эти замѣтки! Со страстью подмѣчая каждое новое свѣдѣніе, каждую мысль, даже каждое мѣткое выраженіе, видя во всякомъ трудѣ даже нѣчто большее, чего, можетъ быть, и не думалъ сказать писатель, нашъ художникъ ко всей своей зоркости и симпатіи присоединялъ свѣжесть взгляда, которой не добиться годами усилій. Онъ читалъ немного, не имѣлъ понятія о критическихъ теоріяхъ, не слѣдилъ за политикою, журнальныя распри, русскія и иностранныя, были для него terra incognita. Въ поэзіи и литературѣ онъ желалъ видѣть пособіе своимъ трудамъ, возвышенное развлеченіе, цѣлый міръ благородныхъ и свѣтлыхъ мечтаній. Оттого съ нимъ можно было говорить о всякой точкѣ въ области старой и новой словесности, о литературныхъ дѣлахъ, давно рѣшенныхъ свѣтомъ, о новыхъ явленіяхъ, о совершенной старинѣ: на всякій вопросъ вы получали отвѣтъ человѣка, чуждаго предразсудкамъ и глядящаго на вещи съ своей собственной точки зрѣнія. Иногда Ѳедотову попадалась въ руки книга, твореніе, давно уже признанное слабымъ твореніемъ: не зная общаго суда, не имѣя способности вѣрить цѣнителямъ на слово, онъ подступалъ къ книгѣ съ любовію, и нужно было видѣть, сколько мыслей и матеріаловъ извлекалъ его пытливый умъ изъ вещи, повидимому, вялой и заброшенной! Какъ безцвѣтный лучъ, проходя стекло призмы, дробится на яркіе, радужные лучи, такъ точно вымыселъ поэта восторженнаго становился новъ и ярокъ, проходя черезъ свѣтлую голову Павла Андреича. Ему все было хорошо, все интересно; о самой бездарности могъ онъ говорить охотно и весело, сама бездарность стоила наблюденій и награждала за наблюденіе. Въ глазахъ человѣка, имѣющаго наклонность къ педантизму, къ поклоненію чужимъ мыслямъ, Ѳедотовъ могъ вѣчно слыть за безнадежнаго оригинала, и точно: его сужденія иногда могли казаться странными для людей не очень къ нему близкихъ; но если кто подъ странностью этой умѣлъ распознавать оригинальность взгляда, то для такого человѣка литературныя воззрѣнія Ѳедотова становились дороги чрезвычайно.

Старые русскіе писатели были всѣ знакомы Павлу Андреичу; но говорить о нихъ онъ не имѣлъ обыкновенія, перечитывать же позволялъ себѣ одного фонъ-Визина. Изъ новыхъ онъ страстно любилъ Крылова, къ твореніямъ Пушкина и Гоголя былъ холоднѣе, нежели того можно было ожидать. Я не знаю, читалъ ли онъ „Мертвыя Души" больше одного разу **). Холодность эту я не могу объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ недосуга и отсутствія системы въ чтеніи. О стихотвореніяхъ Лермонтова имѣлъ онъ довольно смутное понятіе до тѣхъ поръ, пока ихъ томикъ не попался ему какъ-то подъ руку. Во время чтенія, восторгъ его, какъ обыкновенно у воспріимчивыхъ людей, принялъ размѣры даже слишкомъ великіе; онъ говорилъ безпрестанно:

---

*) О литературныхъ трудахъ Ѳедотова я не могу говорить съ полнымъ безпристрастіемъ: по моему мнѣнію, эти труды вредили Павлу Андреичу, утомляя его безъ нужды, тогда какъ излишнее утомленіе было для него вреднымъ. Если это мнѣ удастся, какъ я того желаю, современемъ приготовить подробную біографію нашего художника, въ ней я поговорю о стихахъ покойнаго.

**) Тѣмъ не менѣе онъ очень уважалъ Гоголя и на одномъ вечерѣ, послѣ долгаго разговора съ авторомъ «Бульбы», сказалъ потихоньку одному изъ присутствовавшихъ: «Пріятно слушать похвалу отъ такого человѣка! Это лучше всѣхъ печатныхъ похвалъ!»

— Боже мой, неужели человѣкъ можетъ высказывать такія чудеса въ одной строкѣ!... За два такія стихотворенія—два года жизни!... Это галлерея изъ трудовъ великаго мастера!... Пушкинъ ничто передъ этимъ человѣкомъ.

Никогда не забуду того чувства, съ которымъ онъ прочелъ раза три къ ряду эти два стиха, брильянты русской поэзіи:

Нагая степь синѣетъ и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ...

— Я не былъ на Кавказѣ, прибавилъ онъ, прочитавъ ихъ съизнова. — Послѣ этихъ двухъ стиховъ я болѣе знаю видъ края, чѣмъ иной, съѣздившій туда нѣсколько разъ. Сыщите мнѣ еще что нибудь о Кавказѣ.

Я открылъ ему сперва „Выхожу одинъ я на дорогу", потомъ „Въ полдневный зной, въ долинѣ Дагестана".

— Полно, полно! сказалъ Павелъ Андреичъ, принимаясь за нихъ: — эти стихи могъ только написать богатырь, въ минуту скорби неслыханной!

Въ области нашей новѣйшей словесности знакомы были ему только три или четыре имени. Ему нравилась комедія Островскаго „Свои Люди"; одинъ разъ, слушая чьи-то неблагосклонные отзывы о комедіи „Бѣдная Невѣста", Ѳедотовъ выразился весьма тривіяльно, по крайне картиннымъ образомъ: „Чего вы досадуете на автора—сказалъ онъ—вся его вина въ томъ, что послѣ первой комедіи онъ не далъ себѣ настояться. Нашъ братъ наблюдатель то же, что бутыль съ наливкой: вино есть, ягоды есть — нужно умѣть только разливать во время".—Французская и англійская словесность были знакомы Ѳедотову въ ихъ общихъ чертахъ. Живописцы давно уже замѣчены въ нѣсколько исключительномъ взглядѣ на труды поэтовъ и бельлетристовъ: для нихъ картинность описаній обыкновенно есть первое дѣло въ книгѣ; но Павелъ Андреичъ не раздѣлялъ этого весьма понятнаго и извинительнаго взгляда. Онъ былъ безъ ума отъ психологическаго анализа въ романахъ Бальзака. Изъ англичанъ, сколько могу припомнить, его любимцами были В. Ирвингъ и лордъ Байронъ. По книгамъ Байрона онъ учился языку, но вскорѣ долженъ былъ оставить уроки, не имѣя на то достаточно времени.

Грецію Павелъ Андреичъ любилъ пламенно, но изъ древнихъ читалъ только Гомера въ русскомъ и Аристофана во французскомъ переводахъ. Мнѣ кажется, будто я вижу его передъ собой сейчасъ послѣ прочтенія первыхъ книгъ „Иліады". Запасшись двумя большими томами Гнѣдичева перевода, Ѳедотовъ куда-то исчезъ дня на три; потомъ мы встрѣтились съ нимъ на улицѣ, и такъ какъ дѣло происходило весною, то вошли въ старый садъ, принадлежавшій къ моей второй квартирѣ. Во время прогулки по темной аллеѣ нашъ художникъ сталъ передавать мнѣ все наслажденіе, имъ испытанное при чтеніи Гомера. Всѣ книги, когда либо имъ читанныя, были ничто передъ „Иліадою". Гомеръ оказывался „старичишкой, передъ которымъ нужно было упасть на колѣни и плакать". Тутъ я подивился необыкновенной памяти и артистической зоркости Ѳедотова: за эти нѣсколько дней онъ будто изучилъ первую часть „Иліады" въ эстетическомъ отношеніи и, передавая красоты, особенно его поразившія, не пропустилъ мелкихъ подробностей. Онъ замѣтилъ, какъ кстати Гекторъ „раздвигаетъ ноги", чтобъ выломить дверь ахтейской стѣны, и какъ страшно загудѣлъ мѣдный щитъ Аякса, отразивъ камень, кинутый Гекторомъ. О главныхъ красотахъ говорить нечего: сцена, когда малютка Астіанаксъ

....назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркою мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматой,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой....

привела его въ неописанное восхищеніе. „Вотъ что можетъ назваться—замѣтилъ онъ—стать однимъ прыжкомъ выше всей вселенной! Дальше этой сцены не пойдетъ ни поэзія, ни живопись. И некуда идти дальше: это совершенство".

Продолжая говорить такимъ образомъ, Ѳедотовъ далъ себѣ слово посвящать хотя одинъ часъ въ день на чтеніе древнихъ авторовъ, „изъ которыхъ больше выучишься, чѣмъ перглядѣвъ всѣ галлереи картинъ на свѣтѣ", „И вообще—прибавилъ онъ—только съ нѣкоторыхъ поръ я началъ сознавать всей душою, что всякій художникъ новаго періода не можетъ жить безъ чтенія. Я знаю многихъ талантливыхъ людей, неимѣющихъ случая образовать себя въ этомъ отношеніи: ихъ трудъ и слава отъ этого терпятъ много-много. Возьмите новую французскую школу: при своей поверхностности, недобросовѣстности, привычкѣ писать отъ себя, она держится и славится черезъ начитанность ея представителей. Эти ловкіе люди мечутся во всѣ стороны, читаютъ, выдумываютъ, поднимаютъ на ноги Данта, Гёте, Байрона, Бокаччіо, знаютъ, съ которой стороны зацѣпить вниманіе публики, и черезъ это пишутъ вещи, одинъ сюжетъ которыхъ есть уже половина успѣха. Придайте теперь эту ловкость нашимъ трудолюбивымъ, хорошо знающимъ анатомію молодымъ людямъ—и вы увидите, что они будутъ въ состояніи сдѣлать. Пока русское художество находилось въ младенчествѣ, толковать обо всемъ этомъ было бы такъ же смѣшно, какъ полировать мраморъ передъ тѣмъ, чтобъ вырубать изъ него фигуру: но нынче другая пора и другое время. Я помню, какъ одинъ разъ мнѣ показали картину знаменитаго француза ***; въ ней было столько ошибокъ и слабыхъ сторонъ, промаховъ чисто непростительныхъ! Вѣрьте мнѣ, тотъ изъ новыхъ художниковъ, который введетъ на практикѣ то, что мы говоримъ между собою, сдѣлаетъ бездну пользы для нашего отечества!"

Необходимыя и, какъ мы надѣемся, характеристическія отступленія увлекли насъ далеко отъ главной темы, то есть подробнаго изображенія ежедневной жизни Ѳедотова. Съ наступленіемъ вечера онъ или снова принимался за работу, набрасывая карандашомъ очерки будущихъ картинъ, рисуя отдѣльныя сцены, или же, вмѣсто рисовки, отправлялся куда нибудь бесѣдовать и, бесѣдуя, наблюдать. Въ послѣдніе два года онъ лю-

билъ, для сбереженія времени, сливать всѣ эти занятія воедино, то есть по бóльшей части ходилъ въ тѣ дома, гдѣ можно было безъ церемоніи усѣсться посреди гостей съ карандашемъ и бумагою, чертить и рисовать, въ то же время болтать, слушая музыку или разглядывая новыя лица. Плодомъ этихъ вечернихъ занятій осталось множество прелестнѣйшихъ рисунковъ á la Gavarni, часть которыхъ должна быть между бумагами Павла Андреича, а другая, несравненно значительнѣйшая, роздана, кому пришлось, самимъ художникомъ. Въ вечернее время женское общество было необходимо Ѳедотову.

Таковъ былъ обыкновенный день нашего художника. Его порядокъ иногда измѣнялся какимъ нибудь званымъ обѣдомъ, новымъ знакомствомъ или путешествіемъ въ итальянскую оперу. Павелъ Андреичъ, какъ слѣдовало предполагать, предпочиталъ раекъ всѣмъ другимъ помѣщеніямъ Большого театра, и конечно, былъ правъ, ибо каждый день послѣ райка былъ днемъ забавнѣйшихъ, обворожительныхъ разсказовъ. Одинъ разъ, между прочимъ, не довольствуясь компаніей райка, онъ поднялся еще выше—въ какую-то тусклую пустыню: такъ, огороженная рѣшоткой, представилась ему дыра, изъ которой спускается люстра. Пока Ѳедотовъ наслаждался обозрѣваніемъ вновь открытой имъ обители, какой-то мужикъ въ тулупѣ подбѣжалъ къ нему и сталъ укорять его за то, что онъ осмѣлился направить свои стопы туда, гдѣ не бываетъ ни одинъ смертный изъ числа театральныхъ посѣтителей. Угрюмый тонъ сторожа не смутилъ Ѳедотова: онъ началъ предлагать ему полтинникъ, съ тѣмъ, чтобъ тотъ позволилъ ему взглянуть хоть разокъ въ пропасть, освѣщенную люстрой. „Ступай вонъ—возразилъ на это неподкупный служитель—говорятъ тебѣ, пошелъ во свояси убирайся подобру, поздорову. Никому не позволено смотрѣть въ эту дыру, слышь ты!“ Между тѣмъ новый актъ начался, и Павелъ Андреичъ утѣшенъ былъ за свою неудачу слушаніемъ „Гугенотовъ“ и наблюденіемъ надъ своими оригинальными сосѣдями. Понятно, какимъ изобиліемъ замѣтокъ обогащался онъ послѣ всякой оперы.

Еще однимъ великимъ, хлопотливымъ, требующимъ большихъ издержекъ, но зато чрезвычайно благороднымъ занятіемъ въ жизни Павла Андреича было изученіе натуры, потребной для сочиненія той или другой картины, дѣятельно подвигаемой впередъ. Чтобъ понять, до какой степени этотъ трудъ былъ великъ, нужно вспомнить необыкновенную добросовѣстность Ѳедотова и его глубокое отвращеніе къ рисовкѣ предметовъ, изъ головы, то есть безъ натуры передъ глазами. Такъ, напримѣръ, при отдѣлкѣ „Сватовства“. Ѳедотову прежде всего понадобился образецъ комнаты, приличной сюжету картины. Подъ разными предлогами, онъ входилъ во многіе купеческіе дома, придумывалъ, высматривалъ и оставался недовольнымъ. Тамъ хороши были стѣны, но аксесуары съ ними не ладили; тамъ годилась обстановка, но комната была слишкомъ свѣтла и велика. Одинъ разъ, проходя около какого-то русскаго трактира (близъ Гостиннаго Двора, если не ошибаюсь), художникъ примѣтилъ сквозь окна главной комнаты люстру съ закопченными стеклышками, которая „такъ и лѣзла сама въ его картину“. Тотчасъ же зашелъ онъ въ таверну и съ неописаннымъ удовольствіемъ нашелъ то, чего искалъ такъ долго. Стѣны, вымазанныя желто-бурою краскою, картины самой наивной отдѣлки, потолокъ, изукрашенный расписными „пукетами“, пожелтѣвшія двери,—все это совершенно согласовалось съ идеаломъ, столько дней носившимся въ воображеніи Ѳедотова.

Едва только одолѣлъ онъ первую трудность, явилась тысяча другихъ. Нужно было сыскать оригиналъ купца, застегивающаго кафтанъ, его жены, удерживающей (на картинѣ) невѣсту за платье, невѣсту, прислугу, жениха, кисейное платье, разныя аксесуарныя вещи, необходимыя для картины. Разысканіе живыхъ типовъ по широкому Петербургу не могло быть въ тягость нашему наблюдателю, найти лица не было дѣломъ очень тяжелымъ; но гдѣ было достать денегъ на плату натурщикамъ, не входя въ долги и не лишая своихъ родныхъ получаемой ими части? Обязываться кѣмъ нибудь Ѳедотовъ не любилъ, долговъ же боялся какъ болѣзни, лишающей человѣка веселости и независимости. И вотъ, жертвуя своимъ скуднымъ достаткомъ тамъ, гдѣ оно оказывалось необходимымъ, Павелъ Андреичъ все-таки съумѣлъ обдѣлать наибольшую часть своей задачи и пріятнымъ и выгоднымъ образомъ. Какой-то добродушный купецъ (честь ему за то и слава) охотно согласился дать скопировать свою особу, одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ самъ вызвался служить натурой для жениха, безпрекословно облачаясь въ мундиръ и стоя на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько того было угодно Ѳедотову. На Толкучемъ и на Андреевскомъ рынкахъ нашъ живописецъ высмотрѣлъ нѣсколько старухъ и сидѣльцевъ, пригласилъ этотъ народъ къ себѣ, угостилъ чаемъ, нанялъ за сходную цѣну и во время работы побесѣдовалъ съ нимъ такъ, какъ только онъ умѣлъ бесѣдовать. Платья, мебель и мелкія вещи взяты были у пріятелей, а предметы такого же рода, слишкомъ старые и загрязненные, выбирались изъ лавокъ или ресторацій.

Когда требовалось заготовлять все нужное для писанія картины и, такъ сказать, расчищать себѣ дорогу для опредѣленной цѣли, Павелъ Андреичъ оказывался неутомимѣйшимъ изъ смертныхъ. Одинъ разъ онъ съѣздилъ въ которое-то изъ женскихъ учебныхъ заведеній Петербурга для свиданія съ одною изъ родственницъ и, возвращаясь оттуда, задумалъ картину, подъ названіемъ „Пріѣздъ Государя Императора въ *** Институтъ“. На этой картинѣ, которой нѣжный и трогательный сюжетъ не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, Ѳедотовъ имѣлъ въ виду изобразить болѣе сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобъ зрителю эти дѣти и дѣвушки казались какъ будто существами знакомыми и когда-то видѣнными. На приготовительныхъ трудахъ по этому случаю можно было дѣйствительно усмотрѣть изобиліе женскихъ и дѣтскихъ типовъ, начиная отъ здоровой кудрявой рѣзвушки до задумчивой дѣвочки, и отъ граціозной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ правильной и строгой, даже нѣсколько холодной красоты. Такъ какъ Ѳедотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ время отъ времени ѣздить въ институты, за оригиналами не могло быть остановки; но гдѣ же надлежало скопировать мѣсто дѣйствія, большую залу съ колоннами, постелями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе потребно было имѣть передъ глазами каждую минуту, между тѣмъ какъ безпрестанныя посѣщенія института оказались

бы невозможными. Подумавъ немного, нашъ художникъ рѣшился въ своей комнатѣ устроить себѣ институтскую залу съ помощію картона, палочекъ и гласированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣривалъ по масштабу, клеилъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, а наконецъ плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными окнами; внутри коробки, открытой съ боку, помѣщались бѣлыя колонны и ряды кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ; каждая кроватка отдѣлывалась какъ будто для игрушки.

Мѣсяца за три, можетъ быть, за четыре до послѣдней болѣзни Павла Андреича случилась съ нимъ маленькая исторія, ясно показывающая, до какой степени онъ забывалъ все на свѣтѣ, когда ему предстояло удовлетворить своей главнѣйшей страсти, именно: страсти къ наблюденію Передъ наступленіемъ весны, въ сырое и холодное утро, нашъ художникъ почувствовалъ головную боль и, чтобъ прогнать ее, пошелъ бродить по улицамъ. Гдѣ-то около Гороховой онъ встрѣтилъ кучку людей, по всей вѣроятности, писцовъ, отправлявшихся вмѣстѣ завтракать въ ресторацію „Пекинъ“ или „Мысъ Доброй Надежды“.

Одинъ изъ этихъ господъ, маленькій, бойкій человѣчекъ, „очень похожій на чижика“, шутилъ надъ своими пріятелями и задиралъ ихъ такъ бойко, что Ѳедотовъ засмотрѣлся, заслушался и потомъ очутился самъ въ „Пекинѣ“, гдѣ усѣлся въ уголъ около окна, на пунктѣ, самомъ удобномъ для наблюденія. Шутки и разговоръ завтракавшихъ джентльменовъ кончились ссорой, при чемъ чижикъ былъ выдранъ за волосы; но это его нимало не сконфузило; онъ только встряхнулъ головою и сказалъ, обращаясь ко всей компаніи:

— Извольте спорить съ такими задорными людьми.

Между тѣмъ съ однимъ изъ членовъ бесѣды сдѣлалось дурно, по всей вѣроятности, отъ излишней порціи водки. Онъ упалъ на полъ, а друзья, чтобъ освѣжить его, отворили форточку, ту самую, около которой сидѣлъ Павелъ Андреичъ. Не обращая вниманіе на эту мелочь, Ѳедотовъ продолжалъ глядѣть во всѣ глаза, запоминая физіономіи; а между тѣмъ холодный вѣтеръ дулъ ему прямо въ затылокъ. Въ этотъ день мы сидѣли вмѣстѣ вечеромъ, и онъ передавалъ всю сцену слушателямъ, но на утро схватилъ сильный кашель съ лихорадкой и головной болью. Цѣлую недѣлю пролежалъ онъ въ постели, передавая всѣмъ посѣтителямъ забавную исторію бойкаго чижика и своей простуды.

Головныя боли начались у Павла Андреича задолго до приключенія съ чижикомъ. Прямая ихъ причина заключалась въ постоянномъ утомленіи зрѣнія, а можетъ быть и въ немного причудливомъ обхожденіи художника съ своими глазами. Одинъ разъ я засталъ Ѳедотова въ странномъ и тогда смѣшномъ положеніи: онъ сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ лежали исписанные листы бумаги (то были стихи), а на глазахъ его красовались какіе-то компрессы не то изъ тряпочекъ, не то изъ бѣлой бумаги, смоченной холодной водою. Тутъ же стояла вода со льдомъ. Павелъ Андреичъ по временамъ снималъ одинъ изъ компрессовъ, спускалъ въ воду, оглядывалъ глазомъ всю комнату и снова налагалъ холодное тѣло на открытый глазъ.

— Вы простудите вашу голову и глаза, сказалъ я ему.

— Да ужъ я это дѣлаю цѣлые годы, былъ отвѣтъ.

— Кто же вамъ это посовѣтовалъ, Павелъ Андреичъ?

— Кто? я самъ выдумалъ.

Къ головной и глазной боли часто присоединялись, съ молодыхъ лѣтъ, нѣкоторое нервное разстройство и безсонница. Какъ большая часть людей, которыхъ голова находится въ постоянной работѣ, Ѳедотовъ любилъ мертвую тишину ночью, и малѣйшій шумъ отгонялъ у него сонъ, часто до бѣлаго разсвѣта. Одинъ разъ его уговоривалъ ночевать у себя одинъ изъ товарищей: но, когда все въ домѣ улеглось, Ѳедотовъ замѣтилъ, что какіе-то часы щелкаютъ надъ его головою. Тщетно пытаясь заснуть, онъ наконецъ повелъ рукой по стѣнѣ и, „схватилъ часы за хвостъ“, то есть за маятникъ, остановилъ ихъ тутъ же. Казалось, оставалось только захрапѣть, но нашему художнику пришла мысль вотъ какого рода: „часы съ маятникомъ, конечно, самые вѣрные часы въ домѣ, и слуга смотритъ на нихъ утромъ, собираясь будить хозяина. Хозяинъ человѣкъ служащій,—стало быть, если его не разбудятъ во время, опоздаетъ къ своей должности, получитъ непріятность и всѣмъ этимъ будетъ одолженъ своему гостю“. Насилу-насилу служитель былъ предувѣдомленъ, и сонъ удостоилъ сойти на Ѳедотова.

Безпрерывная, пламенная дѣятельность мысли жгла, истощала натуру Павла Андреича. На видъ онъ былъ силенъ и крѣпокъ; но люди, знавшіе его лѣтъ восемь сряду, видѣли, какъ онъ старѣлъ и блѣднѣлъ съ каждымъ годомъ. Вотъ еще анекдотъ по этому предмету, болѣе значительный, чѣмъ исторія о часахъ, пойманныхъ за хвостъ. Ужиная у котораго-то изъ своихъ друзей, на Петербургской или Выборгской сторонѣ, нашъ художникъ склонился на убѣжденія хозяина и вмѣсто того, чтобъ отправляться на Островъ по пустымъ и темнымъ улицамъ, рѣшился переночевать въ его домѣ. На этотъ конецъ отдѣлена была комната въ сторонѣ отъ главнаго помѣщенія, окнами на дворъ; но, къ несчастію, чуть бесѣда кончилась и Ѳедотовъ улегся, пѣтухи, въ изобиліи находившіеся при домѣ, стали пѣть разными голосами, то хриплыми, то звонкими, то яростными. Музыка эта отогнала сонъ отъ художника, а безсонница зародила множество мыслей, плановъ будущихъ сочиненій и т. д. Пока пѣтухи пѣли, въ головѣ Ѳедотова уже составился эскизъ, очеркъ новой картины,—кажется той, которую онъ хотѣлъ назвать „Блуднымъ Сыномъ“. За большимъ планомъ послѣдовали новые, поменьше; изъ нихъ одинъ занялъ Ѳедотова до такой степени, что онъ ждалъ утра, для того, чтобъ немедленно приняться за работу. Стало свѣтать, пѣтухи залились съ новымъ рвеніемъ, рисуночекъ обозначался все яснѣе и яснѣе; наконецъ, Ѳедотовъ увидѣлъ себя въ совершенной невозможности улежать на своемъ мѣстѣ. Вставши, онъ тихо прошелъ въ переднюю, нашелъ тамъ свое платье и чьи-то преширокіе сапоги, надѣвъ все это, бросился на улицу, съ великими усиліями (по причинѣ широкихъ сапоговъ) дошелъ до дому и тотчасъ же сѣлъ за работу. Понятно, до какой степени подобныя продѣлки должны были развивать въ немъ болѣзнь глазъ и головы, особенно опасную при его воздержной жизни, сильномъ темпе-

раментѣ и сидѣньи за работою. Одинъ изъ медиковъ, не шутя, совѣтовалъ ему хоть разъ въ мѣсяцъ слѣдовать примѣру артистовъ, такъ имъ охуждаемыхъ, то есть дозволять себѣ усиленныя развлеченія, даже разгулъ; но чѣмъ болѣе трудился нашъ художникъ, тѣмъ ровнѣе и усидчивѣе становился образъ его жизни.

При всякой тяжкой и необыкновенной болѣзни, постигающей лицо, извѣстное публикѣ, особы ему знакомыя начинаютъ тотчасъ же строить догадки о причинахъ недуга, разсказывать, что они давно, давно уже какъ подмѣчали его начало, и, пользуясь этимъ случаемъ, придумывать заключенія, не всегда вѣрныя, но всегда замысловатыя или романическія. Болѣзнь и смерть Павла Андреича въ этомъ отношеніи дали пищу многимъ разскащикамъ въ ущербъ истинѣ; недаромъ сказано: „если съ извѣстнымъ человѣкомъ не было въ жизни романическихъ происшествій, публика ихъ сама придумаетъ". Съ моей стороны, подкрѣпляя свои слова отзывами десяти или двѣнадцати искреннѣйшихъ друзей покойнаго, я могу только сказать, что причина послѣдней болѣзни Павла Андреича въ высшей степени трогательна, но проста какъ нельзя болѣе. Онъ изнурилъ себя работою, неотступнымъ, пламеннымъ умственнымъ трудомъ. За мѣсяцъ или за три недѣли до полученія мною изъ Петербурга рокового письма, мы видались и бесѣдовали ежедневно, и никогда я не помню Ѳедотова болѣе ровнымъ по характеру, увѣреннымъ въ себѣ и спокойно неутомимымъ, какъ въ это время. Онъ оканчивалъ двѣ копіи: „Вдовушки" и „Сватовства", набрасывалъ очерки двухъ картинъ; оба произведенія имѣли быть оконченными къ выставкѣ, а до выставки оставалось не болѣе четырехъ мѣсяцевъ *). Конечно, Ѳедотову не въ новость приходилась такая горячая работа: полагаясь на свою энергію и примѣры прошлыхъ лѣтъ, онъ позабылъ, что его здоровье уже было расшатано годами труда необыкновеннаго, и что трудъ творческій изнуряетъ художника несравненно болѣе, нежели трудъ ученическій. Ему некогда было сообразить, что онъ давно уже не имѣлъ тѣхъ спасительныхъ періодовъ отдохновенія, которые передъ тѣмъ отъ времени до времени предохраняли его умъ и тѣло.

Со дня выхода своего изъ полка нашъ художникъ далъ себѣ только два раза полный отдыхъ отъ занятій, только два раза судьба посылала ему возможность развлеченій, возстановляющихъ силы, и волею-неволею заставляла Павла Андреича на довольно значительное время отрываться отъ полотна и красокъ. Въ первый разъ академическая выставка и успѣхъ картинъ Ѳедотова, поставивъ его въ необходимость прислушиваться къ отзывамъ цѣнителей, поддерживать вновь завязавшіяся знакомства, заставили нашего художника отложить на нѣсколько недѣль всѣ свои изнуряющія силы занятія. Павелъ Андреичъ насладился этими недѣлями, какъ человѣкъ, тяжкимъ трудомъ добывшій себѣ право на отдыхъ, знающій цѣну каждому часу, каждой минутѣ спокойствія послѣ бури. „Помните—говаривалъ онъ въ это время—какъ на службѣ мы наслаждались послѣ утомительныхъ переходовъ, гдѣ нибудь на дневкѣ, лѣтомъ, посреди зелени и деревенскаго веселья? Или помните, какъ, воротясь въ городъ, по домамъ, мы радостно ложились въ сухія постели и на нѣсколько дней дѣлались объѣдалами? Тоже теперь со мной". Пока длилась выставка, онъ рисовалъ только маленькія вещицы карандашемъ и сухими красками, скопировалъ съ гравюръ двѣ прелестныя головки Лауренса **) и окончилъ два женскіе портрета; все это для Ѳедотова было не болѣе какъ легкой забавой. Послѣ трехъгодичной выставки 1848 года онъ опять было пустился работать по прежнему, не взирая на короткіе зимніе дни; но вскорѣ семейныя обстоятельства, и обстоятельства довольно печальныя, побудили его отправиться въ Москву, на самое, какъ говорилъ онъ, короткое время. По прошествіи двухъ недѣль, друзья Павла Андреича получили извѣстіе, всѣхъ чрезвычайно обрадовавшее: „Мои картинки производятъ фуроръ — писалъ Ѳедотовъ—и мы здѣсь помышляемъ устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченныхъ работъ. Новымъ знакомствамъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участи моего отца и сестры-вдовушки первыя лица города приняли участіе; съ Божіей помощью, я надѣюсь, что ихъ обезпечатъ навсегда. Я рѣшаюсь полѣниться еще немножко, потому что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь кстати въ одномъ прегрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка ***) ходитъ по рукамъ, и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выбраните по пріѣздѣ; ну, да ужь дѣлать нечего!" Сколько могу припомнить, Ѳедотовъ оставался въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ и воротился оттуда весною, веселымъ, довольнымъ и помолодѣвшимъ. О радушіи московскихъ жителей онъ не могъ наговориться достаточно и даже началъ было поговаривать о хорошенькой невѣстѣ, которую ему тамъ сватали.

При всемъ томъ, лицамъ, уже изучившимъ натуру нашего художника, вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что Павелъ Андреичъ, вмѣстѣ съ тысячью самыхъ отрадныхъ воспоминаній, вывезъ изъ старой столицы одну мысль,—мысль скорбную и томительную. Семейство свое онъ оставилъ въ положеніи болѣе чѣмъ стѣсненномъ: послѣ долгой разлуки, онъ увидѣлъ особъ, дорогихъ его сердцу, посреди нищеты совершенной и оставилъ ихъ, убѣдясь въ томъ, что всѣ жертвы, имъ приносимыя въ теченіе столькихъ лѣтъ, оказывались недостаточными. Каждый день, возвращаясь съ дружескихъ бесѣдъ, изъ собраній, гдѣ его привѣтствовала и ласкала лучшая часть московскихъ жителей, Павелъ Андреичъ былъ свидѣтелемъ страданій своего отца, почтеннаго и пре-

---

*) Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною черезъ снисходительность г. конференцъ-секретаря Академіи, усматривается, что весною Ѳедотовъ приготовлялся писать еще одну картину: «Возвращеніе институтки въ родительскій домъ». Сколько мнѣ извѣстно, Павелъ Андреичъ понималъ, этотъ сюжетъ двояко: то ему просто хотѣлось изобразить день семейной радости, то онъ имѣлъ въ виду придать всей вещи характеръ печальный, представивъ изумленіе дѣвушки, отвыкшей отъ семейной жизни, при видѣ бѣдности своихъ родителей. Не знаю, на которомъ изъ двухъ плановъ остановился нашъ художникъ.

Долгомъ считаю, при этомъ случаѣ, изъявить глубокую признательность за свѣдѣнія, доставленныя мнѣ г. Григоровичемъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ друзей покойнаго, много разъ оказавшимъ истинно отеческія услуги нашему художнику.

**) Обѣ вещи находятся у меня въ обдѣлкѣ, устроенной самимъ Павломъ Андреичемъ.

***) Объясненіе картины «Сватовство». Это стихотвореніе дѣйствительно принадлежитъ къ лучшимъ вещамъ, когда либо написаннымъ въ стихахъ Павломъ Андреичемъ.

старѣлаго воина, заставалъ своихъ нѣжно любимыхъ сестеръ за грубой работою для насущнаго хлѣба, утѣшалъ ихъ, дѣлилъ съ ними свой малый достатокъ и успокоивалъ ихъ надеждами на блестящую будущность. Къ несчастію, дѣла семейства именно находились въ положеніи, недопускавшемъ надеждъ, неизмѣнявшемся вслѣдствіе временныхъ облегченій: домикъ, гдѣ родился Павелъ Андреичъ, проданъ былъ за долги; съ его продажею все многочисленное семейство художника лишилось крова и половины средствъ къ существованію. Ѳедотовъ увидѣлъ, что ему, хотя нѣкоторое время, придется работать не то, что ему хотѣлось,—работать не для извѣстности, а для денегъ. День, въ который онъ рѣшился самъ копировать свое „Сватовство“ и запродать свою копію, былъ однимъ изъ немногихъ печальнѣйшихъ дней его жизни *). И вотъ почему, къ маю мѣсяцу 1852 года, мастерская Павла Андреича была наполнена начатыми вещами, а самъ онъ видѣлъ впереди себя цѣлые мѣсяцы труда самаго тяжкаго.

При упоминаніи объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, сердце мое сжимается и на глаза выступаютъ слезы. За два дня до моего отъѣзда изъ Петербурга, я заходилъ къ Ѳедотову и звалъ его вмѣстѣ съ собою въ деревню на полный отдыхъ, прерываемый поѣздками по живописнымъ сельскимъ окрестностямъ нашего края. Я вызвался устроить ему особую мастерскую, въ саду, посреди цѣлой рощи изъ бѣлыхъ розъ, перетащить изъ столицы вещи, имъ начатыя, заманивалъ его обѣщаніями свиданій съ нѣсколькими изъ близкихъ къ намъ лицъ. Нѣсколько минутъ Павелъ Андреичъ колебался; но мысль о выставкахъ взяла свое: „Я и такъ уже—сказалъ онъ—упустилъ одинъ годъ, не напоминая о себѣ публикѣ. Наша извѣстность требуетъ, чтобъ о ней чаще толковали: знаете сравненіе „слава—дымъ“. Надо чаще подпускать этого дыма; не то онъ разойдется по воздуху“. Спорить съ Ѳедотовымъ было безполезно. Еслибъ судьба, хотя въ эти рѣшительныя минуты жизни человѣческой, посылала намъ даръ смутнаго предвидѣнія, я бы не отошелъ, не побѣдивши, не покинулъ на минуту одного изъ лучшихъ друзей моей молодости, не далъ бы ему подойти къ проклятымъ копіямъ (на нихъ онъ не могъ глядѣть безъ терзаній), увелъ бы его съ собой, какъ уводилъ его столько разъ изъ квартиры его, послѣ цѣлаго дня работы, насильно держа за рукавъ шинели,—сдѣлалъ бы все возможное для его успокоенія и развлеченія. Черезъ день мы сошлись съ Павломъ Андреичемъ въ послѣдній разъ, вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда. Мы бесѣдовали до полночи. Въ это время я долженъ былъ оставить собесѣдниковъ часа на два. Воротясь домой, я узналъ, что Ѳедотовъ говорилъ очень много и мило, ушелъ послѣднимъ и, уходя, объявилъ, что еще зайдетъ по утру проститься. Рано утромъ я выѣхалъ изъ Петербурга и чрезъ мѣсяцъ получилъ горестную вѣсть о послѣдней болѣзни нашего художника.

Исторія этихъ несчастныхъ событій, пяти мѣсяцевъ злого недуга и послѣднихъ дней Павла Андреича, слишкомъ тягостна и слишкомъ свѣжа для того, чтобъ о ней много распространяться. Довольно будетъ сказать, что Ѳедотовъ, уже пораженный болѣзнью, помрачившею его свѣтлый разсудокъ, нѣсколько дней ходилъ по Петербургу и окрестностямъ и успѣлъ разбросать всѣ деньги, только что полученныя имъ за одну изъ своихъ копій, и другую сумму, взятую изъ числа слѣдующаго ему Высочайшаго пособія, для пересылки къ роднымъ. Только по прошествіи нѣкотораго времени результатъ болѣзни былъ узнанъ друзьями покойнаго; лѣченіе началось, сперва въ столицѣ, потомъ за городомъ, въ Больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, что по Петергофской дорогѣ. Выше всякаго описанія были страданія Ѳедотова. Его могучій организмъ и пламенная фантазія оказывались въ этомъ случаѣ гибелью: онъ не имѣлъ минуты успокоенія, часу сна, тихихъ или отрадныхъ иллюзій: онъ не поддавался недугу, не разставался съ частью своей необыкновенной памяти, узнавалъ посѣтителей, освѣдомлялся объ отсутствующихъ друзьяхъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты, видѣлъ передъ собой чудовищные сцены и образы. Изрѣдка въ его грёзахъ выказывалась прежняя, прекрасная душа; иногда Ѳедотовъ воображалъ себя богачемъ, скликалъ вокругъ себя любимыхъ особъ, говорилъ о томъ, что нужно превратить Васильевскій Островъ въ древніе Аѳины, столицу художествъ и веселія, наполненную мраморными дворцами, садами, статуями, храмами и пантеонами. Вѣрный Коршуновъ, добрый слуга, своей преданностью напоминавшій Вальтеръ-Скотова Калеба, не покидалъ своего барина ни на одинъ день, былъ его постояннымъ собесѣдникомъ, посвящая свободныя свои минуты на то, чтобы или извѣщать друзей художника о его положеніи, или добывать какую нибудь вещицу, лакомство для развлеченія больного.

Въ началѣ ноября мѣсяца, Ѳедотовъ вдругъ пересталъ страдать и пришелъ въ себя: то былъ признакъ близкой кончины. Водяная болѣзнь развивалась въ немъ; медики потеряли всю надежду. Больной пріобщился Святыхъ Тайнъ, прочиталъ письмо, полученное за эти дни отъ старика отца, обнялъ Коршунова, находившагося при немъ, и плакалъ долго-долго. „Видно, придется умереть“, сказалъ онъ вѣрному служителю, обнявъ его еще разъ: скажи, что я хочу проститься съ Рейслеромъ, Бернардскимъ и Дружининомъ; пусть пошлютъ за ними, пока еще время“. Не произвольная медленность въ исполненіи послѣдней просьбы лишила нашего художника послѣдней радости: ни одинъ изъ друзей не засталъ его въ живыхъ. Все было кончено. Павелъ Андреичъ умеръ, ноября 14.

Ноября 18 дня, во второмъ часу дня, погребальная процессія двинулась, по дорогѣ къ Петербургу, съ тѣломъ Павла Андреича, на разныхъ трактахъ, за заставою и до заставы, присоединились къ ней многочисленные друзья покойнаго, старые полковые товарищи, профессора, академики и художники, мужчины и дамы, съ которыми былъ друженъ Ѳедотовъ. Изъ числа лицъ, подвигавшихся за гробомъ, конечно, не отыскивалось ни одного человѣка, явившагося на погребеніе съ холоднымъ сердцемъ: то были похороны безъ слезъ

---

*) Можетъ быть, читателямъ покажется странною эта рѣшимость. Ѳедотовъ уже былъ такъ извѣстенъ, что всякая новая его картина не могла остаться некупленною. Но, съ сокрушеннымъ сердцемъ рѣшаясь копировать свои вещи въ то время, когда сотни плановъ ждали своего исполненія, Павелъ Андреичъ имѣлъ въ виду разсчетъ денегъ и времени. Натуры не требовалось, а работа шла несравненно скорѣе. Само собой разумѣется, что и тутъ онъ былъ добросовѣстенъ до мелочности.

и отчаянныхъ рыданій, но со всѣми проявленіями скорби долгой, разумной и мужественной. Смѣло можно сказать, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не думалъ о постороннихъ предметахъ, не скорбѣлъ для вида, не торопился отойти отъ могилы, только что засыпанной. Останки Павла Андреича положены не вдалекѣ отъ большой церкви Смоленской Божіей Матери, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ памятника знаменитой артистки русскаго театра В. Н. Асенковой. Наружность Ѳедотова, въ послѣдніе годы жизни, была привлекательна особеннымъ выраженіемъ энергіи, постоянства и смѣлости, написанныхъ на его лицѣ. Сложенъ онъ былъ крѣпко и, какъ самъ выражался, суковато. Силою физическою онъ никогда не хвастался, но во время послѣдней болѣзни могъ выдергивать изъ стѣнъ гвозди своими руками. Голова у него маленькая и превосходно сформированная въ своей верхней части; обиліемъ волосъ Павелъ Андреичъ не могъ похвастаться. Во взглядѣ его и усмѣшкѣ проявлялось много свѣтлаго, спокойнаго, но довольно размашистаго юмора. Одѣвался онъ бѣдно и небрежно, но не неряшливо. Онъ нравился многимъ, и долженъ былъ нравиться, ибо нельзя было видѣть Ѳедотова и не подумать о нравственной силѣ, рѣзко отражающейся во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ.

Рѣдко-рѣдко говорилъ нашъ художникъ о стѣсненныхъ дѣлахъ своихъ родственниковъ *) и, даже говоря о нихъ, всякій разъ избѣгалъ входить въ подробности. Выражая свое безпокойство насчетъ сестры-вдовушки съ двумя сиротами, вскользь упоминая о деньгахъ, высылаемыхъ въ Москву, съ восхищеніемъ отзываясь о томъ, какъ безропотно всѣ члены его семьи встрѣчаютъ невзгоду, помогая другъ другу, утѣшая одинъ другого, онъ всегда избѣгалъ точныхъ указаній, способныхъ бросить свѣтъ на все дѣло. Мнѣ кажется, что Ѳедотовъ скорѣе бы умеръ, нежели сталъ просить помощи у лучшаго своего друга. На его похоронахъ я удостовѣрился въ томъ что нѣкоторые изъ самыхъ дорогихъ пріятелей покойнаго не знали ни о положеніи его семейства, ни о постоянныхъ, неистощимыхъ усиліяхъ Павла Андреича для облегченія участи престарѣлаго отца и другихъ своихъ родственниковъ. Ѳедотовъ жилъ такъ же, какъ и трудился: никакая тяжесть ноши не заставляла его помышлять о чужихъ плечахъ.

---

*) Послѣ покойнаго Павла Андреича Ѳедотова остались:

1. Отецъ, Андрей Илларіонычъ Ѳедотовъ, 83 лѣтъ.

2. Сестра, Любовь Андреевна Вишневская, вдова, жила съ двумя дѣтьми въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи надзирательницею женскаго заведенія.

3. Старшая сестра покойнаго художника проживала тоже съ отцомъ.

П. А. ѲЕДОТОВЪ.
Съ фотографіи 50-хъ гг.

Нравственная личность П. А. Ѳедотова *).

Бываетъ, что произведенія иныхъ художниковъ и литераторовъ гораздо замѣчательнѣе и интереснѣе ихъ личности. Творцы этихъ произведеній какъ будто выливаютъ въ нихъ все, что есть прекраснаго и замѣчательнаго въ ихъ личности и затѣмъ у нихъ уже ничего не остается, или же остается очень мало для обыденной жизни. Другіе же, наоборотъ, выказываютъ въ своихъ произведеніяхъ только часть тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ сокровищъ, которыми надѣлила ихъ природа. Этихъ сокровищъ такъ много, что они не могутъ вылить ихъ всѣ въ своихъ произведеніяхъ, и большая доля ихъ внутренняго богатства остается въ нихъ самихъ и выражается только въ ихъ жизни, въ ихъ дѣйствіяхъ и разговорахъ, въ ихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми.

Къ этимъ-то послѣднимъ принадлежалъ нашъ покойный художникъ. Нужно было видѣть его и слышать его умный и оживленный разговоръ въ короткомъ, дружескомъ кругу, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ его богатой и многосторонней натурѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ и интересныхъ людей въ обществѣ. Онъ не говорилъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, хотя и читалъ на нѣсколькихъ, но за то по-русски говорилъ онъ мастерски. Рѣдко удается слышать въ Петербургѣ такой складъ рѣчи, какой былъ у Ѳедотова. Онъ выражался чрезвычайно просто, часто употреблялъ даже простонародныя выраженія и обороты, но всегда такъ кстати, такъ всегда мѣтки и бойки и опредѣлительны были его краткія выраженія. Вообще это былъ чисто русскій человѣкъ, въ прекрасномъ смыслѣ этого слова. Его характеръ, складъ его ума, свойство его чувства, все въ немъ было русское, оттого и рѣчь его была русская

*) Извлеченіе изъ статьи «Нѣсколько словъ о Ѳедотовѣ» А. О. въ «Свѣтописи», 1858 г., № 12.

и когда онъ говорилъ, то не казалось, что онъ переводитъ съ иностраннаго языка, какъ это часто случается у большинства петербургскихъ дѣятелей. Павелъ Андреевичъ былъ разговорчивъ, но говорилъ не для того, чтобы щегольнуть своей рѣчью и произвести эфектъ, а просто потому, что отъ природы былъ сообщителенъ, Онъ охотно разсказывалъ, даже людямъ не слишкомъ близкимъ, разныя подробности о себѣ, о своей жизни. о своихъ занятіяхъ; но эта откровенность простиралась только до извѣстной черты, дальше которой трудно было что-либо узнать.

О самыхъ внутреннихъ своихъ чувствахъ, о привязанности къ людямъ и расположеніи къ тому или другому лицу онъ никогда не говорилъ даже мимоходомъ. Не смотря на сатирическое направленіе своего ума, Ѳедотовъ былъ однимъ изъ самыхъ добрѣйшихъ людей на свѣтѣ. Простой, откровенный и сообщительный, онъ всегда готовъ былъ на услугу, всегда готовъ отдать неимущему послѣднее, что имѣлъ. Онъ былъ бѣденъ и не открывалъ своей бѣдности и говорилъ о ней безъ всякаго ложнаго стыда и гордаго цинизма, какъ это бываетъ большею частью, но разсказывалъ такъ просто и благородно о своихъ простыхъ и незатѣйливыхъ привычкахъ. Онъ не скрывалъ своей бѣдности, но немногіе даже изъ его самыхъ искреннихъ друзей знали о печальномъ положеніи его отца и сестеръ. Еще меньшее число знало о томъ, какъ Павелъ Андреевичъ лишалъ себя самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни и изъ своего небольшого офицерскаго жалованья удѣлялъ своему бѣдному семейству. Немногіе знали, какъ горячо онъ любилъ свою семью, какъ сочувствовалъ ея горю. Сколько пересиленнаго труда перенесъ онъ для облегченія ея участи, труда, который былъ, быть можетъ, главной причиной, низведшей его въ преждевременную могилу.

Рѣдко также случается встрѣчать такихъ снисходительныхъ людей, каковъ былъ Павелъ Андреичъ къ людямъ вообще. Онъ изъ каждаго умѣлъ извлечь интересъ и почти никогда и никого не порицалъ и не осуждалъ. Онъ имѣлъ огромный кружокъ знакомыхъ, почти во всѣхъ слояхъ общества. Интересно тоже и отрадно бывало прислушаться къ его сужденіямъ о произведеніяхъ другихъ художниковъ. Зависть была совершенно чужда его чистаго сердца. Бывши самъ уже извѣстнымъ художникомъ, какъ снисходительно судилъ онъ произведенія другихъ. Бывало, на выставкахъ въ Академіи, какъ искренно радовался онъ успѣхамъ молодыхъ художниковъ, съ какой любовью отыскивалъ все хорошее въ ихъ картинахъ, останавливался только на однихъ достоинствахъ и, развѣ вскользь, упоминалъ о недостаткахъ и тутъ же старался извинить и оправдать художника за эти недостатки. Онъ понималъ всю трудность искусства, понималъ, какихъ трудовъ все это стоитъ, а потому, не карая за ошибки, умѣлъ цѣнить все достойное вниманія.

Говоря о Ѳедотовѣ, нельзя не упомянуть и объ его вѣрномъ деньщикѣ Коршуновѣ, бывшемъ тоже неотлучно при Ѳедотовѣ до послѣдней минуты его жизни. Павелъ Андреевичъ, говоря о Коршуновѣ, не называлъ его иначе, какъ „мой слуга и другъ". Дѣйствительно, это былъ другъ самый искренній и не подкупный. Онъ горячо сочувствовалъ всѣмъ радостямъ и огорченіямъ своего господина и любилъ его съ нѣжной привязанностью матери. И Павелъ Андреевичъ умѣлъ цѣнить такую привязанность. Онъ обращался съ нимъ болѣе какъ съ другомъ, чѣмъ со слугой. По поводу Коршунова намъ припомнился одинъ эпизодъ изъ жизни того и другаго, ярко характеризующій обоихъ. Во время службы въ полку Ѳедотовъ съ отрядомъ полка стоялъ однажды лѣто въ Парголовѣ. Часто по вечерамъ онъ пѣлъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Ѳедотовъ обладалъ прекраснымъ голосомъ, хотя этотъ голосъ и не былъ обработанъ, какъ слѣдуетъ, но былъ силенъ, звученъ и необыкновенно пріятенъ, такъ что гулявшая вдали публика, заслышавъ его пѣніе, приближалась къ его маленькому садику и даже многіе просили его деньщика Коршунова впустить ихъ въ садъ, чтобъ слышать еще ближе.. Ѳедотовъ же пѣлъ собственно для своего удовольствія и не подозрѣвалъ, что его слушаетъ такая многочисленная публика. Ѳедотовъ, между прочимъ, часто пѣвалъ пѣсни и романсы своего сочиненія. Нѣкоторые изъ этихъ романсовъ, хотя и не напечатаны, но многимъ извѣстны, напримѣръ, его романсъ „То ли дѣло егеря, егеря"*) и понынѣ поется солдатами. Такъ какъ нашъ художникъ-поэтъ былъ очень бѣденъ и во многомъ нуждался, то Коршунову и пришла мысль воспользоваться вечерними концертами своего барина, для его же выгоды; когда кто либо изъ публики просилъ его пропустить въ садъ, онъ впускалъ, но прибавлялъ: „а не дадите-ли мнѣ на чаекъ?" Конечно, почти каждый изъ слушавшихъ охотно давалъ какую нибудь мелкую монету служителю. Никто, конечно, и не догадывался, что Коршуновъ просилъ на чай не для себя. Ѳедотовъ тоже ничего не зналъ ни о платѣ, ни о слушавшей его публикѣ и думалъ, что только онъ самъ, да Коршуновъ слушаютъ его пѣніе. Но черезъ нѣсколько времени Павелъ Андреевичъ сталъ замѣчать необыкновенныя проявленія роскоши въ его ежедневной жизни.

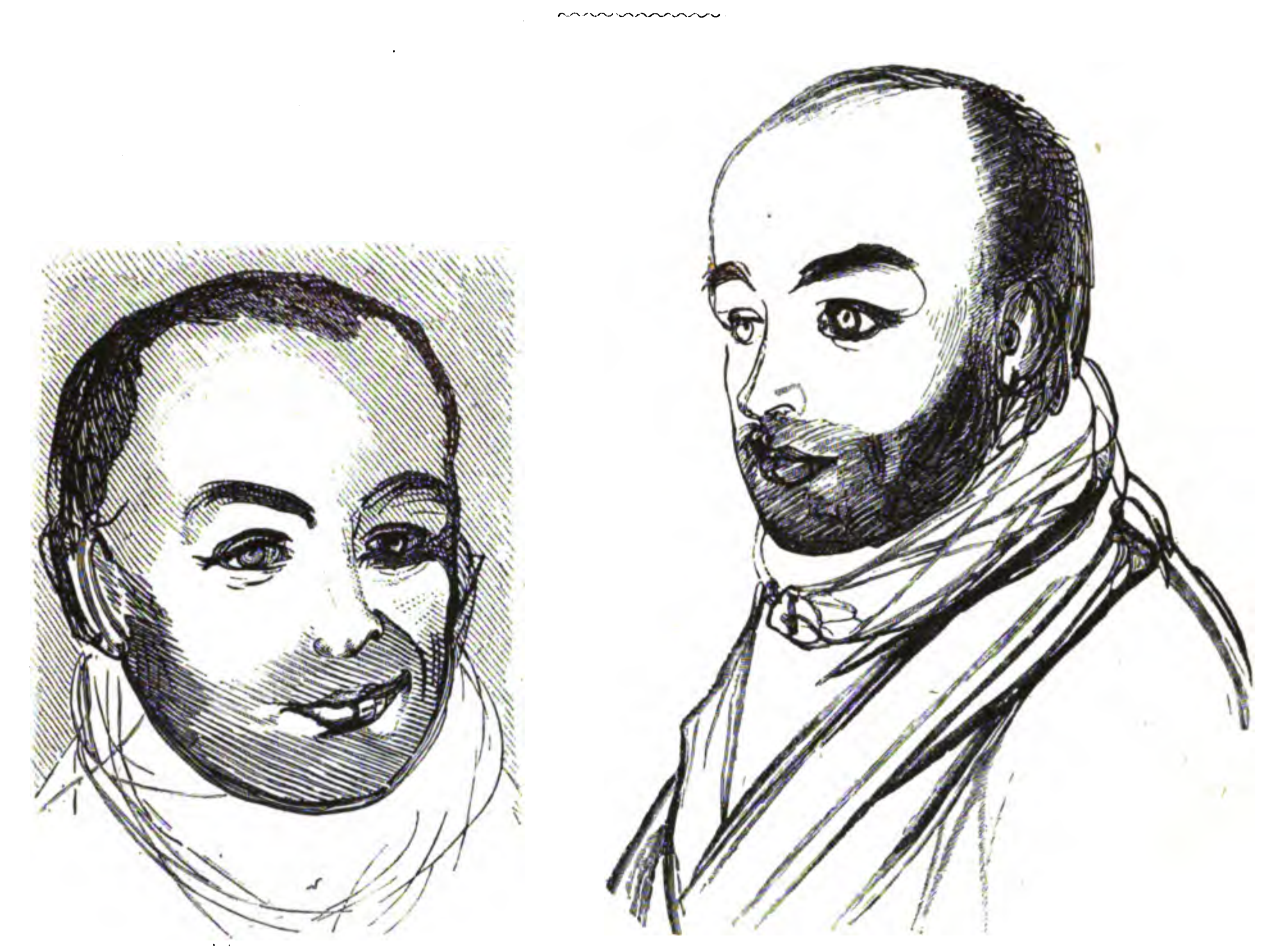
Надобно замѣтить при этомъ, что всѣмъ небольшимъ хозяйствомъ нашего художника завѣдывалъ Коршуновъ. Роскошь обнаруживалась въ слѣдующихъ вещахъ: когда къ Павлу Андреевичу заходилъ кто-нибудь изъ его товарищей, то зачастую появлялась закуска, сыръ, колбаса, бутылка вина и тому подобное. И въ ежедневной жизни Павла Андреевича тоже проявилась нѣкоторая роскошь, напримѣръ, вмѣсто обыкновенныхъ щей и каши,—являлась на столѣ курочка. Ѳедотовъ былъ удивленъ всѣмъ этимъ; онъ понималъ, что на ту сумму, которую онъ выдаетъ на хозяйство, было невозможно имѣть все это. Онъ сталъ допрашивать своего слугу,—откуда беретъ онъ все это и ужъ не прибѣгаетъ-ли онъ къ какимъ нечистымъ средствамъ? Не живутъ-ли они на счетъ ближняго? Правдивый Коршуновъ на этотъ разъ скрылъ истину и увѣрялъ своего господина, что это все изъ экономіи онъ дѣлаетъ, что иногда случается, что баринъ уѣзжаетъ обѣдать въ гости, и тогда остается. Ѳедотовъ не могъ заподозрить во лжи своего вѣрнаго слугу, но тяжелое сомнѣніе запало ему въ душу. Наконецъ нашъ благородный художникъ не выдержалъ: онъ призвалъ Коршунова и рѣшительно объявилъ ему, что тутъ дѣло нечисто и что если онъ не признается, откуда беретъ деньги, то

---

*) См. ниже, стр. 46.

онъ принужденъ будетъ отослать его отъ себя и взять другого деньщика. Устрашенный такой угрозой, Коршуновъ во всемъ признался. Өедотовъ оставилъ при себѣ своего вѣрнаго деньщика, но прекратилъ вечерніе концерты.

Не смотря на свою бѣдность, Өедотовъ никогда не бралъ денегъ взаймы ни у кого, даже у своихъ друзей; долговъ онъ боялся болѣе всего. Только однажды случилось ему занять три рубля и то вотъ по какому случаю. Разъ ночью Коршуновъ заболѣлъ, у Өедотова не было почти ни копѣйки, а нуженъ былъ докторъ и лѣкарство. Өедотовъ въ два часа ночи, изъ 21-й линіи Васильевскаго острова, побѣжалъ самъ къ одному изъ своихъ пріятелей, жившему довольно далеко, чтобъ попросить три рубля. Пріятель, узнавши, въ чемъ дѣло, предложилъ Өедотову послать за докторомъ своего человѣка. „Нѣтъ, сказалъ Өедотовъ, не нужно: Коршуновъ всегда за мной ходитъ. Теперь пришелъ мой чередъ служить ему; я никому не передамъ этой обязанности.“ Такъ умѣлъ этотъ человѣкъ цѣнить преданность слуги. Коршуновъ скоро выздоровѣлъ и пережилъ своего барина.

П. А. ӨЕДОТОВЪ ВО ВРЕМЯ ДУШЕВНОЙ БОЛѢЗНИ*).

(Съ гравюръ на деревѣ, сдѣланныхъ съ акварелей А. Е. Бейдемана).

Изъ «Воспоминаній» Л. М. Жемчужникова о П. А. Өедотовѣ **).

Въ началѣ лѣта 1852 года о Өедотовѣ ходили, между близкими его знакомыми, слухи, что онъ не совсѣмъ нормаленъ. Затѣмъ узнали, что Өедотовъ пропалъ изъ города, забравъ деньги, которыя заработалъ; что онъ деньги соритъ, покупая всякій вздоръ и щедро раздавая ихъ направо и налѣво.

---

*) Этотъ портретъ изображенъ Бейдеманомъ на память послѣ посѣщенія имъ Өедотова въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ. Подлинникъ наброска находится у И. Е. Цвѣткова.

**) Эти «Воспоминанія» ближайшаго друга П. А., появившіяся въ мартовскомъ выпускѣ «Артиста» (1893 г.) напечатаны подъ впечатлѣніемъ чествованія памяти П. А. Өедотова по случаю 40-й годовщины его смерти. Въ Москвѣ, въ Обществѣ поощренія художествъ, 23 января 1893 г. состоялось собраніе художниковъ и членовъ Общества, съ цѣлью почтить память П. А. Өедотова, гдѣ было прочитано кое-что изъ его біографіи г. Быковскимъ, двѣ его басни артистомъ г. Ленскимъ и объясненіе въ картинѣ «Сватовство Маіора»—артистомъ г. Музилемъ. При этомъ были выставлены его эскизы, находящіеся у П. М. Третьякова, двѣ картины, находящіяся у К. Т. Солдатенкова, и рисунки Л. М. Жемчужникова «Сумашедшій Өедотовъ». Беремъ изъ этихъ «Воспоминаній» только то, что относится къ исторіи душевнаго недуга, сразившаго П. А.

Я отправился разузнать что-либо о Ѳедотовѣ на его квартиру. Меня встрѣтилъ Коршуновъ *) и разсказалъ, что и онъ замѣчаетъ въ Павлѣ Андреевичѣ что-то не хорошее. Однажды вечеромъ, окончивъ свои занятія, Павелъ Андреевичъ, одѣтый кое-какъ, вышелъ; Коршуновъ слѣдилъ за нимъ. Ѳедотовъ жилъ тогда въ 21-й линіи, близъ Большого проспекта. Ѳедотовъ пошелъ по направленію къ Смоленскому полю; затѣмъ, выйдя въ поле недалеко, сѣлъ на гранитный камень. Въ то время поле было завалено массой этихъ камней, заготовленныхъ для обдѣлки набережной Большой Невы Васильевскаго острова. Былъ вечеръ, солнце садилось. Картина знакомая. Передъ нимъ вдали виднѣлось Смоленское кладбище въ видѣ лѣса. Налѣво къ взморью Галерная гавань, особый городокъ бѣдняковъ; блестѣло взморье. А за стѣною былъ городъ, изъ котораго доносился гулъ экипажей. Ѳедотовъ сидѣлъ долго, долго, охвативъ голову руками, и зарыдалъ.

Вотъ когда оборвались натянутыя струны!.. Коршуновъ увелъ его на квартиру; Ѳедотовъ плакалъ дорогой и навзрыдъ заплакалъ на квартирѣ, катаясь по полу.

Коршуновъ приложилъ ему на голову мокрое холодное полотенце; плачъ началъ стихать. Вдругъ Павелъ Андреевичъ одѣлся и ушелъ, приказавъ Коршунову оставаться дома. Гдѣ теперь находится Павелъ Андреевичъ, Коршуновъ не зналъ и терялся въ догадкахъ.

Придя, по своему обыкновенію, къ другу моему Бейдеману, я прочелъ записку, написанную Ѳедотовымъ на имя Саши Бейдемана (друга моего, Александра Егоровича), весьма интересную и весьма печальную, на клочкѣ бумаги карандашемъ, но весьма четкимъ своимъ почеркомъ, записку, которую буквально привести не могу (она находится въ собраніи моемъ, уступленномъ И. Н. Терещенкѣ, между рисунками Ѳедотова), но содержаніе которой были—весьма восторженныя поученія служить искусству. Семейству Бейдемана явившійся Ѳедотовъ показался весьма страннымъ, и мы узнали потомъ, что его деньщикъ ищетъ его всюду,—что онъ пропалъ неизвѣстно куда. Тогда я высказалъ мнѣніе о необходимости заявить о томъ въ Академію, дабы она приняла участіе въ его положеніи и охранила его отъ растраты заработка.

Самъ же я уѣхалъ въ Малороссію.

Не мало занимала меня судьба Павла Андреевича, пока я былъ въ деревнѣ, и по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, я узналъ, что Ѳедотовъ былъ выслѣженъ бродящимъ то въ Царскомъ Селѣ, то по разнымъ мѣстамъ Петербурга, что онъ разбросалъ деньги по разнымъ мѣстамъ, что заказалъ себѣ гробъ, примѣривъ его предварительно, и что теперь П. А. найденъ, взятъ и отданъ въ больницу д-ра Штейна.

Я отправился къ конференцъ-секретарю Академіи Григоровичу, принимавшему въ Павлѣ Андреевичѣ всегда сердечное участіе, и отъ него узналъ, что состояніе, въ которомъ находится Ѳедотовъ, никому неизвѣстно, что деньги за него платитъ Наслѣдникъ Цесаревичъ **), но въ какомъ онъ положеніи, т.-е. въ тихомъ ли помѣшательствѣ, или находится въ буйномъ состояніи—неизвѣстно. Никто изъ Академіи у него не былъ. Я узналъ, что никто у него не былъ и изъ знакомыхъ его. Была сестра, но Павелъ Андреевичъ просилъ ее больше у него не бывать, при чемъ наговорилъ ей много чего-то такого, что его крайне взволновало, и вслѣдствіе чего сестра отказалась бывать у него. Помнится, что онъ самъ отслужилъ въ своей страшной, подъ лѣстницей, конурѣ панихиду,—запретивъ сестрѣ являться себѣ на глаза.

Я условился съ Сашей Бейдеманомъ послѣ Академическихъ вечернихъ классовъ (которые посѣщалъ онъ и я) навѣстить Ѳедотова.

Выйдя изъ классовъ раньше и взявъ извозчика (гитару), въ темную осеннюю ночь съ мелкимъ дождемъ, мы отправились въ больницу, купивъ по дорогѣ гостинца бѣдному Павлу Андреевичу (по совѣту деньщика его Коршунова) 2—3 десятка яблоковъ, которые онъ въ то время любилъ.

Подъ мелкимъ дождемъ, при масляномъ, тускломъ и рѣдкомъ освѣщеніи фонарей, разговаривая о Ѳедотовѣ, котораго мы такъ уважали, подъѣхали мы къ больницѣ, въ ворота которой нельзя было въѣхать, потому что изъ нихъ выѣзжала похоронная процессія. Прижавшись къ стѣнѣ, чтобы дать просторъ процессіи, я спросилъ у стоявшихъ подлѣ насъ служащихъ: кого хоронятъ?—и получилъ отвѣтъ, что хоронятъ NN—пріятеля Ѳедотова, что Ѳедотовъ тоже плохъ, что смерть и разслѣдованіе о смерти его товарища должно доказать ужасное положеніе находящихся въ этой больницѣ.

Факельщики и дроги съ гробомъ удалились за ворота, ворота закрылись, и Коршуновъ, которому дали знать о нашемъ прибытіи, встрѣтилъ насъ, и мы шли за нимъ слѣдомъ по темному дворику. Вдругъ, чуть не изъ подъ ногъ, въ совершенной темнотѣ, раздался страшный крикъ. Звукъ голоса нѣсколько напоминалъ звукъ голоса Ѳедотова, но онъ былъ потрясающій, страшный. Мы остановились и спросили Коршунова: что это такое?—„Это Павелъ Андреевичъ. Да, такъ-то вотъ кричитъ, сердится, что замучили его пріятеля". Но гдѣ же онъ?.. „Тутъ, тутъ, подлѣ, вотъ сейчасъ въ сѣняхъ подъ лѣстницей. Подождите, принесу огонь и ключъ".

Мы стояли въ темныхъ сѣняхъ, безъ огня, у раскрытой на дворикъ двери, капли осенняго мелкаго дождя стекали надъ дверями сѣней; Коршуновъ ушелъ по лѣстницѣ на верхъ; страшный, потрясающій крикъ не прерывался. Коршуновъ, спускающійся внизъ по лѣстницѣ къ намъ, показался на едва освѣщенной лѣстницѣ, показывая намъ знаками, чтобы мы не шевелились. Онъ держалъ въ рукахъ подсвѣчникъ съ незажженной свѣчей и спички.

— „Подождите немного здѣсь,—сказалъ онъ намъ,—я попробую войти къ нему и, когда сдѣлаю вамъ знакъ, то идите за мной, взгляните на бѣднаго Павла Андреевича, таковъ-ли онъ былъ, мой голубчикъ".

Замокъ въ дверяхъ щелкнулъ и Коршуновъ заглянулъ туда, сдѣлалъ намъ знакъ войти и остановился въ сѣняхъ, чтобы зажечь свѣчку. Мы вошли въ чуланъ подъ лѣстницу и въ углу, изъ котораго раздавался крикъ, сверкнули два глаза, какъ у кота—тамъ былъ клубокъ, издававшій еще несмолкаемый раздирающій

---

*) Его деньщикъ.

**) Покойный Государь Александръ Николаевичъ.

крикъ и громкую, скоро—скоро изливающуюся, страшную брань.—„Ничего, идите, не бойтесь, стойте тутъ, онъ теперь ничего не помнитъ“ *).

Въ это время Коршуновъ вошелъ со свѣчей; кругъ свѣта едва обозначился и изъ темнаго угла мигомъ очутилась передъ нами человѣческая фигура въ больничномъ халатѣ со связанными и одѣтыми въ кожаные мѣшки руками, затянутыми ремнями и притянутыми къ спинѣ плечами. Ноги были босы, тесемки подштанниковъ волочились. Бритая голова, страшные глаза, ротъ въ пѣнѣ, безумные, дикіе, свирѣпые глаза и непрерывный крикъ. Узнать его было нельзя. Это былъ человѣкъ—не человѣкъ, звѣрь—не звѣрь, хуже звѣря...

Крикъ Ѳедотова утихалъ, онъ еще продолжалъ ворчать, буквально ворчать, какъ хищный звѣрь, пересыпая брань ворчаньемъ. Пѣна переставала идти изо рта, онъ близко, близко подошелъ ко мнѣ, всматривался; лицо его начало принимать человѣческій образъ, осмысливаться, черты лица—принимать сходство съ прежнимъ Ѳедотовымъ, онъ началъ логично говорить, негодуя на положеніе заключенныхъ больныхъ.

Всѣмъ намъ случалось видѣть фокусниковъ, которые держатъ въ рукѣ шарикъ, трутъ его, и шарикъ мало-по-малу исчезаетъ, а затѣмъ пустыя ладони трутъ вновь, и вновь является шарикъ. Такъ исчезало,

СВИДАНІЕ Л. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА И А. Е. БЕЙДЕМАНА СЪ П. А. ѲЕДОТОВЫМЪ ВЪ ЧАСТНОЙ ЛЕЧЕБНИЦѢ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХЪ НА ПЕСКАХЪ ВЪ 1852 г.

Съ рисунка, сдѣланнаго П. Марковымъ въ 1853 г. съ сепіи А. Е. Бейдемана и гравированнаго Утгофъ для «Иллюстрированной газеты» 1871 г. (№ 2) **).

передъ нами лицо несчастнаго разъяреннаго бѣшенаго существа и появлялся Ѳедотовъ, конечно, не тотъ, какимъ онъ былъ въ здоровомъ состояніи, но мы его узнавали вновь, дорогія, умныя черты его воскресали, появлялась надежда, что онъ не потерянъ для насъ. Однако-жъ не вѣрилось, чтобы дѣйствительно онъ сознавалъ, кому онъ говоритъ.—„Узнаете-ли вы, Павелъ Андреевичъ, меня, мы такъ давно съ вами не видались?“

— „Какъ-же, милый мой, тебя-то не узнать“.

---

*) Въ общемъ этотъ разсказъ г. Жемчужникова вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что уже было напечатано о томъ же предметѣ П. Марковымъ со словъ А. Е. Бейдемана въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1871 г. № 2.

**) Эскизъ Бейдемана, точно воспроизведшій ту ужасающую обстановку, въ какой находился Ѳедотовъ, проф. А. Т. Марковымъ былъ показанъ графу Ѳ. П. Толстому, тогдашнему вицепрезиденту Академіи Художествъ и конференцъ-секретарю В. И. Григоровичу. Они взялись хлопотать о переводѣ Ѳедотова въ казенный домъ умалишенныхъ на 11-й верстѣ по Петергофской дорогѣ. И Ѳедотовъ былъ переведенъ въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. Подлинный эскизъ Бейдемана находится теперь у И. Н. Терещинки, какъ и эскизъ той же сцены, сдѣланный г. Жемчужниковымъ.

— „Спросите, спросите: кто вы,—шепчетъ Коршуновъ,— можетъ и узнаетъ".—„Кто же я и кто это со мной!"—„Это милый мой Саша*), а ты Іоаннъ Богословъ**). Ахъ, голубчики вы мои, какъ хорошо сдѣлали, что меня навѣстили". Я вынулъ свой носовой платокъ, утеръ ему ротъ и лицо, и горячо, одинъ за другимъ, мы съ нимъ расцѣловались. Коршуновъ, бѣдный, прослезился. Ѳедотовъ спокойно началъ жаловаться на дурное съ нимъ обращеніе, просилъ сказать обо всемъ моему отцу, чтобы онъ похлопоталъ о переводѣ его изъ этой больницы.

— „Павелъ Андреевичъ, они вамъ гостинца привезли,—яблочки". сказалъ Коршуновъ. Мы знали отъ него, что П. А. ихъ теперь любитъ. Бейдеманъ началъ подносить къ его рту одно яблоко за другимъ, которыя Ѳедотовъ ѣлъ съ жалностью, и съѣлъ ихъ два десятка. Мало-по-малу, какъ шарикъ у фокусника исчезаетъ изъ руки, началъ исчезать и Павелъ Андреевичъ. Мысли его умныя мѣшались съ фантазіей поэтической и бредомъ въ родѣ, напримѣръ, того, что рѣка Нилъ и его дельта образовались по слѣдамъ рубища шедшаго нищаго старика; онъ чертилъ босой ногой по мягкому полу, набитому соломой и покрытому толстой клеенкой, оставляя слѣдъ черты и разрывая иногда пальцемъ ноги эту клеенку. Молодой и потрясенный мозгъ мой былъ весь подъ впечатлѣніемъ говора Ѳедотова, мои мысли, воображеніе и сердце слѣдили за нимъ, я готовъ былъ его слушать, но Ѳедотовъ сказалъ: „подождите, сейчасъ, сейчасъ... надо напиться"... Вытянулись его губы, исчезъ совсѣмъ его образъ, онъ подошелъ въ стѣнѣ. Стѣны тоже были обиты соломой и затянуты черной клеенкой, на нихъ мѣстами виднѣлись его чертежи и его чертами процарапанное изображеніе креста, передъ которымъ онъ иногда молился, иногда пѣлъ заупокойную молитву; кругомъ всѣхъ стѣнъ на высоту его головы былъ протертый слѣдъ; въ углу чулана было окошечко съ желѣзною рѣшеткой—безъ стекла, безъ ставни. П. А. уперся лбомъ въ стѣну, вытянутыя губы представляли нечеловѣческій образъ, онъ началъ губами втягивать въ себя воздухъ, ворчать какъ звѣрь, и тереться лбомъ кругомъ стѣны, быстро двигаясь.

— „Ну, опять началось! Оставаться опасно. Бываетъ и такъ, что начинаетъ драться, ремни рветъ, удержать не могутъ! Надо скорѣе уходить". сказалъ Коршуновъ.

Въ ту минуту, когда Ѳедотовъ говорилъ: „погодите, погодите, сейчасъ, сейчасъ", и, издавая звуки, подошелъ къ окошечку, какъ бы пить и прохладить себя, и сталъ грызть рѣшетку, громко скрипя зубами,—мы быстро удалились вмѣстѣ съ Коршуновымъ. Дверь была быстро задвинута запоромъ и заперта, свѣчка потушена и мы притаились, стоя въ темныхъ сырыхъ сѣняхъ, полъ которыхъ былъ на одномъ уровнѣ съ поломъ досчатаго чулана Ѳедотова и дворомъ. Ѳедотовъ продолжалъ ворчать и грызть рѣшетку въ потьмахъ. Мы притаились, все стихло.

— „Коршуновъ, Коршуновъ, гдѣ ты?"

— „Здѣсь, Павелъ Андреевичъ, надо идти, зовутъ на верхъ".

— „Врешь! Гдѣ Левушка, гдѣ Саша?!..

— „Они уѣхали".

— „Врешь, вотъ они! Вижу! Обманываешь!.. Отвори двери!"

— „Я не могу, Павелъ Андреевичъ, надо идти".

— „Скорежу! Скорежу!.. Сейчасъ отвори!" И онъ опять началъ грызть рѣшетку и стучать въ дверь, призывая насъ. Видѣть насъ могъ только звѣрь кошачей породы,—мы стояли притаившись въ совершенномъ мракѣ близъ выхода.

---

*) Такъ звалъ Ѳедотовъ А. Е. Бейдемана.

**) Ѳедотовъ въ шутку часто звалъ меня такъ по моимъ русымъ волосамъ и, быть можетъ, увлеченью.

Художественныя произведенія П. А. Ѳедотова *).

СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Картина: Отставной воинъ представляетъ передъ женою, какъ происходитъ смотръ войскамъ.
Акварели: Бивуакъ л.-гв. Павловскаго полка.—Бивуакъ л.-гв. Гренадерскаго полка.

ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ ДВОРЦѢ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

* Акварель: **Встрѣча въ лагерѣ л.-гв. Финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича, 1837 г.**

Литографическій и хромолитографическій отпечатки съ нея приложены къ «Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка» (1881 г.).

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ПУБЛИЧНОМЪ И РУМЯНЦЕВСКОМЪ МУЗЕѢ.

* Картины: **Сватовство маіора.—Свѣжій Кавалеръ.**—Вдовушка (повтореніе).

Первыя двѣ картины были воспроизведены въ литографіяхъ отдѣльно; «Сватовство Маіора» фотографически въ «Свѣтописи» 1858 г.; обѣ первыя картины въ миніатюрномъ видѣ литографически на рисункѣ, приложенномъ къ «Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка», (1881 г.). Всѣ три въ гравюрахъ на стали въ «Сѣверномъ Сіяніи» 1862 г., т. I.

ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

** Акварель: Все холера виновата!

ВЪ ГАЛЛЕРЕѢ П. М. ТРЕТЬЯКОВА.

** Акварели: **Портретъ отца художника. — Передняя частнаго пристава въ большой праздникъ.—«Сафонычъ!-на!».—Гулянье въ Москвѣ во время дождя.—Игроки** (неокончена).—**Во время холеры** (нѣмецъ объясняетъ извозчику, какъ опасно во время холеры ѣсть лукъ, огурцы и пить квасъ).—**Старость и юность** (?).—**Мужской портретъ** (?).

** Портретъ масл. кр. **Гр. Е. П. Ростопчиной.**

** Сепіи: **Модный магазинъ.—Житье на чужой счетъ.—Первое утро обманутаго молодого.—Старость художника.**

* Сепіи: **Мышеловка.—Смерть Фидельки.—Послѣдствія смерти Фидельки.**

Первый изъ этихъ эскизовъ былъ воспроизведенъ въ политипажѣ («П. А. Ѳедотовъ» Сомова); второй и третій—фототипически въ «Русскомъ Художественномъ архивѣ» 1892 г., вып. I.

Картины: Вдовушка (повтореніе).—Сватовство маіора (копія академика Мокрицкаго).

Акварели сатирическаго содержанія: Брань подъ Краснымъ (полемъ).—Брань подъ Смоленскомъ (кладбищемъ).

Рисунки карандашемъ: „Копай“.—Офицеръ, облокотившійся надъ урной на кладбищѣ.

ВЪ ГАЛЛЕРЕѢ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

** Картины: **Завтракъ аристократа.—Вдовушка** (первый экземпляръ).

---

*) Самый полный списокъ художественныхъ произведеній П. А. Ѳедотова былъ составленъ и напечатанъ А. И. Сомовымъ въ его брошюрѣ «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ» (СПБ. 1878 г.). Нашъ списокъ отличается отъ прежняго тѣми перемѣнами и дополненіями, какія съ того времени приведены въ извѣстность, а также указаніями, гдѣ какіе рисунки были напечатаны раньше, и поясненіями сюжетовъ нѣсколькихъ произведеній, которыя не вошли въ составъ настоящаго изданія. Изъ произведеній, помѣщенныхъ въ немъ, отмѣчены * печатавшіяся раньше, а **—напечатанныя здѣсь впервые.

КОЛЛЕКЦІЯ А. И. БЕГГРОВА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Карандашные рисунки: 51 рисунокъ на 47 листахъ въ размѣрѣ писчей бумаги, помѣченные цензурнымъ дозволеніемъ 22 іюня 1856 г.

1. Квартальный надзиратель стоитъ передъ выручкою овощной лавки. За выручкою—купецъ, приподнимающій съ нея корзину, нагруженную всякимъ яствомъ. Подлѣ выручки лежитъ на двухъ бочкахъ лотокъ съ балыкомъ. Подпись: Ты, Тихонычъ, тоже на пробу и балычекъ положи.—2. Два рисунка: слѣва—пожилой человѣкъ въ очкахъ, халатѣ, туфляхъ и колпакѣ, сидя за письменнымъ столомъ, отрывается отъ дѣла, чтобы взглянуть на карманные часы. Подпись: Ахъ, Господи! уже 12 часовъ. Справа—молодой человѣкъ въ нарядномъ шлафрокѣ, лежа въ лѣнивой позѣ на диванѣ и оставивъ на минуту курительную трубку, беретъ съ круглаго столика карманные часы и справляется съ ними. Подпись: Ахъ ты Господи! еще только 12 часовъ.—*3. Маленькая дѣвочка, держа за дышло игрушечную кибитку, разговариваетъ съ только-что вошедшимъ пожилымъ сутуловатымъ господиномъ. Подпись: Карлъ Иванычъ, принесли бомбошку?—Нѣтъ, моя душенька.—Ну, такъ маменька васъ не будетъ любить. Вотъ Василій Ивановичъ мнѣ приноситъ каждый разъ; за то маменька его у себя цѣлуетъ.—*4. Длиноволосый юноша живописецъ, въ рабочей блузѣ, стоитъ передъ мольбертомъ съ картиной, затягиваясь сигарой, опершись колѣномъ въ стулъ и закинувъ голову назадъ. Подпись: Нѣтъ, не выставлю!—Не поймутъ.—5. Двое мужчинъ, стоя, просматриваютъ газету; третій смотритъ на нихъ, раскладывая карты на ломберномъ столѣ, Подпись: Что, господа, терять драгоцѣнное время? На оборотѣ этого рисунка—этюдъ какой-то античной головы.—**6. Старушка няня сидитъ у стола и ласкаетъ кота, находящагося у нея на колѣняхъ. Свади обнимаетъ ее мальчикъ. Подпись: Няня! котораго ты Васю больше любишь? Меня, или брыську.—7. Крестьянская дѣвушка, оставивъ пряжу, вычесываетъ гребнемъ для льна насѣкомыхъ изъ лежащей на ея колѣняхъ головы молодого парня, раскинувшагося на скамьѣ, почесывающагося одной рукою и держащаго въ другой, свѣсившейся внизъ, балалайку. Подпись: Деревенская любовь.—**8. Молодой художникъ пишетъ портретъ очень тучной дамы; она смотритъ на его работу, привставая съ кресел. Подпись: Экою ты жирною меня сдѣлалъ!—Это еще подмалевокъ. Посмотрѣли-бы, какъ Брюлловъ жирно подмалевываетъ.—То-то, смотри!.—**9. Ѳедотовъ во фракѣ стоитъ передъ столомъ и, смотрясь въ находящееся на немъ круглое зеркало, надѣваетъ парикъ себѣ на лысую голову. Подпись: Теперь невѣстъ сюда! Невѣстъ!—**10. Двое мужчинъ разговариваютъ между собою у ломбернаго стола; чрезъ дверь, въ другой комнатѣ видны двѣ разговаривающія барыни. Подпись: Слышишь? Ругаютъ преферансъ; небойсь, сплетничать лучше?—11. Мужъ лежитъ еще не одѣтый въ постелѣ, подлѣ стоитъ жена въ блузѣ, съ чашкою чая въ рукахъ. На полу, собачка треплетъ парикъ. Подпись: Ахъ, Машенька! Какой твой Фиделька шалунъ.—На томъ же листѣ набросокъ: отецъ, сидя на стулѣ, ласкаетъ малютку дочь; рядомъ стоитъ мать.—12. Горбатый господинъ. бросившись на колѣна передъ перезрѣлою дѣвой, цѣлуетъ ея руку. Подпись: Ахъ, Поль! Это было всегдашнее мое желаніе!—На томъ же листѣ набросокъ подобной же сцены: горбатый умиленно смотритъ на дѣву.—*13. Старушка помѣщица сидитъ въ креслѣ; передъ нею стоятъ молодая, дебелая служанка и слуга-казачекъ. Подпись: Мы, сударыня, только христосовались.—Я вамъ дамъ христосоваться до Петрова дня!—*14. Жена ластится къ мужу; оба они въ домашнемъ неглиже. Подпись: Мы, душенька, поѣдемъ съ тобою въ маскарадъ?—*15. Квартальный надзиратель роется въ заднемъ карманѣ своего мундира; привезшій его извощикъ почесываетъ себѣ затылокъ. Подпись: Ахъ, братецъ, кажется, дома забылъ кошелекъ.—**16. Важная дама сидитъ у камина съ собачкою на колѣняхъ; передъ нею почтительно стоитъ квартальный. Подпись: Какъ вы смѣли взять мою дѣвушку?—Я—по приказанію начальства, ваше сіятельство!—А кто это? графъ N, князь N?—Приставъ, ваше сіятельство!—Скажите ему, чтобы онъ впередъ не смѣлъ.—17. Отецъ угощаетъ мальчика сына рюмкою водки; за его стуломъ стоитъ мать. Подпись: А что, Машенька, вѣдь Вася-то у насъ будетъ славный малый!—Да, весь въ тебя.—**18. Немолодая дѣва, отвѣдывая водку, морщится; подлѣ нея сидитъ ея кузина. Въ отдаленіи двое мужчинъ. Подпись: Какъ это мужчины пьютъ такую гадость?—Пьютъ, ma cousine, пьютъ!. да подчасъ такъ пьютъ!—*19. Пожилой господинъ въ шляпѣ и съ тростью въ рукахъ разспрашиваетъ дворника. Подпись: Ходятъ, сударь, ходятъ! Сперва все какая-то черноглазенькая, а теперь, вотъ другой мѣсяцъ—такая большая, рыжеватая. Она, кажется, и теперь у него.—20. Барыня выдергиваетъ сѣдые волосы съ головы прапорщика-мужа; онъ корчится и дѣлаетъ гримасу отъ боли. Подпись: Ай, ай, Мишель! Ужъ у тебя сѣдые волосы! Три года назадъ уѣхалъ на службу такимъ купидошкой!—Климатъ, душенька, петербургскій климатъ!—21. Младшая кузина, сидя на диванѣ, показываетъ старшей медальонъ съ мужскимъ портретомъ; та возражаетъ ей, стоя и держась за стулъ. Подпись:

Младшая кузина: Не даромъ я его люблю!
Вглядитесь-ка, кузина:
Божественная мина!

Старшая кузина: Что пользы дѣвушкамъ любить?
Намъ надобно любимымъ быть.
По крайней мѣрѣ, такъ ужъ
Скорѣе выйдешь замужъ!...

22. Старичекъ во фракѣ, съ Владиміромъ на шеѣ и со звѣздою, стоитъ въ умильной позѣ передъ сидящею молодою дѣвушкой, которой онъ только-что подарилъ серьги. Подпись: Все это очень хорошо... А сколько у васъ душъ крестьянъ?—23. Старикъ, отставной гусарскій офицеръ, приводитъ къ педагогу юношу-сына. Подпись: А что, мусье, какъ скоро возьметесь вы приготовить моего сына?—А куда вы хотите, по какой карьерѣ пустить?—По моей, въ гусары.—О, это очень скоро!—24. Живописецъ сидитъ передъ мольбертомъ съ портретомъ очень носастаго господина. Оригиналъ портрета дѣлаетъ ему замѣчаніе относительно этой работы. Подпись: Что это за срамъ! Какой вы мнѣ носъ сдѣлали?—Если угодно, можно сдѣлать совсѣмъ безъ носа.—**25. Въ сапожной лавкѣ покупатель примѣряетъ сапоги, которые подаетъ ему прикащикъ. Въ дверяхъ, какой-то оборвышъ, вынимая изъ-за пазухи бумагу, проситъ подаянія. Подпись: Служа нѣсколько лѣтъ въ пѣхотѣ, во флотѣ, въ артиллеріи и кавалеріи, по слабости здоровья и несправедливости начальства, долженъ былъ выйдти въ отставку, обремененъ семействомъ... Будьте благодѣтель!—*26. Барышня, бросившись на кровать, уткнула голову въ подушку и закрыла лицо руками. Подпись: Ахъ я, несчастная! Они старые товарищи, они знакомы; а я имъ обоимъ дала слово, обоимъ по портрету! Ахъ я, несчастная!—27. Трое игроковъ оставили на время карты. Одинъ потираетъ себѣ поясницу, другой схватился за голову, а третій, сидя за ломбернымъ столомъ, наливаетъ изъ графина чарку водки. Подпись: 1. Чертъ знаетъ съ чего, ужасно голова болитъ... 2. Уфъ, какъ поясница болитъ! мочи нѣтъ, И съ чего-бы? 3. Я полагаю, г-да, это нашъ петербургскій климатъ. Здѣсь всѣ страдаютъ г........—**28. Тучная мамаша одѣваетъ дочку, снаряжающуюся на вечеръ. Подпись: Ты, Сашенька, не очень тамъ вертись: вѣдь юбка-то пришита на живую нитку. Долго-ль до грѣха.—*29. Старуха, остановившись молоть кофе, сердито спрашиваетъ уходящаго мужа. Подпись: Что? опять къ своей Палагеѣ Агафоновнѣ?—Ей Богу, душенька, къ обѣднѣ. (Слова «къ обѣднѣ» цензоръ передѣлалъ «по дѣламъ»).—На томъ же листѣ набросокъ женской головки.—30. Одѣтая по бальному барышня повязываетъ себѣ голову маленькимъ платочкомъ; ея мать надѣваетъ себѣ галоши. Подпись: Ты, Машенька, надѣнь капоръ.—Вотъ, мило! Чтобы локоны смять?—Да вѣдь 20 градусовъ мороза.—Ничего, маменька!—**31. Барыня, въ ермолкѣ и халатѣ мужского покроя, куритъ пахитоску, стоя колѣномъ на стулѣ. Сидящій у стола мужъ рветъ себѣ волосы. Подпись:

Прежде барыней была
И примѣрною слыла:
Въ рынокъ съ поваромъ ходила,
Огурцы, грибы солила
И огарки берегла.
Погуляла заграницей,
Да въ Парижѣ пожила—
Возвратилась львицей.

(Сюжетъ картины: «Львица». Отъ нея сохранился только эскизъ масляными красками). На оборотѣ того же листа: трое мужчинъ играютъ въ карты. Одного изъ нихъ уговариваетъ его жена ѣхать домой. Подпись:

Еще на пульку! Боже мой!
Андрюшенька, пора домой!
Не слышишь что-ль? ужъ било пять.
Вѣдь этакъ ты, моншеръ, опять

Въ палату опоздаешь.
— Эхъ, женщина! Ну что ты знаешь?
Ну, опоздаю—не бѣда:
Пошлю рапортъ больнымъ тогда.

32**. Модница приготовляетъ себѣ костюмъ для выѣзда на вечеръ. Ея мужъ, въ халатѣ, держа на рукахъ ребенка, укоряетъ ее. Подпись: *Полно тебѣ съ чепцами-то возиться; у дѣтей порядочныхъ рубашечекъ нѣтъ!—Дѣти сидятъ дома, а мнѣ сегодня надо на вечеръ.—Охъ, ты, русская барыня! Только на показъ живетъ.*—*33.** Дѣвушка, сидя за столомъ, читаетъ огромную книгу. Ея подруга, стоя подлѣ, смотритъ на нее съ удивленіемъ. Подпись: *Ахъ, ma chère, ты четьминею читаешь?—Да, пригодится! Нынче мужчины такіе измѣнники.* (Цензоромъ зачеркнуто: «четьминею»).—****34.** Волосатый артистъ играетъ на фортепьяно, выдѣлывая при этомъ разные фокусы руками. Дѣвушка съ восторгомъ смотритъ на его игру, тогда какъ ея отецъ выражаетъ свое неудовольствіе. Подпись: *Ахъ, папа! Какія рулады! Какіе скачки! посмотрите!—Хороша музыка, которую смотрѣть надо!—Да это Листа варіаціи.—А на мое ухо чисто завираціи.*—****35.** Дѣвочка надѣваетъ чепчикъ на Ѳедотова, сидящаго на стулѣ. Подпись: *Ахъ, папаша! Какъ къ тебѣ идетъ чепчикъ! Правду мамочка говоритъ, что ты ужасная баба.* Внизу страницы помѣтка 1858.—****36.** Жена сидитъ на стулѣ, спуская на полъ ребенка со своихъ колѣнъ. Мужъ, въ халатѣ, проходя мимо, остановился передъ нею и повернулъ въ ея сторону голову. Подпись: *Отчего это, Александръ Ивановичъ, у насъ никогда не соберутся твои молодые чиновники... хоть на преферансикъ?—А ты развѣ не знаешь, отчего я развелся съ первой женой?*—****37.** Франтъ, стоя у забора, смотритъ на видимую изъ-за его угла улицу. Надъ головою этой фигуры—прибитая къ забору дощечка съ надписью: *Продается пустопорожнее мѣсто.*—***38.** *Капиталисты.* Двое офицеровъ играютъ банкъ при догорѣвшей и потухающей свѣчѣ. Въ сторонѣ заспанный и почесывающійся деньщикъ. Подпись: 1. *Да пошли же за свѣчею.*—2. *Да пошли ты; ты въ выигрышѣ.*—1. *Пошли ты; я тебѣ сотру пятьдесятъ тысячъ.*—39. Юный художникъ пьетъ чай, помѣшивая въ стаканѣ ручкой кисти. Онъ указываетъ себѣ на лобъ дворнику, уносящему самоваръ. Подпись: *Что-жъ, госп. Пряжкинъ, выкупите ложки, аль нѣтъ? Я продамъ ихъ.—А пожалуй! Я и безъ нихъ обойдусь, денегъ нѣтъ.—А за фатеру-те?—Худ. Вотъ напишу картину—будутъ деньги, отдамъ.—Да вы все гуляете, а картины-те и не начато. Гдѣ она у васъ?—Худ. Болванъ, братецъ! вотъ гдѣ!*—40. Барышня лежитъ въ постели съ обвязанною платкомъ щекою. Старушка-мать стоитъ передъ нею съ лекарствомъ въ рукахъ. Подпись: *Вѣдь я тебѣ вчера, какъ ѣхали на вечеръ, говорила: надѣнь козьи сапоги, простудишься. Такъ нѣтъ, стыдно!... Охъ, глупыя, кого стыдно? Лакеевъ въ передней!*—****41.** Мужъ, опершись на столъ, сердито говоритъ женѣ, сидящей за столомъ: *Я вчера присылалъ изъ должности насыпать табакерку. Тебя, сказали, дома не было. А?!* Жена, бросивъ чтеніе, усиленно ласкаетъ моську, которая служитъ передъ нею на заднихъ лапкахъ.—42. Мать уговариваетъ дѣвушку, сидящую на стулѣ, въ позѣ отчаянія. Подпись: *Мать: Да рѣшись, душенька; дай ему слово! Дочь: Да какъ же я могу рѣшиться, когда я его терпѣть не могу? Мать: Э, глупенькая! Да я развѣ любила твоего батюшку-то, а ничего, слава Богу, тридцать лѣтъ прожили.*—****43.** Дама и кавалеръ сидятъ за столомъ и кушаютъ. Она показываетъ ему сдѣланный изъ хлѣба шарикъ. Подпись: *Что вы желаете этому шарику?—Прижать къ моему сердцу.*—44. Въ лавкѣ золотыхъ дѣлъ мастера, барыня держитъ въ той и другой рукѣ по цѣпочкѣ; мужъ достаетъ изъ бокового кармана бумажникъ. За прилавкомъ—прикащикъ, отворившій витрину съ вещами. Подпись: *Возьмемъ, Базиль, эту цѣпочку... эта тяжелѣе, эта тяжелѣе.—Охъ, душенька, мужу цѣпи чѣмъ тяжелѣе, тѣмъ хуже.—Возьмемъ лучше—ту другую.*—***45.** За столомъ сидятъ тучный старикъ въ халатѣ и молодой студентъ. Въ отдаленіи, горничная уноситъ подносъ съ парою стакановъ. Подпись: *Дяденька! гдѣ вы нанимаете такихъ хорошенькихъ служанокъ?—Много будешь знать, скоро состарѣешься.*—***46.** Старикъ, въ халатѣ и съ Владиміромъ на шеѣ, сидитъ и держитъ ребенка на рукахъ. Чиновникъ со шляпою въ одной рукѣ, другою ласкаетъ ребенка за подбородокъ. Подпись: *Ахъ, ваше пр—ство, какой у васъ прелестный сынокъ!—А дѣло принесли?—Какой милашка!—А дѣло?—Прелесть!*—****47.** Немолодая женщина, съ заплаканными глазами, сидитъ на стулѣ. Молодой ея мужъ собирается уйдти. Подпись: *Хорошъ мужъ! Ни одного вечера не посидитъ дома!—Вышла-бъ за подагрика... вѣдь одинъ сватался. Онъ бы вѣкъ дома сидѣлъ. Такъ нѣтъ, хотѣла помоложе!*

Рисунки этой коллекціи, описанные подъ №№ 4, 7, 13, 15, 19, 29, 32, 38 и 45, были напечатаны литографически Сѣмечкинымъ съ произвольными измѣненіями и добавленіями издателя, а подъ № 7, 26 и 46—также измѣненные—въ «Свѣтописи» 1858 г. Здѣсь они воспроизведены въ фототипическихъ и автотипическихъ факсимиле непосредственно съ оригиналовъ.

КОЛЛЕКЦІЯ А. И. СОМОВА, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Карандашные рисунки:

**** 1. Девять листовъ,** изображающихъ рожденіе и младенчество геніальнаго живописца: «Звѣзда возвѣщаетъ рожденіе генія»,—Зачатіе генія,—«Что ни шагъ, то расходы»,—«Г. Муттершпигель (акушеръ) повторяетъ въ свободное время старыя свои академическія упражненія»,—«Съ чѣмъ-съ? Съ сынкомъ, дай Богъ ему...»—«Система Галля. Бугоръ живописи развитъ чрезвычайно. Какая непомѣрная ширина лба!»—Воспитаніе генія,—«Чрезвычайно быстрое развитіе способностей генія разстраиваетъ его здоровье»,—«Жена, молись! Насъ слава осѣняетъ».—2. Старикъ въ халатѣ и парикѣ сидитъ у столика въ волтеровскихъ креслахъ. Молодая красивая кухарка подвела къ нему мальчика. Подпись: *Старый холостякъ: Ты, душенька при чужихъ никогда не называй меня папашей, а говори—«дядя».*—3. Жена сидитъ, занимаясь отдѣлкою шляпки. Мужъ стоитъ передъ нею со шляпою въ рукѣ. Подпись: *Измучился, искавши, а все ложи нѣтъ. Зачѣмъ же вы домой пришли?—Обѣдать.—У меня ничего не готовлено.*—4. Трое игроковъ у ломбернаго стола. Одинъ налилъ себѣ стаканъ вина, другой закуриваетъ сигару; третій, стоя, потираетъ себѣ поясницу. Подпись: *Уфъ, какъ поясница болитъ! чертъ знаетъ съ чего.—Да ужъ здѣсь, Климъ Андреевичъ, батюшка, климатъ такой.* — 5. Старушка крестьянка подвела къ двумъ барышнямъ мальчика. Тотъ конфузится. Одна изъ барышень гладитъ ему подбородокъ. Подпись: *Да поцѣлуй ручку, Ванька! Экой глупенькій!*—6. Чиновникъ принимаетъ взятку отъ купца. Подпись: *Такъ завтра, батюшка?—А вотъ я посмотрю.*—7. Одинъ извѣстный русскій архитекторъ, любившій прихвастнуть, изображенный въ карикатурѣ. Подпись: *Исаакіевскій соборъ? О, это я тоже началъ строить. Да не стоитъ—передалъ Монферану.*—8. Чортъ-поваръ приготовляетъ изъ различныхъ частей тѣла Ѳедотовскаго пріятеля Шмидта, любившаго покушать, разныя кушанья. Чертенята подаютъ эти кушанья Плутону и Прозерпинѣ. Подпись: *Блаженни алчущіе, яко тіи насытятся.*—9. Отецъ пускаетъ дымъ сигары на ребенка, котораго держитъ у себя на колѣняхъ улыбающаяся мать. Вдали другіе члены семейства. Помѣтка: *1849, 10 ноября.*—10. Дѣвица, губительница офицерскихъ сердецъ, сидитъ у камина. Полъ устланъ офицерскими портретами. Амуры несутъ къ камину охапками сердца.—11. Семейная сцена, Отецъ держитъ ребенка на рукахъ; мать заигрываетъ съ малюткой двумя пальцами.—****12.** Офицеру во время ученья солдатъ зашиваетъ разорвавшіяся сзади штаны. Подпись: *Какъ хорошо имѣть въ ротѣ портныхъ!*—13. Шмидтъ играетъ на фантастическомъ инструментѣ; вдали музыканты: Подпись: *Г. Ш-ъ, новоприбывшій артистъ, изволитъ играть на имъ самимъ изобрѣтенномъ инструментѣ, называемомъ «Аполлонова лира».* —****14** Шмидтъ кушаетъ на похоронахъ. Подпись: *Упокой, Господи, душу усопшаго раба!*—****15.** Солдаты Павловскаго полка помпонами своихъ шапокъ красятъ стѣны казармъ. Подпись: *Малярное искусство.*—16. Больной офицеръ, лежа, пользуетъ себя пуншемъ и читаетъ приказъ по полку.—17. Чиновникъ Михайловъ, танцующій по случаю полученія имъ ордена.—18. Онъ же, читающій указъ объ орденѣ.—19. Набросокъ картины «Вдовушка».—****20.** Дѣвушка-подросточекъ надѣваетъ на Ѳедотова чепчикъ.—21. Ѳедотовъ, еще офицеръ, отправляется въ Парголово на этюды.—****22.** Дѣвочка, играющая мячикомъ.—23. Фигура свахи изъ картины «Сватовство майора».—24. Офицеръ входитъ въ комнату полкового казначея. Подпись: *Что если онъ не въ духѣ?*—25. Набросокъ картины «Возвращеніе институтки въ отеческій домъ».—26. Одинъ изъ Ѳедотовскихъ знакомыхъ, въ видѣ сатира, подбирается къ безобразной женщинѣ, сидящей у рѣчки. Подпись *Сатиръ и нимфа.*—****27.** Хозяинъ встрѣчаетъ гостя, снимающаго шинель и галоши.—****28.** Листъ различныхъ набросковъ и среди нихъ прекрасный портретъ художника (см. на обложкѣ).—****29.** Шесть листовъ съ фигурами, изображающими, какъ люди садятся.—30. Портретъ Пашеннаго.—31. Портретъ Бороздны.—32. Листъ различныхъ чертежей съ портретами В. Агина, А. Агина, А. Козлова, О. Зотова и самого Ѳедотова.—****33.** Восемь листовъ карикатуръ на начальниковъ и сослуживцевъ Ѳедотова по Финляндскому полку (Напечатанъ здѣсь «**Вяткинъ**»).—34. Карикатура на сослуживца Ѳедотова Булгакова. Подпись: *Корзиночка изъ вишневой косточки.*—35. Двое мужчинъ и старушка, возвращающіеся изъ бани.—36. Наброски фигуры молодой дѣвушки въ разные моменты танцованія польки.—37. Толкотня учениковъ Академіи Художествъ при выходѣ изъ натурнаго класса въ день возвращенія имъ рисунковъ съ экзамена.—38. Дѣвушка съ головою, похожею на дулю стеблемъ вверхъ.—39. Карикатурное изображеніе двухъ барышень. Подпись: *M-lles Pi-pi и Modestie.*—40. Девять листовъ различныхъ набросковъ и карикатуръ.—41. Двѣ человѣческія фигуры, скопированныя съ карикатуръ, Гаварни.—42. Трое офицеровъ, отдыхающіе на бивуакѣ, и видъ на станціи Кипень (первоначальные рисунки художника).—

43. Продажа съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ (первоначальный рисунокъ художника).—Рисунокъ мокрой тушью: художники въ фантастическихъ костюмахъ срисовываютъ и списываютъ штофъ водки. Подпись: *Бельведерскій торсъ*.—Акварель, сдѣланная еще въ бытность Ѳедотова въ кадетскомъ корпусѣ: Манфредъ, бросающійся со скалы въ воду, при лунномъ свѣтѣ.

Изъ этой коллекціи раньше были напечатаны въ политипажахъ рисунки подъ №№ 2, 19, 21 и портретъ художника въ журналѣ «Пчела» 1878 г. и въ отдѣльной брошюрѣ А. И. Сомова («П. А. Ѳедотовъ»).

У И. Н. ТЕРЕЩЕНКО ВЪ КІЕВѢ (РАНЬШЕ ПРИНАДЛЕЖАЛИ Л. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ) *).

Картина: Пожаръ.—Акварель: Портретъ Е. И. В. вел. князя Константина Николаевича; въ отдаленіи — фигуры, между прочимъ, ген. Вяткина. — Мародеры въ русской деревнѣ въ 1812 г. (рис. сепіей).

Карандашные рисунки:

Барышня съ птичкой; передъ нею казачекъ съ клѣткой. — Ѳедотовъ передъ барышней, вручающей ему кошелекъ. — Медовый мѣсяцъ (жена сидитъ у мужа на колѣняхъ).—Продажа страусова пера.—Барышня, дѣлающая себѣ папильотки.—Архитекторъ и подрядчикъ. — Начальникъ и подчиненные. — На ворѣ шапка горитъ. — Полковые товарищи художника, Ртищевъ и Сухаревъ (2 рисунка; изъ нихъ одинъ оконченный).—Классная дама съ дѣвочкой; на оборотѣ—собаки.—Набросокъ картины «Сватовство майора».—Этюды фигуръ для той же картины: невѣста, купецъ, мать и невѣста, кухарка съ пирогомъ. — Эскизъ картины: «Игроки». — Восемь набросковъ для этой картины. — Три наброска для картины «Игроки». — Два наброска картины «Казарменная жизнь».—Три хорошенькія женскія головки.—Набросокъ изъ картины «Мародеры».—Институтки.—Толстяки.—Наброски уличныхъ типовъ.—Солдаты устраиваютъ палатки.—Этюды солдатъ.—Офицеръ съ ружьемъ.—Семь листовъ этюдовъ и набросковъ для картинъ: «Бивуакъ л.-гв. Павловскаго полка» и «Бивуакъ л.-гв. Гренадерскаго полка».—Два листа эротическихъ рисунковъ. — 53 рисунка анатоміи лошади, съ натуры и гипса. — 14 листовъ разныхъ этюдовъ и набросковъ.—Этюды глазъ и четырехъ физіономій.—Листъ каррикатуръ.—Портретъ гр. Вельегорскаго.—Рисунокъ, сдѣланный художникомъ во время сумашествія.—Рисунокъ, раздѣленный горизонтально на двѣ части. Вверху—юноша на стулѣ съ вытянутыми ногами; внизу—юноша на постелѣ, въ бѣльѣ, съ книгою въ рукахъ. На стулѣ—книги; подлѣ стулъ. Подпись: *Литературный вѣкъ*.—Такой же рисунокъ: Къ дилижансу подходитъ очень полная дама, ведя за руку дѣвочку. Подпись: *Кондукторъ!—Всѣ заняты.—А вонъ—вонъ пустой*!

Кромѣ перечисленныхъ произведеній П. А. Ѳедотова, въ спискѣ А. И. Сомова значатся еще нѣсколько такихъ работъ художника, которыя принадлежали или принадлежатъ слѣдующимъ лицамъ:

Хлудову въ Москвѣ — картина «Разборчивая невѣста» (была воспроизведена фотогравюрой въ «Художественномъ Журналѣ» 1882 г. № 4) **).—Юзефовичу—картина «Дворцовый гренадеръ посѣщаетъ бывшую свою роту въ Финляндскомъ полку».—Г. В. Дружинину въ Петербургѣ — два портрета масл. кр. М. П. Дружининой (сидящая фигура въ боскетѣ изъ плюща); эскизъ масл. кр.: видъ 9-й линіи Васильевскаго Острова въ утреннемъ туманѣ; эскизъ масл. кр.: Солнце съ изображеніемъ Спасителя въ срединѣ; этюдъ масл. кр.: Голова старушки въ платкѣ; эскизъ масл. кр. (для «Сватовства майора»)—кошка, замывающая гостей; этюдъ масл. кр. для той же картины: сваха, голова невѣсты и голова матери.—В. А. Кокореву принадлежалъ эскизъ масл. кр. «Сватовство майора».—П. С. Вановскому—принадлежитъ портретъ его.—Н. Титову—акварельный портретъ императора Николая Павловича.—К. И. Званцеву принадлежалъ сфинксъ съ головой, представляющей собою портретъ Ѳедотова.

Неизвѣстно, гдѣ находятся слѣдующія произведенія:

Карандашные рисунки: Гастрономъ. 1. Господинъ ѣстъ съ кислой миной кусокъ рыбы. Подпись: *Что это, Леночка, какая дурная севрюга! Вотъ вчера вечеромъ у Ивана Петровича ѣлъ я севрюгу,—вотъ такъ севрюга!—Жена: А сколько ты тамъ проигралъ?—Мужъ: Бездѣлицу—десять цѣлковыхъ!—Жена: А сколько мнѣ далъ на расходъ?—Мужъ: трехрублевый*.—3. Мужъ— игрокъ говоритъ женѣ тономъ сожалѣнія: *Ну, Катенька, я думалъ, что ты будешь къ празднику съ обновой, а выходитъ—нѣтъ. Представь себѣ, нѣсколько дней все катерны да катерны, а не прошелъ ни одного разу*.—3. Молодая женщина ведетъ нетрезваго мужа съ помощью дѣтей. Подпись: *Господа, женитесь— пригодится*!—4. Двѣ барышни сидятъ у стола: одна—поднявъ голову вверхъ и ломая руки, а другая—спустивъ голову, закрывъ лицо правою рукою держитъ въ лѣвой портретъ офицера. Подпись: *Увы!—походъ! (въ Крымскую компанію)*.—5. Толстый господинъ въ халатѣ, курчавый и съ объемистымъ животомъ; передъ нимъ — кухарка со сковородкою въ рукахъ; котъ ластится на полу подъ сковородкою. Подпись: *Бога ты не боишься! Опять подожгла?—Печка подожгла*. — 6. Старушка мотаетъ нитки, которыя держитъ молодой офицеръ. Онъ посылаетъ по воздуху поцѣлуй дѣвушкѣ, сидящей поодаль за пяльцами и повернувшей къ нему голову. Подпись: *Летучій поцѣлуй*.—7. Дочь гаваньскаго чиновника стоитъ съ ленточкой въ рукахъ передъ старикомъ отцомъ; онъ безъ сюртука. На столѣ бумаги, чернильница и двѣ книги. Подпись: *Такую бездѣлицу прошу, а вы не соглашаетесь.—Да когда ты бездѣлицами-то перестанешь заниматься? А?*—Крестины***).—Пѣвица (была напечатана фототипически при журналѣ «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ» 1884 г.)—Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку на маневрахъ. — Освященіе знаменъ въ обновленномъ послѣ пожара Зимнемъ дворцѣ.—Вечернія развлеченія въ казармахъ по случаю полкового праздника. — Домашній воръ (мужъ, проигравшій у себя на вечерѣ всѣ деньги, втихомолку вынимаетъ изъ бюро жены новые ресурсы и попадается ей на мѣстѣ преступленія). Сострадание: мальчикъ натравливаетъ на прохожаго собаку, между тѣмъ какъ какой-то сибаритъ любуется этой сценой изъ окна, попивая пуншъ и покуривая папиросу.—Милосердіе (въ двѣ фигуры акварель).—Слуга, покупающій у разносчика щетку (юмористическій рис.—акварель).—Портреты вел. кн. Михаила Павловича (одинъ изъ нихъ, нарисованный въ профиль, былъ изданъ Даціаро въ литографіи).

---

*) Въ «Воспоминаніяхъ о П. А. Ѳедотовѣ», напечатанныхъ г. Жемчужниковымъ въ мартовскомъ выпускѣ «Артистъ» (1893 г.), отмѣчено, что эта коллекція состоитъ изъ 469 нумеровъ (рисунковъ и набросковъ). Вмѣстѣ съ нею у г. Терещенко находятся эскизы А. Е. Бейдемана и Л. М. Жемчужникова «Сумасшедшій Ѳедотовъ». О рисункахъ, сдѣланныхъ Ѳедотовымъ во время его роковой болѣзни, по сохранившимся двумъ листамъ ихъ, г. Жемчужниковъ такъ отзывается: «тамъ есть и надписи, сдѣланныя рукою Ѳедотова, и чертежи, сдѣланные имъ же, но рука ему измѣняла, черта потеряла всю стройность и прелесть, и что особенно замѣчательно, такъ это то, что лица, имъ нарисованныя, всѣ настолько похожи, что узнать ихъ можно, но всѣ они имѣютъ видъ сумасшедшихъ».

**) Изображена перезрѣлая дѣвица за гаданьемъ о суженомъ. Въ это время къ ней является съ букетомъ цвѣтовъ тоже не первой молодости господинъ, къ тому же горбатый, и, вручивъ ей букетъ, падаетъ передъ нею на колѣни. Черты дѣвицы выражаютъ восторгъ, черты кавалера—страхъ получить отказъ на свое предложеніе руки и сердца. Заботливая мать дѣвицы, приложивъ ухо къ полуоткрытой двери, прислушивается къ ихъ разговору. Она очевидно довольна имъ и спѣшитъ сообщить о своей радости мужу, который, умильно сложивъ руки, благодаритъ судьбу за то, что она дастъ возможность пристроить, наконецъ, ихъ разборчивую дочку - невѣсту.

***) По словесному указанію А. И. Сомова, находится въ Варшавѣ у одного частнаго лица. Картина изображаетъ бѣдную единственную комнату, раздѣленную на двое ситцевымъ пологомъ. На постели сидитъ родильница. Вынувъ младенца изъ корзинки, служащей вмѣсто колыбели, она собирается кормить его. Появившійся отецъ младенца въ смятой старой шляпѣ, въ засаленномъ фракѣ, съ продранными локтями, горделиво держитъ надъ головой въ каждой рукѣ по бутылкѣ клико, а четверо другихъ его дѣтей тутъ же ссорятся изъ-за куска булки. Вмѣсто дровъ, кухарка собирается топить печку бумажками, стружками и обломками отъ старой мебели. По лицу отца семейства замѣтно, что онъ въ полномъ восторгѣ отъ своей покупки и ни на что прочее не желаетъ обращать вниманіе. («П. А. Ѳедотовъ» В. В. Толбина въ «Пантеонѣ» 1854 г., кн. I).

Стихотворенія П. А. Ѳедотова.

Къ моимъ читателямъ стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ *).

Кто-бъ нибылъ добрый мой читатель,
Родной вы мой или пріятель,
Теперь хочу я васъ просить
Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть.
Я не отъявленный писатель,
Хоть я давно ношусь съ перомъ.
Да то перо, что носятъ въ шляпѣ,
А что писатель держитъ въ лапѣ,
Я съ тѣмъ, ей-Богу, незнакомъ,
И не пускаюсь въ сочиненья,
А ужъ особенно въ печать.
Меня судьба, отецъ да мать
Назначили маршировать,
Ходить въ парады, на ученья
Или подъ часъ въ кровавый бой
За славой, или на убой.
Но какъ отъ русскаго штыка
Дыра довольно глубока,
Враги всѣ наши присмирѣли,
Ругая насъ издалека,
Тревожить явно ужъ не смѣли,
То я спокойно десять лѣтъ
Безъ пуль, картечь и разныхъ бѣдъ
Возился съ службой гарнизонной.
Вотъ доводъ, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэтъ.
Не правда-ль?... не угодно-ль стать
Во фрунтъ поэту записному,
Да не угодно-ль помечтать;
Или начальнику иному
Рапортъ стишками написать.
Хоть будь вполнѣ литературно,
Да не по формѣ, скажутъ: дурно!...
Начальникъ распечетъ,—и правъ:
Что сочинять, гдѣ есть уставъ,
Гдѣ шагъ, малѣйшее движенье,
Все такъ обдумано давно,
И съ васъ потребуютъ одно
Слѣпое лишь повиновенье,
И распекутъ за сочиненье.
Иль пусть какой нибудь поэтъ,
Какого лучше въ свѣтѣ нѣтъ,
Слетаетъ къ бѣсу на расправу,
То есть на сутки на заставу.
Займись тамъ выспренной мечтой,
Да подорожной хоть одной
Не просмотри, пренебреги,
Да на звонокъ не побѣги,
Такого зададутъ трезвону.
Забудешь всѣхъ и Апполона,
И девять музъ и весь Парнасъ.
Нѣтъ, некогда мечтать у насъ.
Солдатъ весь вѣкъ какъ подъ обухомъ:
Тревоги жди пугливымъ ухомъ,
Поэты-жъ любятъ всѣ покой—
А у солдатъ какой покой?...
Для стихотворнаго народа
Всегда торжественна природа,
Ему мила и непогода.
Онъ все поетъ, и дождь, и громъ,
И вѣтра въ осень завыванье,
Самъ льетъ въ стаканъ спокойно ромъ,
Сидя въ теплѣ; нѣтъ, въ нашей шкурѣ
Попробуй гимны пѣть натурѣ:
Воспой-ка ручейки тогда,
Какъ въ сапогахъ бурчитъ вода,
Воспой подъ дождь въ одномъ мундирѣ,
Когда при строгомъ командирѣ
Деньщикъ твой, прогнанный въ обозъ,
Твою шинель упряталъ въ возъ;
Иль въ сюртукѣ въ одномъ въ морозъ
Простой, начальство ожидая,
Тогда какъ пальцы, замирая,
Не въ силахъ сабли ужъ держать,
Изволь-ка въ руки лиру взять,
Да грянь торжественную оду
На полунощную природу.
Нѣтъ, милый, рта не разведешь,
И волчью пѣсню запоешь.
Поэтамъ даже сводъ небесный
Какой покосъ даетъ чудесный,
А намъ красавица луна
Напомнитъ только ночь безъ сна
На аванпостахъ; ясный Фебъ...
Луна и Фебъ поэтамъ хлѣбъ,
А намъ отъ Феба пыль да жарко,
Намъ Фебъ злодѣй, коль свѣтитъ ярко;
Онъ намъ не недругъ лишь, когда
Вблизи холодная вода.
И эти звѣзды, что высоко,
Что въ поэтическое око
Такъ бриллiантами блестятъ,
Намъ дальностью своей твердятъ,
Что и до звѣздъ земныхъ далеко.
(Съ прибавкой славы и любви).
Вотъ все, что въ пышущей крови
Вздымаетъ сильное броженье,
Что кипятитъ воображенье.
А намъ?... нашъ братъ ослѣпъ, оглохъ,
Намъ это все къ стѣнѣ горохъ.
Блаженство наше: чарка въ холодъ,
Да ковшъ воды въ жару, да въ голодъ
Горячихъ миска щей, да сонъ,
Да преферансъ,—и Аполлонъ
И съ музами спроваженъ вонъ.
И даже самая любовь,
Хотя подчасъ волнуетъ кровь,
Да только кровь.—А сердце... дудки!
Насъ не поддѣть на незабудки,
На нѣжности; нашъ идеалъ,
Намъ подавай-ка капиталъ,
Затѣмъ, что вѣдь и въ насъ, мы знаемъ,
Не лично мы всегда прельщаемъ,
Прельщаетъ чаще нашъ мундиръ,
Россійскихъ барышенъ кумиръ.
Смѣшно же безкорыстныхъ строить:
Одно должно другого стоить
(О совѣсти ни слова тутъ).
Но если-жъ мишуру берутъ
Взамѣнъ святой любови чистой,
Такъ ужъ умнѣе взять наличный
За это капиталъ.—У насъ
Примѣровъ всякихъ есть запасъ,
Есть: точно, по любви женаты!
Да что они? Бывали хваты,
Теперь кислятина, ухваты,
Горшки, пеленки на умѣ,
Вѣкъ съ плачемъ о пустой сумѣ,
Съ роптаньемъ, и сказать ужасно!
На добродѣтель ропщутъ гласно!
Они, завидуя ворамъ,
Скорѣе къ выгоднымъ мѣстамъ
Бѣгутъ казной отогрѣваться,
Казной за голодъ отъѣдаться;
Межъ тѣмъ иной, какъ холостъ былъ,
Глядишь, честнѣйшимъ малымъ слылъ.
Выходитъ, что жена и дѣти
Лишь только дьявольскія сѣти
Безъ золота.—Такъ вотъ любовь!
Ей тоже денегъ подготовь,
Не то готовь и скорбь и слезы;
Гдѣ-жъ тутъ поэзія? гдѣ-жъ розы?
Тѣ розы вѣчныя, о коихъ такъ твердятъ?

Любовь безъ денегъ просто ядъ,
И ядъ тѣмъ болѣе опасный,
Что онъ на вкусъ такой прекрасный,
Лизнешь, не хочется отстать.
Коварна брачная кровать!
А полюбить да не жениться,
Такъ право лучше утопиться,
Да и топилися не разъ.
Вѣдь есть же Лизинъ прудъ у насъ (**).
Когда же съ жизнью жаль разстаться,
Душой и тѣломъ вѣкъ больной,
Ты будешь по свѣту таскаться,
Всегда разсѣянной, шальной
И, стало быть, всегда смѣшной:
Ну вотъ влюбленныхъ перспектива.
Нѣтъ, эта цѣль не такъ красива,
Чтобы любовь боготворить.
Намъ съ нею каши не сварить!
Теперь мы примемся за славу,
Необходимую приправу
Поэзіи.—Но славѣ пиръ
Даетъ война, а тутъ былъ миръ.
Съ трубою, съ крыльями кумиръ
Не принимаетъ приношенья
Отъ тѣхъ, кто знаетъ лишь ученья,
Парады, лагерь, караулъ;
Кровавый любитъ онъ разгулъ.
Поэзію онъ въ уши трубитъ
Лишь тѣмъ, кто больше губитъ, рубитъ,
Кто кровь людскую льетъ рѣкой,
Я-жъ десять лѣтъ моей рукой
Махалъ на вольномъ только шагѣ,
Другой ей не было отваги,
И мой смиренный кроткій мечъ
Не зналъ кровавыхъ грозныхъ сѣчъ;
Тупой родясь, умретъ не точенъ,
Въ крови предъ славой непороченъ,
Служить онъ могъ лишь какъ косарь,
Щепя лучину подъ алтарь.
А груды тѣлъ и крови рѣки
Принесть ей въ даръ,—не въ томъ знать вѣкѣ
Ошибкой родился мой мечъ,
И такъ объ славѣ кончимъ рѣчь.
Ну, вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
Питался отъ начала вѣка.
Еще пересчитаемъ вновь:
Природа, слава и любовь!
Иное точно кровь мутило.
Да не до риѳмъ тогда намъ было,
Мутило съ желчью пополамъ,
Иное-жъ вовсе чуждо намъ,
На чемъ же тутъ душѣ развиться,
Воображенью порѣзвиться?
Пускай разсудитъ цѣлый свѣтъ:
Поэзіи тутъ пищи нѣтъ!
Гдѣ-жъ было мнѣ практиковаться
И чистоты въ стихахъ набраться
Такой, чтобъ критикъ злой иной
Не отыскалъ стишокъ больной.
Не придирайтесь, Бога ради,
Пока стихи еще въ тетради;
Я самъ къ печатнымъ очень строгъ,
Въ печать не лѣзу—знакъ смиренья,
А это стоитъ снисхожденья.

(*) Три стихотворенія П. А. Ѳедотова «Къ моимъ читателямъ», поэма «Сватовство маіора» и «Совѣты инвалида» печатаются здѣсь въ той редакціи, въ какой они помѣщены въ «Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка» (1881 г.) по списку, сохранившемуся у П. И. Рейслера, одного изъ ближайшихъ друзей П. А. Ѳедотова. По этому списку стихотвореніе «Къ моимъ читателямъ» оказывается самостоятельнымъ, а не входящимъ въ составъ поэмы «Сватовство маіора», какъ это принималось въ стихахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1872 г., т. V и VI. Списокъ Рейслера ближе подходитъ къ той редакціи стихотвореній Ѳедотова, варіанты которой сообщены въ «Рус. Стар.» 1872 т. VI., стр. 209—221.

(**) Есть въ Москвѣ прудъ, прозванный «Лизинъ», потому что въ немъ, съ отчаянія въ любви, утопилась Лиза—и есть надпись:
«Здѣсь утопилась Лиза, Эрастова невѣста».
«Топитесь, дѣвушки, для всѣхъ довольно мѣста».

Предисловіе П. А. Ѳедотова къ картинѣ «Поправка обстоятельствъ или женитьба маіора».

а) Разсужденіе маіора.

Вотъ маіоромъ десять лѣтъ,
А надежды нѣтъ какъ нѣтъ
Въ подполковники подняться:
Все смотры мнѣ не клеятся,
Все робѣю на смотрахъ.
Слово «смотръ» наводитъ страхъ,
Право, хуже всякой бабы;
Нервы что ли (стали) слабы?..
Чуть начальникъ впереди,
И какъ иглами уколетъ.
Весь вздрогнешь, по тѣлу холодъ
И мурашки пробѣгутъ,
Зубы дробь во рту забьютъ;
Какъ въ каретѣ стекла, волосъ
Станетъ дыбомъ, рвется голосъ,
Звонъ глухой гудитъ въ ушахъ,
Звѣзды бѣгаютъ въ глазахъ,
Поле будто все кружится
И изволь тутъ отличиться?..
Пить для храбрости?.. и пилъ,
Да лишь вдвое наглупилъ.
Позапрошлой годъ стояли
Мы въ каре и все стрѣляли.
Вдругъ командуютъ: «впередъ!»
Съ фланга... мнѣ пришелъ чередъ...
Ужъ недаромъ ненавижу
Я каре; засуетясь,
Тутъ забылъ назначить фасъ,
Гаркнулъ (просто) маршъ... и что же вижу?
Фасы, кто куда лицомъ,
Какъ стояли врозь крестомъ,
Дуютъ (дуютъ по долинѣ)...
(Я-жъ торчу одинъ шестомъ)
Одурѣвши въ серединѣ,
Музыканты тоже врозь,
Кто куда... бѣда, хоть брось!
Не забуду и понынѣ
Какъ тогда со всѣхъ сторонъ,
Какъ на падаль тьма воронъ,
На меня поналетѣли
Командиры, ... ѣли! ѣли!
Какъ душа осталась въ тѣлѣ,
. . . .
Прошлый годъ, судьбѣ на зло,
Мнѣ какъ будто повезло:
На смотру и въ построеньяхъ,
Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ.
Я ошибся только разъ,
Да и то дымъ пушекъ спасъ.
Ну, я думалъ: въ добрый часъ!
Чтобъ не сглазить; передъ старшимъ
Церемоніальнымъ маршемъ
Намъ пройти ужъ нипочемъ,
Незамѣченный ни въ чемъ,
Вѣрно, буду я представленъ.
Планъ ужъ былъ въ умѣ составленъ,
Какъ полковника схвачу,
Какъ и дальше поскачу
И въ мечтахъ лечу, лечу...
Вижу—армія большая
Всѣ колоннами идутъ
И, знамена преклоняя,
Всѣ мнѣ почесть воздаютъ,
Барабаны громко бьютъ,
Громко музыка играетъ.
Дамы такъ ко мнѣ . . . . . А я
Такъ марширую свободно;
Но постой, мечта моя,
На яву идутъ по-взводно,
Вотъ идутъ, идутъ, идутъ,
Ровнымъ шагомъ землю бьютъ,
Поле чистое трясется,
Эхо близкихъ рощъ и горъ
Вторитъ музыкъ стройный хоръ,
Сквозь аккорды крикъ несется:
Радъ стараться Ваше . . . . . . ство!
И на лицахъ торжество.
Взводъ щетинистой грядою
Взводъ смѣняетъ чередою,
Все впередъ, впередъ, впередъ...
Вотъ приходитъ мой чередъ.
Радъ—и страшно сердце бьется—
Что! какъ вдругъ съ ноги собьется
Батальонъ мой? . . . . Никогда!
Нѣтъ, взошла моя звѣзда!..

Но! . . и вдругъ мечта остыла,
Точно громомъ поразило,
Точно съ неба слышу . . . . стой!..
Барабановъ смолкнулъ бой,
Стихло все, остановилось,
Разомъ въ землю пригвоздилось—
Замерло—лишь тамъ и сямъ
Потихоньку по рядамъ
Офицеры пробѣгаютъ;
И ряды свои ровняютъ;
Вотъ и тѣ ужъ по мѣстамъ,
Всѣ чего-то ожидаютъ,
Всѣ боятся, но зачѣмъ?
Для чего бояться всѣмъ?
Есть для всѣхъ одинъ несчастный—
Это я! о рокъ ужасный!
Такъ и есть: въ мой пятый взводъ
Прямо корпусный идетъ,
Вотъ всевидящее око!
Онъ подмѣтилъ издалека
У канальи у одной
Въ пятомъ взводѣ подъ сумой
Съ табакомъ кисетъ проклятый...
Погубилъ меня взводъ пятой!
Ждалъ схватить иль чинъ, иль крестъ,
А попался подъ арестъ!
Хуже-жъ всѣхъ годовъ мнѣ это
Было нынѣшнее лѣто.
Только третій боевой
Какъ пойдетъ—хоть волкомъ вой.
Зналъ претвердо на ученьѣ,
Тутъ не то—нашло затмѣнье!
А желнера по утру
Какъ просилъ я на смотру
Подсказать мнѣ, но лукавый
Все объ Лелинькѣ кудрявой
Объ своей, видно, мечталъ,
Въ головѣ все, видно, балъ,
Молодежь . . . . а мнѣ отъ бала
Отъ его ужъ такъ попало
Хоть въ отставку подавай!..
Эхъ, отставка—вотъ такъ рай!..
Никакихъ смотровъ не знай,
Самъ себя лишь только знаешь,
Самъ себѣ лишь отвѣчаешь.
Вотъ другимъ везетъ . . . . . а я?
Знать, такая колея!..
Больше-ль знаетъ Пятогрѣевъ?
Иль умнѣй меня Михѣевъ?
Ха, ха, ха, или Рубцовъ?
Ужъ глупѣйшій изъ глупцовъ,
А Зубановъ съ красной рожей,
На говядину похожей,
А Биршнапсъ, а Муано?
Всѣ полковники давно,
Всѣ съ полками набиваютъ,
Чай, карманъ, да поживаютъ,
Какъ царьки, одинъ лишь я...
Просто дрянь судьба моя!
Всюду запятыя, точки,
Знать, родился не въ сорочкѣ.
Нѣтъ, довольно: рѣшено
Выйду . . . ужъ пора давно
На покой, чего тутъ ждать?..
Вѣдь мнѣ каждый смотръ обидно
Передъ фронтомъ срамъ глотать,
А уставъ мудеръ! мнѣ, видно,
Нечего здѣсь больше ждать,
Генераломъ не бывать!..
Да и это незавидно...
Ну, положимъ, генералъ,
Экой важный капиталъ.
Что отъ этого прибудетъ?
Вѣдь начальство все же будетъ,
Такъ же будетъ распекать;
Да тогда еще стыднѣе,
А вѣдь съ чиномъ не умнѣе
Станешь . . . . . также будешь врать!..
Содержанья и прибудетъ,
Такъ расходовъ въ трое будетъ.
Надо ужъ себя держать
На вельможескую стать,
И шитье, да и нельзя же
Обойтись безъ экипажа,
Голь, какъ нынче, будетъ также...
Вышелъ бы, да вотъ бѣда:

Чѣмъ кормиться то тогда!
Пансіонъ? . . . . велико дѣло,
А ужъ крѣпко надоѣло!..
Развѣ къ статскимъ перейти?
Отъ смотровъ хоть бы уйти,
Но и тамъ бѣда повсюду:
Въ статской я надворнымъ буду,
А надворный тамъ великъ,
Тамъ надворный, безъ сомнѣнья,
Ужъ начальникъ отдѣленья,
Я жъ къ бумагамъ не привыкъ,
Чтожъ я буду за начальникъ?
Мнѣ любой столоначальникъ
Завернетъ вездѣ ковыкъ,
Тамъ, гдѣ взять,—себѣ оставитъ,
А бумажку ту представитъ
Мнѣ, съ которой лишь бѣда,
И распутывай тогда!
А какъ дѣлъ то самъ не знаешь,
Да въ законахъ не смѣкаешь,
Не подскажетъ нижній чинъ,
И не справившись одинъ,
По неволѣ всякой мошкѣ
Поклонись чернильной въ ножки,
А не то тебя подъ судъ
Эти мошки упекутъ.
Въ статской важны: чинъ и званье,
Но важнѣй законовъ знанье.
Впрочемъ, есть и тамъ мѣста,
На которыхъ и спроста,
Безъ особенной науки,
Можно грѣть порядкомъ руки.
Не объ жалованьѣ рѣчь,
Совѣсть можно сбросить съ плечъ!
Не такіе нынче годы!
Говорится про доходы.
Напримѣръ, коммисарьятъ,
Иль провіантскій штатъ,
Иль полиція, таможня;
Вотъ ужъ, говорятъ, тамъ то можно,
Только съ прочими дѣлись,
А иначе берегись...
Прахъ возьми! Да я бъ дѣлился,
Да и самъ бы понажился!
Этакъ бы сначала домъ
Въ пять этажей, да при томъ,
Чтобъ и въ немъ всего биткомъ.
Послѣ сбилъ бы помаленьку
Въ хлѣбномъ мѣстѣ деревеньку.
А хозяйствомъ править лѣнь—
Клалъ въ ломбардъ на черный день
Чистоганъ . . . когдабъ понажилъ,
Я бъ раскланялся и зажилъ,
Какъ второй Сарданапалъ.
И тогда задай-ка балъ?
Глядь! . . . въ числѣ гостей попалъ,
Съ увѣреньями въ дружбѣ,
Тотъ, кто прежде на службѣ
Просто со свѣту сживалъ.
Принимая всѣхъ радушно,
Я бъ простилъ великодушно
Прошлое врагамъ моимъ,
Я бы даже на смѣхъ имъ
Задавалъ обѣды часто.
Ваше Прев . . . во, тогда бъ ужъ баста!
Климъ Матвѣичъ, Петръ Лукичъ—
По именно просто кличь.
Вотъ къ такому бы мѣстечку
Пріютиться человѣчку
Славно бъ! . . . кто жъ добру не радъ!
Только вотъ что говорятъ:
Что туда безъ денегъ врядъ
Попадешь . . . . подсунуть надо
Да вѣдь какъ . , . изчадья ада,
Вѣдь нельзя сказать берутъ:
Чисто на чисто дерутъ,
Начиная съ самой справки.
Ты придешь, какъ точно въ лавкѣ,
Тамъ на все ужъ такса есть,
И не стоитъ мало несть:
Единичными рублями
Тамъ съ простыми писарями
Не поладишь, имъ на чай
Тожъ полсотенку подай,
Вотъ тогда языкъ развяжутъ
И вакансію укажутъ,

Да научатъ и уму,
То есть, сколько и кому,
Да и въ руки-ль самому.
Можетъ, гдѣ важнѣй супруга,
Иль секретная подруга.
Что и къ нимъ съ поклономъ снесть,
Гдѣ и къ нимъ лазейка есть.
Вѣдь съ бумагами ему, чай,
Не ровенъ бываетъ случай
Часто въ ночь . . . . . такъ дай ему.
Умный писарь членъ въ дому.
Онъ и тамъ смекнетъ дѣлишкомъ,
Гдѣ хоть это рѣдко слишкомъ
Что начальникъ правовѣдъ.
Иль студентъ задорныхъ лѣтъ:
Щекотливъ вдругъ до дохода,
Вѣдь въ семьѣ не безъ урода,
Ихъ глупцами и зовутъ.
Ну такъ писарь вѣрно тутъ,
Какъ всегда на шагъ отъ плюхи
Знаетъ хоть, когда онъ въ духѣ.
Чтожъ? . . . и это вѣрный ключъ;
Громъ гремитъ не все изъ тучъ,
Часто изъ . . . . . Такъ писаря,
Откровенно говоря,
Даромъ чтоли прижимаютъ?
Нѣтъ! себѣ, чай, цѣну знаютъ.
Съ виду мошки, а министръ
Какъ ни будь умомъ онъ быстръ,
И глубокъ, а донесенья
Иль секретное рѣшенье
Пишетъ самъ ли? . . . писаря,
Четко нужно для царя,
А министру до того ли?...
У великихъ всѣхъ людей
Быстро бьетъ фонтанъ идей,
Въ спѣхѣ брызжетъ по неволѣ,
Да наставитъ лишь крючковъ,
Почеркъ геніевъ таковъ,
Да спасуетъ . . . . а, признаться,
Поглядишь, барчата всѣ
Бойко мелятъ по-франсе.
А взгляни въ чистописанье,
Тотчасъ встрѣтишь оправданье:
«Кантонистовъ что ли нѣтъ?
«Это низко нашимъ чадамъ!»
Русскій умъ нашъ крѣпокъ задомъ.
А вотъ тутъ . . . съ писцомъ секретъ
Государственной и важной
Раздѣли . . . . . хоть не продажный
Этотъ писарь можетъ быть,
Да мадерцы какъ не пить?...
Часто нехотя напьется,
А напьется и проврется,
И что чтится за секретъ,
Глядь, обходитъ весь ужъ свѣтъ
И шути тутъ съ писарями!...
Много-ль есть учителей,
Чтобы смыслъ науки всей,
Смыслъ въ ученьи столь глубокомъ,
Какъ достать мѣстечко съ сокомъ,
Передалъ однимъ урокомъ?
И полсотни, только-бъ взялъ
Безкорыстья идеалъ,
Право, сотню дамъ охотно.
Такъ, купивъ себѣ маршрутъ
И карманъ набивши плотно,
Отправляйся выше . . . . тутъ,
Тутъ ужъ тысячи берутъ,
Выше ужъ десятки тысячъ!
Ухъ бы! ихъ на конной высѣчь!
Поневолѣ послѣ всякъ,
Заплативъ за мѣсто такъ,
Все вернуть скорѣй захочетъ
И какъ жадный волкъ наскочитъ
Вымещать все надъ казной
И безсовѣстно иной
Вслухъ кричитъ: казна богата!
«Грѣхъ обидѣть ближнихъ, брата,
«У казны-жъ не грѣхъ украсть,
«Есть кому ее накласть;
«Коль казны и недостанетъ,
«Такъ министръ кой какъ натянетъ.
«Министерскій умъ глубокъ,
«Онъ изъ камня выжметъ сокъ
«И казна опять богата!»
Такъ забывши все, что свято,
Разсуждается у насъ,
Только если въ добрый часъ
Совѣсть какъ нибудь разбудитъ.
Вовсе иначе разсудитъ:
Тутъ увидишь, что казна
Не для кражи собрана.

Сборы всѣ и приношенья
На благія учрежденья
Съ насъ правительство беретъ.
Стало, кто казну деретъ,
Тотъ у ближнихъ благо крадетъ;
Пусть кто хочетъ душу гадитъ,
Мнѣ-жъ такихъ не надо мѣстъ,
Совѣсть грязная заѣстъ,
Все терпѣніемъ залечимъ,
Да при томъ подсунуть нечѣмъ!
Шарфъ на выжигу, темлякъ,
Ну хоть два, хоть три, да знакъ,
Вотъ и все . . . нѣтъ, съ этимъ дудки!
Съ этимъ близь трактира будки
Не получишь, Вотъ мечтай,
Замки строй и разсуждай:
Ноль на ноль сто разъ помножа,
Все въ итогѣ будетъ то же;
Всюду деньги . . . .
Деньги, деньги, счастья ключъ!
Но постой! Надежды лучъ
Не совсѣмъ угасъ покуда.
Не совсѣмъ еще мнѣ худо—
Дай-ка я за умъ возьмусь,
Почему я не женюсь?
Да женюсь, и на богатой,
Дамъ щелчка судьбѣ рогатой...
Какъ богатой мнѣ не взять?
Иль невѣстъ богатыхъ мало?
Иль во мнѣ что недостало?
Чѣмъ не мужъ я? чѣмъ не зять?
Штабъ, густые эполеты,
Шпоры, конь, усы и лѣта?
Чтожъ? въ порѣ, я просто хватъ.
Хоть немножко толстоватъ...
Это возбудитъ почтенье;
Хуже-жъ еслибъ былъ худой.
Скажутъ: вѣрно былъ больной.
Иль худого поведенья.
Все, что надобно женѣ
Ждать отъ мужа, есть во мнѣ:
Чинъ высокоблагородный
И при томъ собой дородный,
Чтожъ еще? Ужъ для купчихъ
Это сущій кладъ для нихъ.
Кстати-жъ, слышалъ у Кулькова,
У купца бородача,
Старовѣра богача,
У подрядчика лѣсного
Ужъ назначенъ милліонъ
Дочери. Когда бы онъ
Отдалъ мнѣ ее . . . не худо,
Аппетитненькое блюдо!
Право, нечего зѣвать,
Надо сваху засылать,
А потомъ принарядиться
Поновѣй понадушиться,
Можно и духовъ достать
И помады хоть у франтовъ,
У бригадныхъ адъютантовъ
Взять, у нихъ же орденокъ,
Да батистовый платокъ.
Да часы на случай: съ дочкой
Коль придется говорить,
Пальцемъ баловать съ цѣпочкой
И носочкомъ такту бить:
Шарфъ надѣть, позвонче шпоры,
Да, поднявши плечи, грудь,
Эполетами тряхнуть,
Да погромче въ разговоры...
Посмотрю я, какъ тогда
Мнѣ откажетъ борода!
Съ бородой въ сибиркахъ тести—
Деньги есть, такъ ищутъ чести.

Разъ при мнѣ одинъ купецъ
Мужа дочери смекая,
Какъ заботливый отецъ.
Всѣ сословія сличая,
Вотъ что вывелъ наконецъ:
«Выдать за купца не худо,
«Да не худо, какъ покуда
«Хорошо дѣла идутъ;
«Но бѣда, подъ-часъ и тутъ.
«Сколько-бъ въ руки ни попало
«Денегъ, кажется, все мало,
«Хочется учетверить,
«Въ оборотъ рискнетъ пустить,
«Да съ казной въ подряды вступитъ.
«Анъ, глядишь, въ капканъ попалъ,
«Поминай свой капиталъ!
«До конца въ дому опишутъ.
«Да въ мѣщане перепишутъ.

«А мѣщанинъ, что холопъ:
«Чуть наборъ, забреютъ лобъ.
«Зять—солдатъ и дочь—солдатка,
«Нѣтъ, для батюшки не сладко.
«А умри тогда жена
«Дочь пропадшая, она
«Иль на мѣстѣ оставайся
«Вѣкъ замужнею вдовой,
«Иль цыганкой вѣкъ шатайся
. . . .
. . . . Вотъ подъ-часъ
«Что случается у насъ,
«У купцовъ, отъ оборотовъ!
«Долго-ль дѣло до банкротовъ!
«А коль чуть остерегись,
«Съ капитальцемъ поприжмись,
«Такъ бѣда отъ патріотовъ,
«Только и звенитъ въ ушахъ,
«Что торговля де въ рукахъ
«Наша вся у иноземцевъ,
«Англичанъ, французовъ, нѣмцевъ,
«А что наши де купцы
«Просто неучи, глупцы,
«Вотъ какъ хочешь и вертися,
«Впрочемъ, если попадися
«Зять почетный гражданинъ
«А! . . тутъ не кафтанъ одинъ
«Шитый, тутъ ужъ есть и льготы.
«Впрочемъ все же обороты!..
«То-ли дѣло дворянинъ,
«По уму хоть бы не годенъ
«И душой не благороденъ
«Все-жъ себѣ онъ господинъ,
«Хочетъ—спитъ, а хочетъ—служитъ
«И объ дѣтушкахъ не тужитъ.
«Хочетъ? воспитаетъ самъ—
«Нѣтъ? . . раздастъ по корпусамъ,
«И того нѣтъ? . . Все-жъ барчата,
«Не посмѣютъ взять въ солдаты.
«Но коль выше забирать,
«О! такъ надобно, чтобъ зять
«Непремѣнно былъ военный.
«Это самый санъ почтенный!..
«Ни фальшивыхъ нѣтъ вѣсовъ,
«Нѣтъ ни взятокъ, ни крючковъ.
«Что въ другихъ такъ ненавистно,
«Тутъ все чисто, безкорыстно».
Оттого-то, какъ, магнитъ
Такъ мундиръ къ себѣ манитъ
Всѣхъ, кто съ чистою душою
И невинной простотою.
Дѣти . . . . . дай имъ барабанъ,
Дай гусарскій доломанъ,
Саблю, знамя . . а въ предметѣ
У дѣвицъ въ семнадцать лѣтъ,
Хоть въ глуши живутъ, хоть въ свѣтѣ,
Всюду вѣчно эполеты,
Шпоры, усики, колеты.
Да и всѣ . . . явись въ мундирѣ—
Всѣ даютъ дорогу шире,
Да еще бы? . . кто же насъ
И спасаетъ въ грозный часъ?
Шутки! право, не легко вѣдь
Лобъ и грудь свою подставить,
Чтобъ другой лишь былъ прикрытъ,
И за все лишь полусытъ.
Поневолѣ уваженье
Къ нимъ питаешь и почтенье!..
Только нѣмцы на Руси,
Боже насъ отъ нихъ спаси!..
То есть тѣ, что здѣсь торгуютъ,
Про мундиръ всегда толкуютъ,
Что не стоитъ онъ гроша...
А въ немъ нѣтъ, знать, барыша!
Говорятъ вишь: Гольденъ дрессенъ!..
Аберъ только нихтсъ цу фрессенъ!..
Съ жиру бѣсятся они,
А на совѣсть загляни...
Что все держитъ? штыкъ россійскій!
Что же? Развѣ прусскій иль австрійской...
Иль иной какой
Въ мірѣ водворитъ покой?
Чтобъ спокойно проживали,
Да спокойно торговали?..
А! . . . . да что и говорить!
Съ ними бисеръ лишь сорить.
Бросивъ родину святую,
И на вѣкъ въ страну чужую
За однимъ лишь барышемъ
Кто бѣжитъ? . . что толку въ немъ?
Ужъ плохіе эти братья,
Ихъ Іудины объятья!
Деньги бары къ нимъ везутъ,

Деньги сами здѣсь сосутъ,
И живутъ какъ бары пышно.
Въ благодарность только слышно
Все мерещится имъ кнутъ,
А народъ зовутъ рабами
И безчестными плутами.
Честенъ нѣмецъ въ мелочахъ,
Только царство ихъ въ бѣдахъ
Вѣкъ Россія выручала,
Чтожъ? . . своихъ сыновъ что-ль мало
У отечествъ славныхъ ихъ?
Нѣтъ, не мало, коль отъ нихъ
Намъ, и дома мы, а тѣсно;
Отчего-жъ имъ неизвѣстна
Плутовская наша честь,
Рабская—все въ жертву несть,
Чтобъ спасти страну родную?..
Съ честью ихъ забравши сбрую,
Деньги, трубку и кисетъ,
Всякій тамъ бѣжитъ отъ бѣдъ,
Чтобы какъ въ тревогѣ шумной
Свой титулъ благоразумный
Разорясь не запятнать,
Чтобъ у насъ имъ щеголять.
Чести онъ у нихъ замѣна;
Нипочемъ для нихъ измѣна!
Такъ отъ нихъ нельзя и ждать,
Чтобы должное воздать
Безкорыстной чести ратныхъ,
Это чуждо душъ развратныхъ.
Но корысть: что хочешь ври,
А посмотришь, всѣ цари
И у насъ и въ цѣломъ мірѣ
Отчего всегда въ мундирѣ?
Знать въ мундирѣ что-то есть,
Что ему такая честь!

Слухи жъ ходятъ объ невѣстѣ
Таковы, что ей не къ чести,
Да она, быть можетъ, тутъ
Какъ ни въ чемъ . . . вѣдь это плутъ
Распустилъ все Куроввоновъ
Подпоручикъ . . . . ну его!
Я вѣдь тоже изъ Бурбоновъ.
У него вѣдь ничего
Нѣтъ святого,—хвастунишка,
Пустомелишка, мотышка;
Хуже нѣтъ въ полку у насъ;
А посмотришь, какъ подъ-часъ
Носъ подыметъ, глазки съузитъ,
Зафидонитъ, зафранцузитъ
И съ презрѣніемъ на свѣтъ
Въ свой расколотый лорнетъ
По верхамъ глядитъ! . . О! я бы
Вышколилъ его, когда бы
Въ мой попался батальонъ:
Надежурился бы онъ...
Сокомъ бы Бурбонъ достался,
Ни къ чему бы придирался.
Младшаго легко прижать
И всегда остаться праву,
Въ каждомъ что нибудь сыскать
Можно, что не по уставу;
Ну хоть пуговица будь
На бокъ нумеромъ чуть-чуть
И довольно. Сбилъ бы съ тона,
Я бы далъ ему Бурбона,
Дурь бы въ немъ поунялась.
Вотъ что сбредилъ . . . будто разъ
Сваха вдругъ къ нему явилась,
Увѣряя, что въ него
До безумія влюбилась
Дочь Кулькова, и его
Было свахи порученье
Звать къ обѣднѣ въ воскресенье
И обѣщанъ милліонъ.
Будто бъ и поѣхалъ онъ,
Да взглянулъ! . . . ряба, въ веснушкахъ,
Да въ такихъ какъ будто въ мушкахъ,
Носа, глазъ не разберешь,
И какъ двадцать пять одеждъ,
Двадцать пять и всѣ на ватѣ,
Вотъ какая въ перехватѣ...
Руки! . . плеча! но, скрѣпясь,
Будто онъ на этотъ разъ
Подмигнулъ ей для потѣхи.
Сваха видитъ: есть успѣхи
И съ зарей къ нему опять,
Тащитъ въ домъ ужъ представлять.
Будто бы онъ у Кульковыхъ
И что тьму достоинствъ новыхъ
Тамъ онъ въ дочкѣ ихъ открылъ.
То есть, что бы ни спросилъ
И аза въ глаза не знаетъ,
Книгу въ руки забираетъ
Вверхъ ногами, какъ подашь,
И по всякой «Отче нашъ»,
Богородицу читаетъ
По складамъ, не жди конца.
Кличетъ «тятенькой» отца,
Словомъ, словомъ просто дура,
На невѣстъ каррикатура...
Будто онъ поклонъ и вонъ,
Не смотря на милліонъ.
Видишь, партіей такою
Онъ разсорился бъ съ роднею,
Что родные всѣ князья,
Говоритъ: и «самъ то я
«Былъ пажемъ, и по талантамъ
«И ученью первымъ былъ
«Вѣрно бъ въ гвардіи служилъ,
«Былъ бы флигель-адъютантомъ,
«Еслибъ ротный командиръ
«Не придрался. И мундиръ
«Былъ ужъ сшитъ преображенскій –
«Мужичина деревенскій!...
«Самъ курилъ, а намъ курить
«Вздумалъ строго запретить,
«Ну, конечно, нагрубили—
«Мы почти ужъ сами были
«Офицеры!» и затѣмъ
Имъ надѣли лямки всѣмъ
И въ полку намъ безъ того бы
Не видать его особы.
И давно бъ онъ вышелъ вонъ,
Да въ полку хорошій тонъ
Безъ него пиши пропало!...
Насъ ему, вишь, жалко стало,
Да полковница при томъ,
Что она всегда по немъ,
Чуть его въ гостинной нѣтъ,
Съ муженькомъ постылъ ей свѣтъ,
А иначе почему жъ
Такъ къ нему придирчивъ мужъ?
Службу онъ вѣдь твердо знаетъ
И полковникъ распекаетъ
За жену—не за уставъ,
А что онъ всегда былъ правъ,
Не смотря что разъ въ недѣлю
Вѣрно онъ свою постелю
На гауптвахту посылалъ,
Словомъ, столько онъ болталъ,
Лгалъ по поводу Кульковыхъ,
Столько фразъ про нихъ суровыхъ
Въ полкъ изволилъ распустить
И за тѣмъ все, чтобъ отбить
И другихъ, кому жениться
Вдругъ охота разгорится,
Чтобъ попавъ въ Кулькова домъ,
Не развѣдали объ немъ
И конечно бъ осмѣяли,
Какъ узнали бъ о скандалѣ
Съ каковымъ его Кульковъ
Самъ прогналъ. А отъ долговъ,
Какъ мундиръ ужъ былъ въ закладѣ,
Какъ пришлось ужъ Христа ради
Занимать у деньщиковъ.
Какъ за все ужъ онъ хватался
И къ Кульковымъ подбирался,
Отъ чего жъ и бредилъ онъ,
Что какой-то милліонъ
Скоро гдѣ то онъ достанетъ,
Всѣхъ купать въ шампанскомъ станетъ.
Бредилъ мѣсяцъ или два,
Знать, надѣялся сперва
И тогда про домъ Кулькова
Никому въ полку ни слова,
А напротивъ иногда
Говорилъ: что не бѣда
Человѣку борода:
И за что жъ ее поносятъ?
Вѣдь ее французы-жъ носятъ
И что въ царствѣ, наконецъ,
Дѣло первое купецъ.
Будь вѣкъ миръ—солдатъ не нуженъ,
Честенъ людъ—судья досуженъ,
Судьѣ некого судить,
А солдату также бить,
А покушать всякъ попроситъ
И одежду тоже носитъ.
Гдѣ же взять все? . . . у купца!
Видно, видно шельмеца...
Такъ Кулькова—пусть красою
И не славится большою,
Да въ красѣ и толку нѣтъ!
Будь теперь хоть маковъ цвѣтъ,
Будь она хоть розанъ—все же
Будетъ вѣрно въ сорокъ лѣтъ
На ровесницъ всѣхъ похожа.
Кто тогда ихъ разбирать
Станетъ голову ломать,
Кто тогда была какая
Иль кривая, иль косая,
Всѣ равны, а той лишь честь,
У которой деньги есть.
У какой попить, поѣсть
Можно вкусно, той и честь.
Гдѣ обѣдъ хорошъ и вины,
Гдѣ на славу въ имянины,
Пиръ на праздникахъ даютъ,
Всѣ туда съ поклономъ льнутъ,
Всѣ покушать даромъ падки,
Да къ тому-жъ коль блюда сладки,
Такъ, посмотришь, не одинъ
Тамъ хлѣбаетъ господинъ,
Позабывъ породу, чинъ.
Тамъ забылъ про вдохновенье,
Примирясь съ толпой, поэтъ
И кого, кого тамъ нѣтъ—
Штука важная обѣдъ!
И спроси изъ насъ любого,
Хоть профессора иного
Про хозяйку, что умна-ль?
Что любезна-ль? что ловка-ль?
Да подобной нѣтъ, всѣ скажутъ,
Сласти всѣмъ языкъ подмажутъ,
И про насъ заговорятъ,
Что такіе есть ли врядъ.

(Маіоръ зоветъ деньщика)
Сидоръ, Сидоръ, спишь? живѣе
Поликарповну скорѣе,
Ну что свахою слыветъ,
Знаешь, гдѣ она живетъ?...
Отыщи ее, гдѣ хочешь.
Ты не даромъ похлопочешь;
Да смотри, не будь глупцомъ,
Баба станетъ обо всемъ,
Объ житьѣ-бытьѣ моемъ
У тебя освѣдомляться,
Такъ прошу ей не поддаться....
Первое, что спроситъ—чинъ?
Отвѣчай, что господинъ
Твой—маіоръ еще покуда,
Но чрезъ годъ онъ худо-худо
Будетъ полный генералъ,
Побожись, что не совралъ,
Бабѣ только побожиться,
Да съ божбой перекреститься,
Все за чистое сойдетъ.
Объ достаткѣ рѣчь зайдетъ,
Не проврись про кухню нашу,
Что ѣдимъ вѣкъ щи да кашу,
А скажи: на дняхъ умретъ
Барской дядя пребогатый.
Что огромныя палаты,
Что заводовъ, деревень,
Что чего не счесть и въ день,
Всѣмъ, чѣмъ заживо онъ правитъ,
То молъ все ему оставитъ,
Что наслѣдникъ, молъ, одинъ
У него мой господинъ.
Что, молъ, добръ, солдатъ какъ учитъ—
Онъ не бьетъ ихъ и не мучитъ,
Что и самъ, молъ, я пока
Въ жизнь не слышалъ «дурака».
Хоть подъ лѣвымъ глазомъ сине
У тебя, да самъ, разиня,
Напросился на кулакъ—
Ты сапогъ мнѣ подалъ какъ?
Ну ужъ съ этимъ разомъ баста,
Помиримся. Только глазъ-то
Чѣмъ нибудь затри, закрась,
Въ лазаретъ зайди. На мазь
Въ счетъ поставь пятиалтынникъ,
Да и весь ты точно блинникъ.
Весь засаленъ, весь въ дырахъ.
Это въ счетъ идетъ у свахъ.
Гдѣ-бъ достать все по-новѣе?
У кого-то есть ливрея?
У женатыхъ попроси,
Вотъ записку отнеси.
Кстати, помни, подстригися,
Вишь какъ пудель! . . . и явися
Къ свахѣ, будто на парадъ.
Еще тутъ важнѣе, братъ,
Надо лгать, а такъ ведется,
Что смѣлѣе франтамъ врется,
И скорѣе вѣрятъ . . . Да,

Сколько хочешь лги тогда!...
Что, молъ, просто баринъ славный,
А ужъ къ службѣ? . . охъ, исправный!..
Чуть про службу споръ и толкъ,
Самъ полковникъ, цѣлый полкъ,
Смотришь, прутъ къ намъ за совѣтомъ.
Баринъ, молъ, тамъ первый въ этомъ,
И, молъ, диво ли когда
Въ ротъ хмѣльнаго никогда.
Даже трубки онъ не куритъ,
Картъ и въ руки не беретъ,
А гостей коль соберетъ
Съ ними только балагуритъ,
Да и то коли когда
Чуть объ дѣвушкахъ нескромно
Молодежь заври . . . бѣда.....
Для него и то скоромно.
Въ обхожденьи ласковъ. простъ,
Аккуратно держитъ постъ,
Не бывалъ ни раза боленъ,
Какъ бываютъ иногда
Всѣ другіе господа.
Бѣдныхъ любитъ, богомоленъ
И что имъ и царь доволенъ!
И что, кажется, его,
Господина моего,
Онъ къ себѣ въ министры прочитъ,
Это цѣлой полкъ пророчитъ!...
И лукавая одна
Пребогатая княжна
Къ намъ ужъ сваху засылаетъ:
Вишь, ужасно влюблена
Въ барина. Да пусть страдаетъ!...
Баринъ свисни . . . . такъ княженъ
Налетитъ со всѣхъ сторонъ—
Выбирай себѣ любую.
Да не хочетъ. Нѣтъ, ужъ онъ
Выбралъ сердцу дорогую.
Съ годъ, молъ, день и ночь ему
Все вертится на уму
Дочь какого-то Кулькова
(Можетъ быть, и нѣтъ такого)
А межъ тѣмъ: Кульковъ! Кульковъ!
Затверди ты это слово.
Тутъ вѣдь нѣтъ нѣмецкихъ словъ
Трудныхъ такъ для деньщиковъ,
Помни про кулекъ! . . не сбейся,
Будешь говорить—не смѣйся!..
Побожись, что по ночамъ
Бредъ мой часто слышишь самъ,
Вдругъ, молъ, вскрикнетъ: «о Кулькова!
«О мой ангелъ! другъ!». И снова
Прихрапнетъ, потомъ опять,
Да вѣдь за ночь то разъ пять!
Какъ въ горячкѣ утромъ встанетъ,
Такъ, глядишь, на немъ лица нѣтъ!
Просто страхъ меня беретъ.
Такъ и жди—съ ума сойдетъ.
Не потеря спать! . . пожалуй,
У кого умишка малый,
А вѣдь баринъ по уму
Не спустилъ бы никому...
Да чего, преосвященный,
Разъ пріѣхавши къ нему,
Говоритъ: «хоть ты военный,
«А ужъ друга не оставь,
«Ты мнѣ проповѣдь поправь!»,
Онъ вѣдь съ нимъ на ты почтенный,
Вотъ такъ просто, какъ друзья,
Значитъ умъ! . . . а нынче я
За него весьма боюсь,
И тебѣ ужъ поклонюсь
Въ ножки, добрая моя,
Ты судьбой людскою мечешь,
Холостую скуку лечишь
И безденежья недугъ
Лечишь ты, такъ будь намъ другъ,
Припаси и намъ лекарства,
Сбереги подпору царства!
Понялъ, Сидоръ? ну, смотри,
Бабѣ ты очки вотри,
Ты, я знаю, какъ захочешь,
Такъ на шею черту вскочишь,
Ты, я знаю, братъ, не глупъ...
Напримѣръ: откуда супъ
Съ курицей у насъ являлся?
Я тогда ужъ притворялся,
Мало ѣлъ вѣдь, денегъ я
Не давалъ . . . казна моя
Чуть станетъ на щи да на кашу.
Помнишь, какъ-то простоквашу,
Какъ-то жареный пѣтухъ,
А въ моихъ подушкахъ пухъ?..
Что нашелъ?.. нашелъ, ну, ладно,
Ты всегда соврешь прескладно.
Такъ поди-жъ, похлопочи,
Тутъ вѣдь есть магарычи.
Какъ женюсь, разбогатѣю,
И тебя, братецъ, пригрѣю
И наградою заслугъ
Ужъ не старый архалукъ,
Какъ теперь; тогда придется,
Какъ у важныхъ баръ ведется,
Въ галунахъ ливрею сшить,
Въ аксельбанты нарядить,
Голодъ нынѣшній забудешь.
У меня ты просто будешь
Цѣлымъ домомъ заправлять,
Да другими понукать
Да прикрикивать и только.
Любо—хлопочи-жъ, изволь-ка!..

б) Объясненіе картины *).

Честные господа!
Сюда, сюда
Милости просимъ,
Даромъ смотри.
Только хорошенько очки протри,
Начинается, почитается.
О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
Какъ иные на чужой счетъ жуютъ.
Сами работать лѣнятся
Такъ на богатыхъ женятся.
Вотъ извольте посмотрѣть,
Вотъ купеческій домъ,
Всего вдоволь въ немъ,
Только толку нѣтъ ни въ чемъ,
Одно пахнетъ деревней,
А другое харчевней.
Тутъ за то одинъ толкъ,
Что все взято не въ долгъ,
Какъ у васъ иногда,
Честные господа.
Вотъ извольте посмотрѣть,
Самъ хозяинъ купецъ,
Денегъ полонъ ларецъ,
Есть что пить, есть что ѣсть,
Ужъ чего-жъ бы еще?
Да взманила вишь честь.
Не хочу брать зятей съ бородами,
И своя борода
Мнѣ лихая бѣда.
На улицѣ всякой толкнетъ,
А чуть-чуть подъ хмѣльномъ
Да пойди-ка пѣшкомъ,
Глядь, очутишься въ будкѣ,
Да улицу прометешь сутки,
А въ густыхъ будь-ка зять,
Не посмѣютъ насъ взять,
Мнѣ по крайности дай хоть майора,
Безъ того никому не отдамъ свою дочь.
А женихъ тутъ-какъ-тутъ и по чину точь-въ-точь.
Вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ жениха-майора ждутъ,
Кулебяку несутъ
И заморскія вина первѣйшихъ сортовъ,
А вотъ и самое панское,
Сирѣчь шампанское
На подносѣ на стулѣ стоитъ.
Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ порядкѣ цѣлый домъ,
Все съ иголочки въ немъ;
Только хозяйка купца
Не носила, знать, на головѣ чепца:
По старинному въ ситцевомъ платочкѣ,
Остальной же нарядъ
У француженки взятъ
Лишь вечоръ для нея и для дочки.
Дочка въ жизнь первый разъ,
Какъ барышней у насъ,
Ни простуды не боясь,
Ни мужчинъ не стыдясь,
Кажетъ все на показъ.
Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ лѣвомъ углу старуха,
Тугая на ухо,
Беззубый ротъ,
Къ сидѣльцу пристаетъ
Для чего, дескать, столько бутылокъ несетъ
Въ домъ сей, да всего,
Все скажи ей, отъ чего?
Для чего? кто идетъ?
Любопытный народъ!
Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ справа отставная деревенская пряха,
Панкратьевна сваха,
Безсовѣстная привираха,
Въ парчевомъ шугаѣ,
Толстая складомъ,
Идетъ съ докладомъ:
Что, дескать, женихъ изволитъ пожаловать
И вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ хозяинъ купецъ,
Невѣстинъ отецъ,
Не сладитъ съ сюртукомъ.
Онъ знакомъ съ армякомъ,
Какъ онъ бьется, пыхтитъ,
Застегнуться спѣшитъ,
На распашку принять неучтиво.
Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ и наша невѣста
Не найдетъ сдуру мѣста:
Мужчина чужой!
Ай срамъ-то какой!
Ай срамъ-то какой!
Никогда съ нимъ я не бывала,
Какъ и придетъ бывало,
Мать тотчасъ на ушко:
Тебѣ, дѣвушка, здѣсь не пристало.
Вѣдь въ свѣтелкѣ своей я высокой
Прожила, проспала одинокой!
Кружева лишь плела
Къ полотенцамъ,
И всѣ въ домѣ меня чтутъ младенцемъ.
Гость замолвитъ чай рѣчь,
Ай, ай, ай стыдъ какой,
А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ,
Шарфъ сквозистый такой,
Все на-сквозь, на-показъ,
Что мужской любитъ глазъ,
Нѣтъ, въ свѣтлицу уйду.
Вотъ извольте посмотрѣть.
Какъ наша птичка собирается улетѣть.
А умная мать
За платье хвать,
Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ другой горницѣ
Грозитъ ястребъ горлицѣ.
Какъ майоръ толстый, бравый,
Карманъ дырявый,
Крутитъ свой усъ.
Я, дескать, до денежекъ доберусь!
Вотъ извольте посмотрѣть,
Разныя висятъ по стѣнамъ картины,
Начнемъ съ середины,
Посрединѣ виситъ
Высокопреосвященный митрополитъ.
Хозяинъ православный
Христіанскую добродѣтель въ немъ чтитъ,
Налѣво Угрѣшская обитель,
И въ облацѣхъ надъ нею Спаситель.
Православные, извольте перекреститься,
А нѣмцы святынѣ нашей не чужиться.

*) При нашемъ автотипическомъ воспроизведеніи картины «Сватовство маіора» помѣщено риѳмованное объясненіе ея по иному списку, который напечатанъ А. И. Сомовымъ въ его брошюрѣ «П. А. Ѳедотовъ», 1878. Это объясненіе самъ Ѳедотовъ называлъ «раєцѣю».

Совѣты и разсказы инвалида. *)

I.

Молиться Богу, правдой жить,
Царя, отечество любить,
Вотъ Русскаго родное дѣло;
Тогда надѣйся всякій смѣло,
Добро отъ всюду къ намъ пойдетъ,
Порукой въ томъ моя къ вамъ дружба.
Мольба за Господомъ, за Государемъ служба
Не пропадетъ!

II.

И мы, родимые, любили...
Повѣрьте, братцы, старику,
Что не лежали на боку,
А правдой маткою служили.
Я вамъ теперь перескажу
Про наши прежніе походы,
Какъ протурили мы народы,
Зашедшіе къ намъ за межу.

III.

Я въ юности моей служилъ,
А вотъ и юность миновала.
А ужъ работали бывало,
Когда французъ къ намъ приходилъ
И положить хотѣлъ насъ силой,
Хотѣлъ забрать всѣ города...
Угомонили ихъ тогда
И угостили всѣхъ могилой.

IV.

Зимой, въ двѣнадцатомъ году,
По тракту къ Вильнѣ шелъ нашъ полкъ.
Веселье, пѣсни, разный толкъ,
А горя не было въ виду
И скоро мы въ Литву пришли.
Стояли мѣсяцъ по квартерамъ
И жили тамъ лихимъ манеромъ;
Потомъ и къ Вильнѣ подошли
И разгулялися подъ Вильной,
Стоянка хоть куда была.
Гуляли такъ,—изъ прохвала.
Да что за городъ изобильной
И рѣчь моя къ тому идетъ,
Что жили тамъ мы на просторѣ,
Вся гвардія была тутъ въ сборѣ,
Жиды забыли свой завѣтъ
И торговать пустились всюду.
Купить ли что?—или для шутки
Потѣшиться—въ цимбалы, въ дудки,
Притащишь фактора Іуду,
Да показалъ ему дукатъ,
Все будетъ!—а въ разгульный часъ
Мигнешь ему!—ужъ и у насъ;
Еврей на всѣ проказы хватъ.
Да мы не долго тамъ стояли
И жили вовсе безъ хлопотъ,
Какъ маршъ назадъ опять въ походъ
И къ Свенцянамъ насъ послали.
Безъ пѣсенъ шли;—у всѣхъ тоска
Сердца крушила ретивыя,
Ни командиръ, ни рядовые
Не ѣли съ горя ни куска.
Никто не зналъ, что?—для чего?
Мы шли назадъ, безъ остановки,
Какъ вотъ донецъ съ командировки...
Бѣду узнали отъ него:

V.

«По Нѣману, вдоль береговъ
«Все изъ удалыхъ казаковъ
«И тамъ границу наблюдали,
«Какъ вдругъ на лѣвомъ берегу рѣки
«Послышали мы конской топотъ,
«Тогда вездѣ въ Литвѣ былъ шопотъ:
«Съ французомъ идутъ поляки.
«И Нѣманъ, русская граница,
«Заколыхалъ отъ тьмы людей,
«Вѣдь угораздилъ ихъ злодѣй.
«Отъ запада пришла станица
«И тучей стала надъ рѣкой.
«Облиты золотомъ всѣ бропи,
«Подъ всадникомъ лихіе кони
«Такъ и рвалися въ жаркій бой,
«Пѣхота также—тамъ въ парадѣ...
«На переправу всѣ пошли,
«Тѣ по мостамъ, тѣ бродъ нашли,
«Самъ Бонапартъ, въ простомъ нарядѣ,
«Скрестивши руки, на горѣ,
«Во всѣ концы, стоитъ и шлетъ повелѣнье
«Переходить безъ замедленья,
«За Нѣманъ.—и придти къ порѣ.
«Взошли въ Литву; и разразились
«Вездѣ рѣзня, пожаръ и стонъ,
«Умолкнулъ колокольный звонъ,
«Въ церквахъ ужъ больше не молились.
«Вотъ я скачу отъ атамана,
«Ему о томъ лишь разсказалъ,
«А непріятель Вильну бралъ;
«Я не успѣлъ, своего аркана
«Съ петлей раскинуть не пришлось,
«За разъ былъ посланъ въ полкъ гонцомъ,
«Чтобы резервъ нашъ молодцомъ
«Со всѣхъ сторонъ тревожилъ ихъ;
«Ахъ, горько, братцы, было намъ
«Идти назадъ,—да и признаться
«Кому охота поддаваться
«И города сдавать врагамъ».
Казакъ вздохнулъ и прослезился,
Утеръ слезу, коня стегнулъ,
Къ лукѣ пригнулся и махнулъ,
Лишь пыль столбомъ отъ насъ пустилась.

VI.

Сердца всѣ русскія горѣли
Любовью къ родинѣ, къ Царю
И ко святому алтарю.
Когда враги къ намъ налетѣли,
Друзей Кутузовъ заманилъ
Въ Москву, и сталъ ихъ сторожить,
Имъ плоховато было жить,
И горькой часъ ихъ прозвонилъ.
Пришли къ намъ тоже на подмогу,
Снѣгами занесло дорогу,
А гости жили въ Москвѣ дома,
Ни пить, ни ѣсть и не согрѣться,
Кто вышелъ изъ Москвы, пропалъ,
А холодъ крѣпко пробиралъ
И нечѣмъ было пріодѣться.
И вотъ голодный и нагой
Вонъ изъ Москвы,—незванный въ гости
Отъ насъ стрѣчка, глодавши кости
И безъ оглядки дралъ домой,
Тутъ непогода ихъ застала:
Въ погоню вьюга, мы, морозъ,
Отбили весь у нихъ обозъ.
Сердечнаго ажъ жаль ужъ стало,
Да что же дѣлать?—видно Богъ
Гналъ беззаконника за дѣло,
Вѣдь храмы Божьи грабилъ смѣло,
Гдѣ былъ, все рушилъ и все жегъ.
А ужъ какими молодцами
Они пожаловали къ намъ.
Нѣтъ счету пушкамъ, знаменамъ,
Вернулась горсть ихъ, мертвецами.
Иные отъ своихъ отстали,
Бродили по лѣсу, въ поляхъ,
Въ пусхтыъ набилися избахъ,
Какъ тараканы на вѣки замерзали.
Другіе въ немощи, безъ ногъ,
Вокругъ потухнувшихъ огней
По нѣскольку лежали дней,
Послѣдній испускали вздохъ.
А остальной весь ералашъ
Кто за Березину уплелъ,
Едва живой въ разбродѣ брелъ
И въ Вильну правилъ на шабашъ,
Да ихъ и тамъ подстерегали,
Туда махнули казаки,
Заковыряли всѣхъ съ руки,
Да по порядку проводили.
Всѣ налегкѣ и безъ сапогъ
За Нѣманъ въ рубищахъ спѣшатъ
И во свояси такъ летятъ,
Что не видать ихъ пятокъ ногъ
И слово Царское святое
Сбылось!—исчезъ Наполеонъ,
Врагъ изгнанъ, мертвъ и полоненъ.
И Русь родимая въ покоѣ,
Мечъ во влагалище вложенъ
И Бога стали мы молить,
За милости благодарить
Всѣ съ преклоненіемъ колѣнъ.
Въ Руси пословицы всѣ правы:
Синица за моремъ была,
Чтобъ море сжечь, да не зажгла,
Надѣлала лишь только славы!
Такъ кончили и тѣ народы,
Что насъ хотѣли побѣждать,
Да грѣхъ теперь и осуждать,
Давно тѣ миновали годы.
Самъ Царь простилъ ихъ, бѣдняковъ.
Что-жъ надъ лежачимъ издѣваться?
Охоты сбили въ Русь шататься;
Попробуй-ка приди кто вновь!
Прости имъ, Боже! грѣхъ великъ!
Творили сами, что не знали,
Свой столпъ ужъ до небесъ подняли,
Смѣшенье было всѣхъ языкъ.

VII.

А вотъ и мы, предъ ихъ столицей
Пришли, въ Парижѣ суета . . .
Намъ отворили ворота
И знамя тамъ съ двуглавой птицей.
Французы встрѣчу намъ бѣгутъ
И машутъ бѣлыми платками,
Гурьбою въ городъ между нами
Всѣ развеселые идутъ.
А русскій Царь, между царями
Какъ Ангелъ,—миръ всѣмъ провѣщалъ,
Какъ Богъ, враговъ своихъ прощалъ
И побѣжденныхъ звалъ друзьями,
Всѣ Александра обступаютъ,
Цѣлуютъ ноги и кричатъ
Въ восторгѣ радости «виватъ»!
И слезы счастія блистаютъ.
Глядимъ,—платокъ Царь уронилъ
И въ мигъ въ кусочки изорвали:
«На память намъ»! всѣ закричали.
Кусокъ платка кто захватилъ,
На память дѣтямъ, нашъ отецъ,
Ты нашъ отецъ?—и Богъ свидѣтель
Ты для французовъ благодѣтель,
Ты счастью нашему вѣнецъ,
Владѣй ты нашими сердцами.
Ты милостью ихъ покорилъ,
Ты радостью насъ озарилъ!
Живи у насъ!—останься съ нами!!!—
Вотъ какъ французы принимали
Въ Парижѣ русскаго Царя.
Глядѣли, мы,—не говоря
И отъ восторга всѣ рыдали.

VIII.

Да ужъ и важно погуляли
Съ французомъ наши той порой.
На всѣхъ квартирахъ пиръ горой,
Чего ни спросишь, все давали!
Да и языкъ ихъ бусурманскій
Всѣ наши поняли какъ разъ..
Гуторя съ милыми подъ часъ,
Стрѣлки мѣшали свой славянскій!
Но про Москву мы ни гугу,
У насъ пословица законъ:
Вспомянешь старое—глазъ вонъ!
Зачѣмъ же другу, не врагу
О горѣ ихъ напоминать,
Они и сами говорятъ,
Что понапрасну къ намъ ходили,
И безпрестанно всѣмъ твердятъ,
Что съ Русью плохо воевать.

IX.

Фельдъ-маршъ ребята!—и въ походъ
За плечи ранецъ.—Зашагали.
Съ квартиръ хозяйки провожали,
До нельзя шли за переходъ
И шли всѣ весело гулять,
Какъ словно праздничной порой.
Морями приплыли домой.

---

*) Это стихотвореніе впервые напечатано было въ «Исторіи л.-гв. Финл. полка» (1881 г.).

Тутъ Питеръ встрѣтилъ насъ родной,
Ура! всѣмъ намъ провозглашали
Родные, братья, жены, другъ,—
Всѣ обнимаютъ, всѣ цѣлуютъ
О всемъ разпросы, всѣ толкуютъ,
Слилося все въ семейный кругъ—
Веселье, радость, да какія?
Все повернулося вверхъ дномъ
И все разсказы объ одномъ,
Что жизнь была намъ разлихая.
И вотъ разсказы всѣ съ концомъ.
Мы одолѣли супостата,
Хоть по шести пришло на брата,
Да не хватили въ грязь лицомъ.
Всему на свѣтѣ есть конецъ.
Порѣшена съ врагомъ расправа,
Войнѣ конецъ, Царю же слава
И Царству русскому вѣнецъ!

X.

Знай нашу, братцы, старину!
Да вы и сами не робѣли,
У васъ былъ турокъ въ передѣлѣ,
На диво кончили войну.
Какъ громъ, вы грянули за моремъ
Въ виду у нашего Царя
И ваша славная заря
Луну султанскую затмила.
А грозный, славный день Варшавы!
Въ день памятный Бородина (*)
Варшава вновь покорена
И вы, орлы россійской славы,
На стѣны вихрями взлетѣли,
Все отработали съ руки

*) 26-го августа штурмомъ взята Варшава и 26-го Бородинское сраженіе.

И дома земляки шумѣли
И по квартирамъ разошлись.
Теперь живемъ въ артели братской
Да знай, ребята, вѣдь они
Намъ были издавна сродни
И всѣ по крови родъ славянской.
А вотъ поди-ка, все дѣла!
Да что про старое твердить,
Дай Богъ всегда намъ ладно жить,
Намъ лишь бы родина цвѣла.
А за нее горой стоять
Когда завяжется гдѣ дѣло
Иди впередъ, сражайся смѣло,
Штыками больше работать.
Врагамъ хоть пуля и злодѣйка,
Но штыкъ вѣрнѣй противъ врага,
Смерть отъ него лишь два шага,
А за Царя намъ жизнь копѣйка!

Стихотвореніе въ альбомъ.

Когда-бы вы знали, какъ давно
Я проклялъ всѣ альбомы,—но...
Нѣтъ правила безъ исключенья!
Для всѣхъ писать, ей-ей, мученье!
Альбомовъ столько въ свѣтѣ есть;
Пиши повсюду лесть да лесть,
Какъ въ баснѣ—мальчикъ все про волка,
Кричалъ, пугая, всѣхъ безъ толка,
Когда и не было волковъ;
И, пріучивши пастуховъ,
Когда, и вправду, волкъ явился,
На правый крикъ не шевелился
Никто. Всѣ думали: шалишь!
Вотъ такъ, коль безъ толку соришь
Всѣмъ безъ разбора комплименты
И на богинь даешь патенты—
Любезно—нечего сказать!..
Но чѣмъ же той-то знакъ подать,
Кому душа сама писала
И все казалося, что мало?
Она пойметъ ли тотъ привѣтъ?
Не скажетъ ли: «да онъ весь свѣтъ
До неба такъ же превозноситъ...»
Прочтетъ и равнодушно броситъ.
Уже-ль поэта чудный даръ,
Какъ въ лавкѣ мелочной товаръ?
Гдѣ откроютъ, кому угодно,
Безъ отговорокъ, если сходно,
Отъ вещи дорогой—на грошъ?
Ужель поэтъ, какъ швецъ одёжъ,
Всегда, когда богатъ досугомъ,
Радъ съ мѣркой быть для всѣхъ къ услугамъ,
Съ корыстной жаждою нажить,
Заказчикамъ лукаво льстить,
Своею выкройкой и ватой,
Кривымъ бокамъ, спинѣ горбатой,
И Аполлономъ дѣлать всѣхъ!
Нѣтъ! нѣтъ! тому вѣдь это грѣхъ,
Кто хочетъ быть въ душѣ поэтомъ,
(Пускай грѣха не видитъ въ этомъ
Перо, что чинитъ журналистъ,
А за мое, пока, я чистъ).
Но отчего же вамъ пишу я,
Противъ альбомовъ такъ бушуя?
Вы не дивитесь—я чудакъ,
Артистъ, дикарь, простакъ—и такъ,
Я, признаюся, тоже грѣшникъ
Для свѣта сдѣлался потѣшникъ
Иль, какъ по вашему,—поэтъ,
Художникъ (странно изъ кадетъ,
Изъ фронтоваго офицера,
Какого не было примѣра
И это, право, не секретъ;
Про это знаетъ цѣлый свѣтъ,
Нашъ общій добрый кругъ знакомыхъ...
Спросите сами вы о томъ ихъ
И всѣ отвѣтятъ вамъ—на комъ,
На первомъ имени какомъ,
Я научился вдохновляться,
Душой стремиться, развиваться!—
То имя—Катенька—ей, ей;
За весь успѣхъ обязанъ ей.
А вы при имени, при этомъ,
Къ тому-жъ любимы цѣлымъ свѣтомъ;
Кого ни спросишь—всѣ за васъ,
За душу, сердце,—мой же глазъ
И вкусъ на-дняхъ не сами вы-ли
Чистосердечно такъ хвалили.
Такъ мнѣ-ли отъ другихъ отстать?
Хоть этимъ должно бы начать,
А началъ я воспоминаньемъ—
Сердечно траурнымъ преданьемъ;
Но не ревнуйте. Вашу честь,
Коль съ тою на вѣсы укласть,
Кто знаетъ—что-бъ перетянуло?
Иль что въ цвѣту? иль что минуло?
Всему свое!... Луна блеститъ,
Хотя заимствованнымъ свѣтомъ
Отъ солнца. Правда-ли? объ этомъ
Лишь математики твердятъ,
Очки да старички—но врядъ,
Любому сердцу не отвѣтитъ,
Ктому-жъ луна не ярче-ль свѣтитъ,
Чѣмъ солнце, любящимъ сердцамъ
И поэтическимъ мечтамъ,
Въ гульбѣ, по лабиринтамъ темнымъ,
Своимъ сіяньемъ нѣжно томнымъ
Въ полетѣ крыльевъ не спалитъ,
И потому-то вамъ пишу я,
Противъ альбомовъ самъ, бушуя,
Не удивляйтесь—я чудакъ!...

Басни П. А. Өедотова.

Пчела и цвѣтокъ.

Гуляя по свѣту. конечно, за медкомъ,
Пчела влетѣла въ домъ
Затѣмъ. что тамъ, въ окнѣ одномъ,
Она замѣтила горшочки
И въ тѣхъ горшкахъ цвѣточки.
Ну, какъ не залетѣть?
Гдѣ до любимаго коснется,
Не только-что пчеламъ, да и людямъ неймется
Любимое хоть въ щелку поглядѣть —
И то отрада.
А тутъ пчелѣ цвѣты — чего-жъ ей больше надо?
Къ тому-жъ людской, разборчивый и прихотливый родъ
Цвѣтовъ дурныхъ къ себѣ въ хоромы не беретъ,
А изъ отличныхъ все породъ:
Хоть и на взглядъ изъ нихъ иной не такъ пріятенъ,
Такъ ужъ, навѣрно, ароматенъ.
И, подлинно, пчела
Въ дому одинъ цвѣтокъ породистый нашла,
Да только не въ родню; онъ что-то росъ такъ бѣдно
И цвѣлъ такъ блѣдно,
Что было не на что взглянуть.
Пчела подумала: «попробую нюхнуть;
Авось утѣшусь ароматомъ,
Хоть тѣмъ попользуюсь въ дому богатомъ».
Но что же? и того
Не оказалось у него!
Пчелу раздуміе взяло:
«Земля, что-ль, подъ тобой, цвѣточекъ, отощала?»
Подумала она и внизъ сползла:
Земля хорошая была
И полита какъ надо!
Трудолюбивую пчелу взяла досада!
(Кто самъ трудолюбивъ,
Къ бездѣйствію другихъ ужасно щекотливъ—
Сейчасъ подумаетъ, что, вѣрно, тотъ лѣнивъ).
И. приписавъ все лѣни,
Пчела укоры, пени
На хилаго цвѣтка
Посыпала какъ изъ мѣшка:
«Уродъ!.. жужжитъ она, позоръ своей природы!..
Ты знаешь, какъ ее повсюду чтутъ народы?
А ты?..» Тогда цвѣтокъ уныло отвѣчалъ:
— Блаженъ, когда бы я объ этомъ и не зналъ!
Желаньемъ не томясь, и къ цѣли равнодушный,
Я, можетъ, лучше-бъ цвѣлъ и въ этой сферѣ душной!..
Окно на сѣверъ здѣсь, любезная, взгляни!..
Насупротивъ стѣна!.. и я всю жизнь... въ тѣни.
Въ тѣни! межъ тѣмъ, порой, изящества начало
Въ душѣ про сладкое, про что-то, мнѣ шептало,
И вмѣстѣ съ тѣмъ, увы! — Тогда-бъ казалось мнѣ,
Что что-то здѣсь въ моемъ окнѣ
Тотъ сладкій шопотъ заглушало!
Но я тогда еще былъ малъ,
Не ясно это понималъ
И росъ, какъ всѣ!.. Когда-жъ, съ явленьемъ почекъ,
Всѣ прокричали: вотъ цвѣточекъ!..
Тогда широкая молва
Души неясныя слова
Собой мнѣ пояснила;
Я понялъ, чѣмъ меня природа одарила,
Какой блестящій мнѣ дала удѣлъ!
За нимъ, достичь его, желаньемъ полетѣлъ;
Душа лишь средствъ къ развитію искала,
Но въ нихъ, увы! судьба мнѣ вовсе отказала!..
Я жажду солнца, но оно
Въ мое не жалуетъ окно!..
Желанья жаркія «желаньями» остались,
Отъ безнадежности лучи ихъ къ центру сжались,
И спертый жаръ во мнѣ. какъ ядъ, теперь палитъ.
И весь составъ мой пепелитъ!..
Такъ не дивись, пчела, что я цвѣту такъ вяло,
И не брани меня, не разобравъ, за лѣнь;
Ничтожности моей начало—
Тѣнь!»
Талантъ! проси, чтобъ счастья солнце
Въ твое оконце
Взглянуло иногда;
Иначе, какъ цвѣтку, въ тѣни тебѣ бѣда!..

Тѣнь и солнце.

Давно, когда-то отъ боговъ,
Не знаю, кажется, посредствомъ облаковъ,
Сообщено было на солнце отношенье:
«Что на него къ богамъ съ земли пришло прошенье,
Что будто бы оно
Не грѣетъ всѣхъ равно;
А солнце, кажется, на то и создано!
Что на землѣ цвѣтки иные не отъ лѣни
Цвѣсти не могутъ, а отъ тѣни:
Нельзя ли какъ нибудь исправить это зло?
И солнце разъ пятьсотъ прошло,
И со вниманіемъ со всѣхъ сторонъ глядѣло
Это дѣло,
Желая угодить богамъ;
Да только что въ бумагахъ тамъ
Одно изъ главныхъ словъ такое было слово.
Которое для солнца вовсе ново...
И солнце стало въ пень.
То слово было: тѣнь.
Ну, разумѣется, сейчасъ за лексикономъ
Академическимъ, и въ ономъ
Открывши со словомъ «Тѣнь» листокъ,
Понявши съ первыхъ строкъ
Намекъ
На недостатокъ свѣта,
Вскричало солнце: «Вздоръ все это»!..
Гоняя землю вѣкъ на кордѣ кувыркомъ,
Я знаю всю ее кругомъ
И въ жизнь не видѣло ни одного предмета,
Чтобъ свѣта не было на немъ!»
И вотъ лучи его съ полудня засвѣтили
И равнымъ свѣтомъ всѣ предметы озарили:
Все стало ясно и свѣтло!..
«Ну! Солнце говоритъ, отъ сердца отлегло!
А то и въ правду было-бъ стыдно,
Что если отъ меня кому нибудь обидно;

Что если бы уже и мой
На вещи взглядъ былъ не прямой!
И только съ добротой моею
Я не жалѣю,
Что опытъ дѣлаю, хотя по пустякамъ!
За то теперь ужъ явственно доказано богамъ,
Что это слово тѣнь лишь выдумка пустая
Для пополненья словарей!..»
И жалоба земная,
За недостаткомъ смысла въ ней,
Назадъ отправлена скорѣй.

Два цвѣтка.

(Къ задуманной Ѳедотовымъ картинѣ «Выпускъ институтки»).

Отъ разныхъ сѣмячекъ два равные цвѣтка
Весною, юные, изъ общаго горшка,
Въ разсадкѣ, участью разровнились своею.
Быть можетъ, случай виноватъ!
(Намъ слово «случай» просто кладъ!)
Одинъ попалъ въ куртину, въ садъ,
Другой—въ оранжерею.
Друзья, прощаясь, обнялись.
Головушки свои склонивъ уныло внизъ,
Другъ на друга росинку
Скатили, какъ слезинку.
И вотъ оранжерейному цвѣтокъ садовый говоритъ:
«Какую рокъ тебѣ сулитъ
Въ оранжереѣ злую долю—
Ты въ душную идешь неволю!
Какой тамъ воздухъ!
Нѣтъ, вотъ мнѣ,
На вольномъ воздухѣ совсѣмъ другое дѣло,
Посмотришь: бабочекъ красотокъ налетѣло,
Да и не бабочки однѣ...
Какъ будетъ весело мнѣ съ ними!..
Тебѣ-жъ такихъ утѣхъ, конечно, не видать.
Ты, правда, будешь въ холѣ,
И, по неволѣ,
Тебя заставятъ тамъ пышнѣе разцвѣтать.
Да натурально-ль это?
Къ чему же и весна и лѣто?
Ужели, чтобы ихъ въ затворѣ просидѣть?
Сквозь рамы грязныя на Божій міръ глядѣть...
Увы!
Запуганный неволею, смутился
Оранжерейный мой цвѣтокъ;
Но дѣлать нечего, унылый, въ уголокъ,
Въ оранжереѣ помѣстился,
А братъ его—въ своемъ, прославленномъ саду...
Посмотримъ, кто гдѣ—на бѣду?
Конечно, всѣмъ извѣстно:
Въ оранжереѣ душно, тѣсно,
Но только въ непогоды тамъ,
Цвѣткамъ,
Чудесно,
Тепло,
Свѣтло,
Кругомъ закрыто!
Чуть вѣтеръ съ сѣвера сердито
Подуй на садъ—
Въ саду цвѣтокъ ужъ недоволенъ;
Подуй еще—цвѣтокъ ужъ боленъ;
Ужъ пострадалъ его и блескъ, и ароматъ;
Но вотъ напалъ
Губитель шквалъ...
Въ теплицѣ только потемнѣло,
Да въ окна загудѣло,
А бѣдный садъ?
А бѣдный братъ?
Неопытный не зналъ тогда про непогоду,
Когда хвалилъ свою открытую свободу,
И отъ нея-жъ погибъ!
А незнакомый съ ней
Нашъ узникъ разцвѣталъ милѣй все да милѣй,
И такъ разцвѣлъ красиво,
Что просто диво!
Пошла о немъ молва и, наконецъ,
Земныхъ удачъ вѣнецъ,
Онъ даже взятъ былъ во дворецъ
И, счастливый вполнѣ своей судьбою,
Онъ помирился съ ней, забылъ свой тяжкій трудъ.
И, за терпѣнье, самъ доволенъ былъ собою.
Но не въ терпѣньѣ штука *) тутъ!
Въ красѣ цвѣтка—скорѣй садовникъ виноватъ;
Вѣдь онъ его укрылъ отъ бурь въ оранжереѣ,
А къ выводу скорѣе,
Весь міръ, нашъ садъ!

*) Штука— любимая поговорка Ѳедотова.

Цвѣточки-жъ дѣвицы, тепличные для шутки
Пусть назовутся институтки.
Садовникъ-же, Котораго ихъ долгъ боготворить,
Объ имени Его не стану говорить!
Но такъ какъ съ чистыми онѣ еще душами,
Съ рукою на сердцѣ—пусть отгадаютъ сами,
Иль спросятъ маменекъ своихъ.
Иныя-жъ, можетъ быть, изъ нихъ
Бывали за-границей
И много видѣли онѣ
Завиднаго въ чужой, хваленой сторонѣ;
Но всюду-ль Царь съ Царицей
Такой заботливый пріютъ
Сироткамъ подданнымъ даютъ?..

Садовники.

Все во время свое беретъ!
Быть дорогимъ всему чередъ,
Когда что надо.
Садовникъ, школенный на англійскій манеръ,
Для разведенья парковъ, скверъ,
Изъ своего превычурнаго сада
Въ простой фруктовый садъ зашелъ,
Да глазомъ какъ кругомъ обвелъ—
Смутился!
Такъ глазъ его къ дорожкамъ пріучился,
Къ ихъ красноватому песку,
Къ обстриженному дерну по шнурку,
Гдѣ по аллеямъ въ грунтѣ,
Ровнѣй солдатъ во фрунтѣ,
Стоятъ подстрижены деревья и кусты;
Гдѣ всюду столько чистоты,
Не говоря ужъ про цвѣты!
А этотъ, безъ толку, деревьями засаженъ;
Гдѣ между нихъ—аршинъ, гдѣ—сажень;
Подбора вовсе нѣтъ породъ:
Тамъ вишня между грушъ растетъ,
Тутъ между яблонями—слива...
Все въ безпорядкѣ, какъ пришлось,
Вездѣ неряшество, навозъ.—
Куда какъ некрасиво!..
То подпертой тычиной сукъ,
То самъ хозяинъ, какъ паукъ,
Оплелъ все дерево сѣтями,
Не ладя, видно, съ воробьями...
«Ну, ужъ садъ!!..»
Сказалъ нашъ садоводъ, съ хозяиномъ столкнувшись,
«Забрался я къ тебѣ, любезный, да не радъ:
Ходить совсѣмъ нельзя, тутъ лазяй все, нагнувшись.
Дорожекъ нѣтъ; въ глаза торчатъ
Сучки, листы! Тутъ съ раза
Иль ногу вывихнешь, или уйдешь безъ глаза!
А звалъ еще смотрѣть!.. Нѣтъ, въ нашемъ,—хоть танцуй!
«Толкуй себѣ, толкуй!
Хозяинъ отвѣчалъ—твой садикъ, точно, заглядѣнье;
А мой хоть некрасивъ, нечистъ,
За то ужъ объяденье!
По осени, убравъ свой желтый листъ,
Приди ко мнѣ опять—дамъ фруктовъ и варенья!»
Не унывай, артистъ,
Что все въ тебѣ для свѣта моднаго шершаво:
За то, подчасъ, за твой талантъ
Тебѣ и самый модный франтъ,
Завидуя, воскликнетъ: «Браво!»
Право!..

Конь.

Рабочій конь, мужицкій въ полѣ
Гулялъ который уже день,
На волѣ.
Не то, чтобъ мужику работать было лѣнь,
Не то, чтобъ хворь его постигнула какая;
Нѣтъ,—цѣль у мужика была и не пустая:
Къ базарному, на Конной, дню
Онъ отъѣдаться далъ коню.
Онъ слышалъ, что кони едва-ли
Не вдесятеро вздорожали:
Скупаютъ на походъ.
«Когда-бы вдесятеро, думаетъ онъ, дали,—
Продать разсчетъ:
Оброкъ, запасы, все вѣдь это покрываетъ—
До будущей весны валяйся на печи,
Не мучайся, не хлопочи.
И вотъ нашъ конь гуляетъ,
Да травку поѣдаетъ.
Гуляли тутъ и барскіе кони.
Онъ съ ними подружился
И кой-чего отъ нихъ наслушалъ, навострился,
И такъ же, какъ они.

Онъ и маршъ маршемъ, и галопомъ,
И рысью скачетъ на лугу,
И гордо шею гнетъ въ дугу.
Но какъ всегда былъ остолопомъ
И какъ отказанъ былъ походъ,
Мужикъ опять его ведетъ
Изъ образованнаго круга,
И съ изумруднаго роскошнѣйшаго луга,
Къ свиньямъ, на топкій дворъ, домой,
Знакомить вновь съ телѣгою, сохой и бороной.
«Ну!» говоритъ,—хоть даромъ время пролетѣло,
Хоть ждалъ большой достать барышъ,
А вышелъ шишъ,
За то теперь моя лошадка раздобрѣла,
Какъ примется за дѣло,
За тройку вынесетъ теперь!
Вернемъ прогулъ! Но на свободѣ звѣрь—
На сколько врознь раздался—
На столько же избаловался;
На силу впречь въ оглобли дался.
Мужикъ возжами хлопъ.
«Ну, ну!» а конь въ галопъ!
Мужикъ здоровый былъ дѣтина;
Случись при немъ дубина,
Онъ осадилъ коня и ну его лупить,
Что только мочи есть, чтобъ разомъ усмирить.
Конь на дыбы, тотъ пуще бить;
Конь пуще тоже самъ ужъ сталъ брыкаться,
Все больше, больше оба злятся...
Конь въ пѣнѣ весь и такъ лягнулъ,
Что дядя больше не дохнулъ...
Баснь эту, право-бы, и пояснять не надо,—
Что за отрада!
Не худо-бы и прочесть отцамъ,
Особенно разжившимся купцамъ;
Когда въ учености сынки ихъ станутъ бойки,—
Попробуй обѣднѣть опять.
Да взять
Ихъ къ стойкѣ!

Усердная Хавронья.

Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году,
Въ одномъ саду,
Любимая изъ барыниныхъ дочекъ,
Лѣтъ четырехъ, сама цвѣточекъ,
Хотѣла розанчикъ сорвать,
Да, позабывши про колючки,
Съ разбѣга, хвать—
И ободрала ручки!
Ай, ай!
Швырявши прочь цвѣтокъ,
Бѣдняжка зарыдала.
На звонкій голосокъ
Мамаша прибѣжала.
Увидѣвши въ крови любимое дитя,
Перепугалась не шутя;
Сейчасъ ребенка подхватила,
Лечить въ хоромы потащила...
Ребенокъ на рукахъ у матери реветъ,
Колючки острыя клянетъ,
За нимъ и мать вопитъ, колючки проклиная,
«Вотъ я ихъ!» говоритъ, ребенка утѣшая,
Колючки гадкія! вишь смѣли обижать
Малюточку мою! Сейчасъ ихъ всѣхъ содрать.
Конечно, все лишь это были прибаутки
Для шутки,
Отъ истинной любви къ малюткѣ.
Хавроньѣ-жъ, горничной, случись вблизи стоять—
Привыкши вѣкъ свой все буквально понимать,
Хавронья и на этотъ разъ
Все поняла за истинный приказъ;
Хоть очевидно—
Для сада будетъ преобидно.
Хоть говорится иногда:
Спросъ не бѣда,
Не ослушанье—
(Вѣдь ухо можетъ измѣнить)
Сомнительное приказанье
Не грѣхъ подчасъ переспросить.
Иль, въ знакъ сомнѣнія, хоть за ухомъ почешешь:
За что-жъ, молъ, иль себя, или господъ опѣшишь?
Лишь стоитъ быть чуть-чуть съ умомъ.
Но бабы какъ-то слабы въ немъ!
Хавронья-жъ добрая была за то такая,
Что обыщите цѣлый свѣтъ—
Подобной нѣтъ!
А потому припоминая,
Что этотъ плачъ и вой
Въ дому отъ иглъ ужъ не впервой,
Ей было по душѣ скорѣй бѣду исправить,
Чтобъ и впередъ дитя отъ бѣдъ избавить
И дому барскому усердье показать.
(Хорошія дѣла откладывать не надо:
А, можетъ, будетъ и награда!)
Давай сейчасъ въ саду колючки оскребать!
Обчистивъ розаны, отправилась въ шиповникъ.
Потомъ въ крыжовникъ.
Въ малину сочную—вездѣ колючки есть!
На все колючее изволила насѣсть.
Съ колючками кой-гдѣ и кожу всю содрала
И неколючее вокругъ все перемяла:
Черезъ недѣлю все повяло!..
Колоться нечѣмъ!.. Бабѣ честь!..
За то понюхать иль поѣсть,
Въ саду бывало прежде густо,
А нынче пусто!..

Гастрономъ.

(Габеръ-супъ).

Посаженъ былъ одинъ больной на габеръ-супъ;
А нашъ больной любилъ покушать,
И потому рѣшилъ, что докторъ глупъ,
Не знаетъ самъ толкнуть ни въ зубъ,
И что его опасно слушать.
«Ну, натурально-ли? Я ѣлъ всю жизнь борщъ
Да щи,
Тарелки по двѣ по три, часомъ
Все съ мясомъ,
Да кашки тутъ-же подвалишь.
А передъ тѣмъ еще желудокъ раззудишь,
Тарелочекъ съ пяти солененькой закуской.
При этомъ водочка, конечно... и графинъ,
Глядишь, проклятый, не одинъ!
И кюммель—вещь хорошая, да не дуренъ и джинъ;
Полакомишь языкъ и сладенькой французской
Да не обидѣть же и нашей чисто-русской...
По всѣмъ невольно обойдешь,
Да кулебячкою обѣдать и начнешь.
И вотъ—тогда горячее!
А дальше солонинка,
Ветчинка, буженинка,
Съ хрѣнкомъ, горчичкой, чеснокомъ;
И ломтики при томъ
(Не стоитъ брать безделку)
Въ два пальца толщины, величиной съ тарелку.
На все и передъ всѣмъ, конечно хересокъ,
Или пивцо, иль водочка, или простой квасокъ,
Невольно какъ-то пьется.
Въ желудкѣ-то, глядишь, понаберется...
А все еще конецъ далекъ!
Сычугъ да порося, да бокъ бараній съ кашей.
Съ капустой гусь, да жирный каравай—
Лишь только подавай!
И всѣмъ, что основательно есть только въ кухнѣ нашей,
Бывало, всѣмъ напрешься вдругъ,
Какъ барабанъ желудокъ тугъ;
Да вѣдь не бралъ недугъ!
Въ холеру даже—ни... бурчанья не случилось,—
Ужъ, значитъ, такъ моя натура пріучилась.
Такъ долго-ль, на одномъ, на супѣ усидишь?
Ну, вотъ, поди-жъ!
И хоть бы что болѣло,
Другое дѣло!
Грудь или что-либо изъ живота,
Иль рта.
Всего распухли только ноги,
И то лишь около ступней;
Желудокъ за версту—я-жъ воду только пей,
Чѣмъ виноватъ онъ? Больно строги,
Да не безъ умысла-же эти доктора:
Хотятъ себѣ добра.
У нихъ есть правило: тѣмъ болѣе извѣстности получишь,
Чѣмъ долѣе больного мучишь.
Вотъ какъ замѣтитъ, что больной
Хорошій будетъ податной,
Сейчасъ его діэтой
Докучной этой,
Разслабивши, свалитъ,
И запасенъ визитъ!
На узкомъ, длинномъ лоскуткѣ
Каракулекъ какихъ-то двѣ-три строчки
Наковырялъ себѣ ему тутъ—и давай,
И именно въ такую-то аптеку посылай,
А нѣтъ, чтобы примочки
Какой нибудь иль пластырь далъ.
Разъ взялъ—
И кушай, что угодно:
Вотъ это-бъ было благородно!
А то визитами, аптекой разоритъ.
И, можетъ быть, на вѣкъ испортитъ аппетитъ!
Да въ силахъ ли еще стерпѣть его лѣченье?
Въ постели пролежать, положимъ, не мученье,

Да только сытому. А въ томъ-то и бѣда,
Что кушать только супъ... А это ли ѣда?
Супъ, что?—Вода!
А габеръ—еще вдвое хуже;
Вода изъ мутной лужи!
А отъ воды одной,
Естественно, какъ разъ, дойдешь до водяной;
А передъ ней еще все чувствуй голодъ, голодъ:
Бррр... Вспомнишь, пробираетъ холодъ,
Тогда-какъ, столько тутъ скопилось именинъ,
Рожденій, похоронъ, крестинъ...
И все у тѣхъ людей, что славны поварами;
Когда и масляница то-жъ не за горами.
Уже-ль не ѣсть блиновъ?
Вотъ, какъ наступитъ постъ, и я начну поститься,
Пожалуй, стану и лѣчиться,
Но только не у докторовъ:
Они, по мнѣ, опаснѣе враговъ
И самыхъ скрытыхъ, страшныхъ—
Враговъ домашнихъ!
Пріѣдутъ—отказать!
«Что, баринъ, молъ, здоровъ!»
Въ передней, не снимая шубы,
Съ улыбкой искрививши губы,
И двери отворя,
Не говоря
Худого слова,
Шепните, чтобъ сказали снова
«Карета, сударь, молъ, готова!»

Пѣсни и романсы П. А. Ѳедотова.

Куку.

На дубу кукушечка,
На дубу унылая
Куковала.
Куку, куку—куковала.
Подъ окошкомъ дѣвица
Подъ окошкомъ красная
Тосковала.
Куку, куку—тосковала.

Ноетъ сердце дѣвицы
Что не любитъ молодецъ,
Какъ бывало.
Куку, куку—какъ бывало.
Но долга-ль грусть дѣвицы?
Въ годъ тоска, печаль ея
Вся пропала.
Куку, куку—вся пропала.

И съ другимъ, счастливая,
Подъ вѣнцомъ, задумавшись,
Ужъ стояла.
Куку, куку—ужъ стояла.
Черезъ годъ кукушечка,
На гнѣздѣ на новенькомъ
Куковала.
Куку, куку—куковала.

Солдатская пѣсня*).

Ну-тка, братцы егеря;
Рать любимая Царя,
Попоемъ
попоемъ,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло егеря,
егеря, егеря.
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло егеря,
егеря, егеря.

* * *

Егерь ростомъ невеликъ.
Малъ, да дорогъ золотникъ,
Егерь малъ,
Да удалъ.
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря.

* * *

Конной, молодецъ съ конемъ,
А ссади-ка, прахъ-ли въ немъ!
На своихъ
На двоихъ;
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло егеря,
егеря, егеря,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло егеря,
егеря, егеря.

* * *

Сестра пуля, да штыкъ братъ
И безъ пикъ, безъ копій, латъ.
Нашъ братъ радъ
Хоть на адъ
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря.

* * *

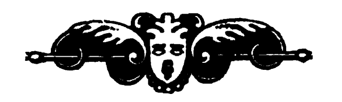
Тяжелы и гренадеры,
Мы-жъ на разные манеры,
Гдѣ ползкомъ,
Гдѣ прыжкомъ.
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря.

* * *

Знать, что мы таки не просты,
Вѣдь не шлютъ на аванпосты
Мушкетеръ
Гренадеръ.
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря.
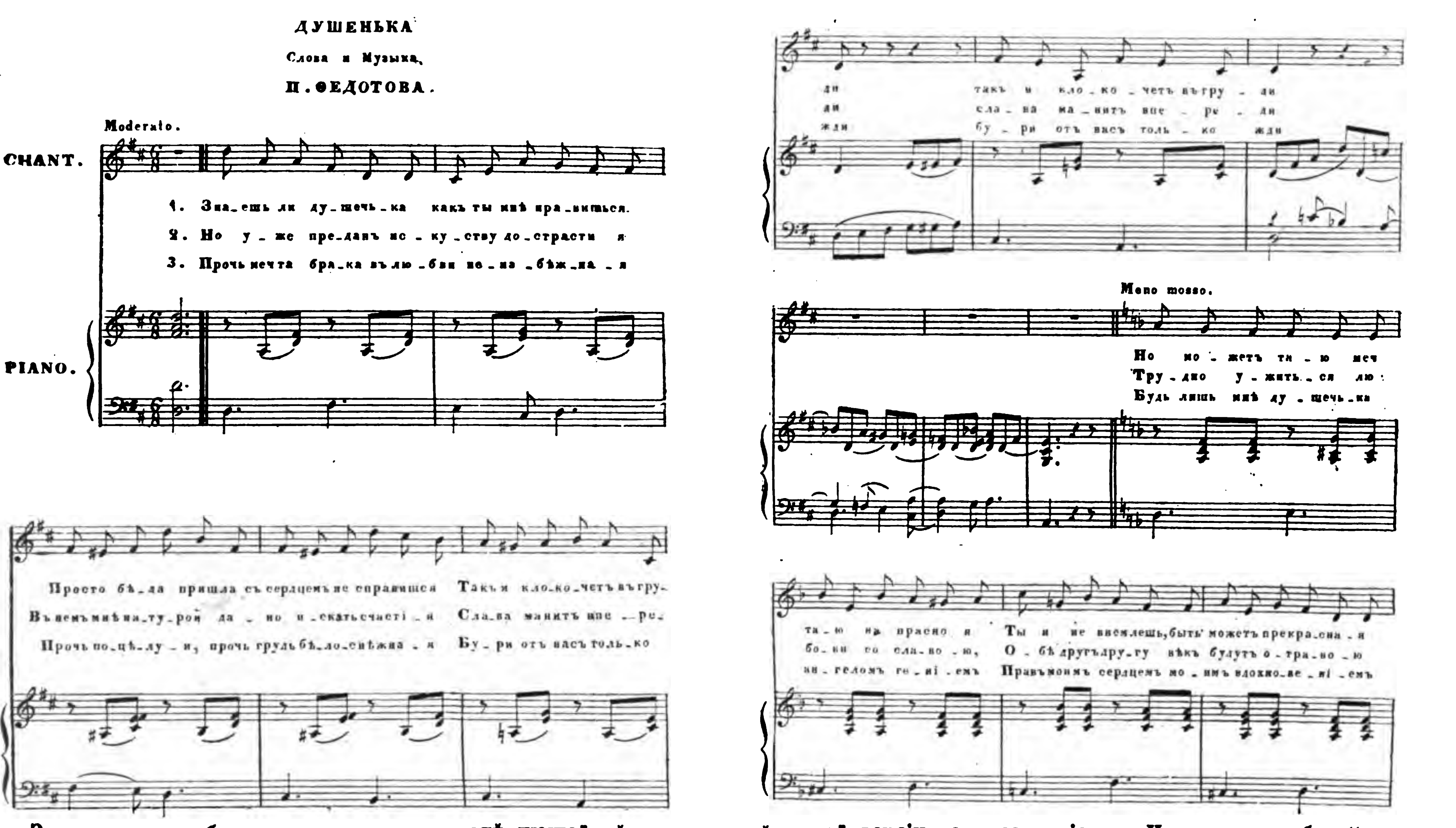
* * *

На парадѣ назади,
А чуть драка, впереди,
Поскорѣй
Егерей **).
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря,
То-ли дѣло, то-ли дѣло, то-ли дѣло, егеря,
егеря, егеря.

---

*) Была напечатана въ «Краткомъ очеркѣ исторіи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка» А. Марина, 1846 г., ч. I, стр. 92—94. Пѣсня сочинена П. А. Ѳедотовымъ въ 1841 г,
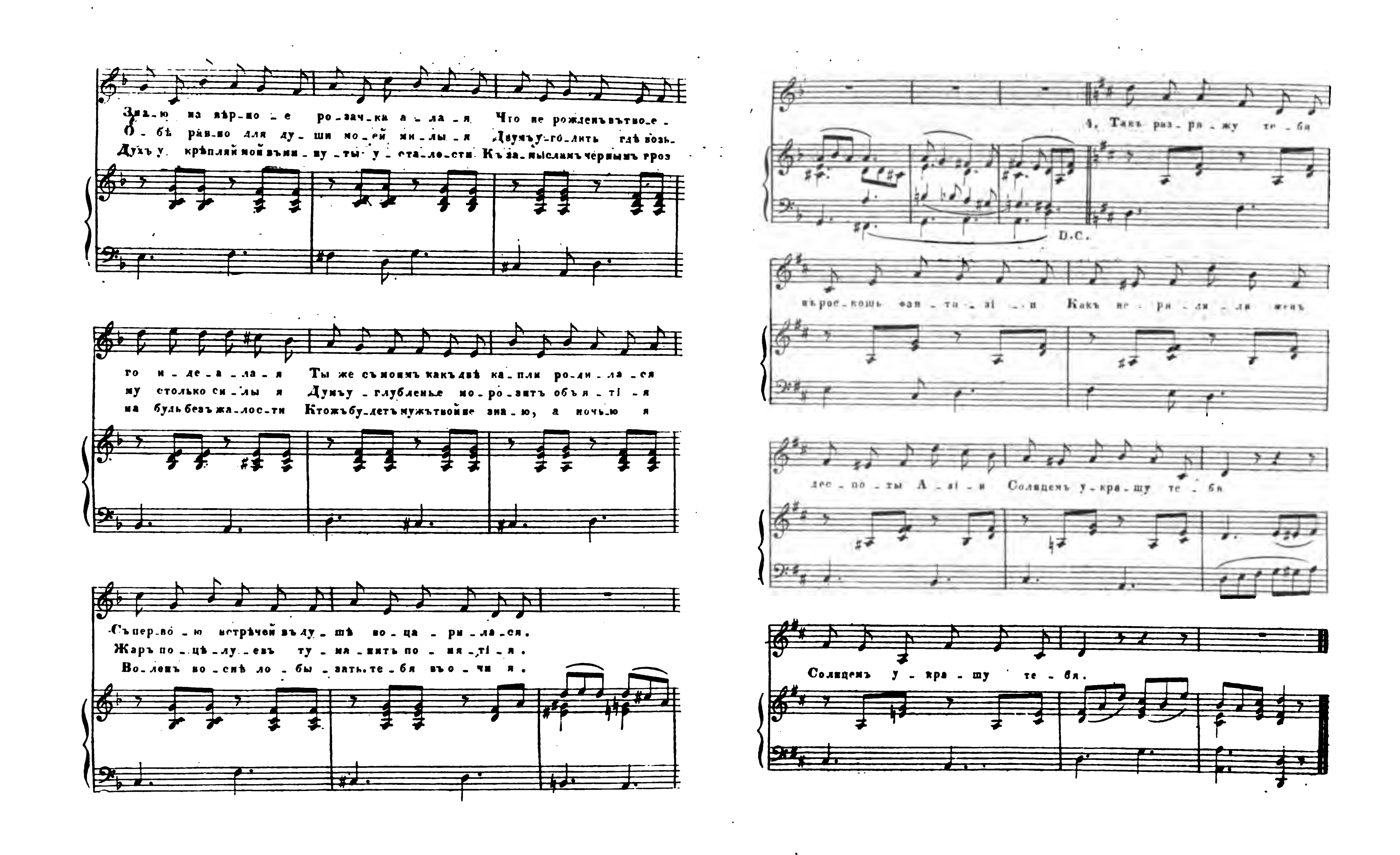
**) Егерями называли прежде всю легкую пѣхоту, а въ томъ числѣ и л.-гв. Финляндскій полкъ.

Этотъ романсъ былъ напечатанъ и въ слѣдующей нѣсколько измѣненной версіи подъ заглавіемъ: „Идеальная любовь“.

Знаешь-ли, душечка, какъ ты мнѣ нравишься:
Лучше молчи—пощади!..
Просто бѣда пришла—съ сердцемъ не справишься:
Такъ и трепещетъ въ груди!
Но, можетъ, чаю мечтою напрасно я,
Ты и не взглянешь, быть можетъ, прекрасная!
Знаю навѣрное, розочка алая,
Что не похожъ на твоего идеала я;
Ты-жъ, въ моего, какъ двѣ капли родилася,

Съ первою встрѣчей въ душѣ воцарилася.
Будь лишь мнѣ, душечка, высприннимъ геніемъ,
Правь моимъ сердцемъ, моимъ вдохновеніемъ!..
Пусть пристыдитъ меня духъ твой, являяся,
Чуть въ душѣ черная мысль зарождается!
Духъ укрѣпляй мой въ минуты усталости,
Къ помысламъ низкимъ грозной будь безъ жалости,
Я облеку тебя въ прелесть фантазіи,
Какъ не рядила женъ вся роскошь деспотовъ Азіи.

Зна-ю на вѣр-но-е ро-зач-ка а-ла-я. Что не рожденъ въ тво-е-
О-бѣ рав-но для ду-ши мо-ей ми-лы-я Думъ у-го-лить гдѣ возь-
Духъ у-крѣпляй мой въ ми-ну-ты у-ста-ло-сти Къ за-мысламъ чернымъ гроз
го и-де-а-ла-я Ты же съ моимъ какъ двѣ ка-пли ро-ди-ла-ся
му столько си-лы я Думъ у-глубленье мо-ро-зитъ объ-я-ті-я
на будь безъ жа-лос-ти Ктожъ бу-детъ мужъ твой не зна-ю, а ночь-ю я
Съ пер-во-ю встрѣчей въ ду-шѣ во-ца-ри-ла-ся.
Жаръ по-цѣ-лу-евъ ту-ма-нитъ по-ня-ті-я.
Во-ленъ во-снѣ ло-бы-зать те-бя въ о-чи я.
D.C.
4. Такъ раз-ря-жу те-бя
въ рос-кошь фан-та-зі-и Какъ не-ря-ли-ли женъ
дес-по-ты А-зі-и Солнцемъ у-кра-шу те-бя
Солнцемъ у-кра-шу те-бя.

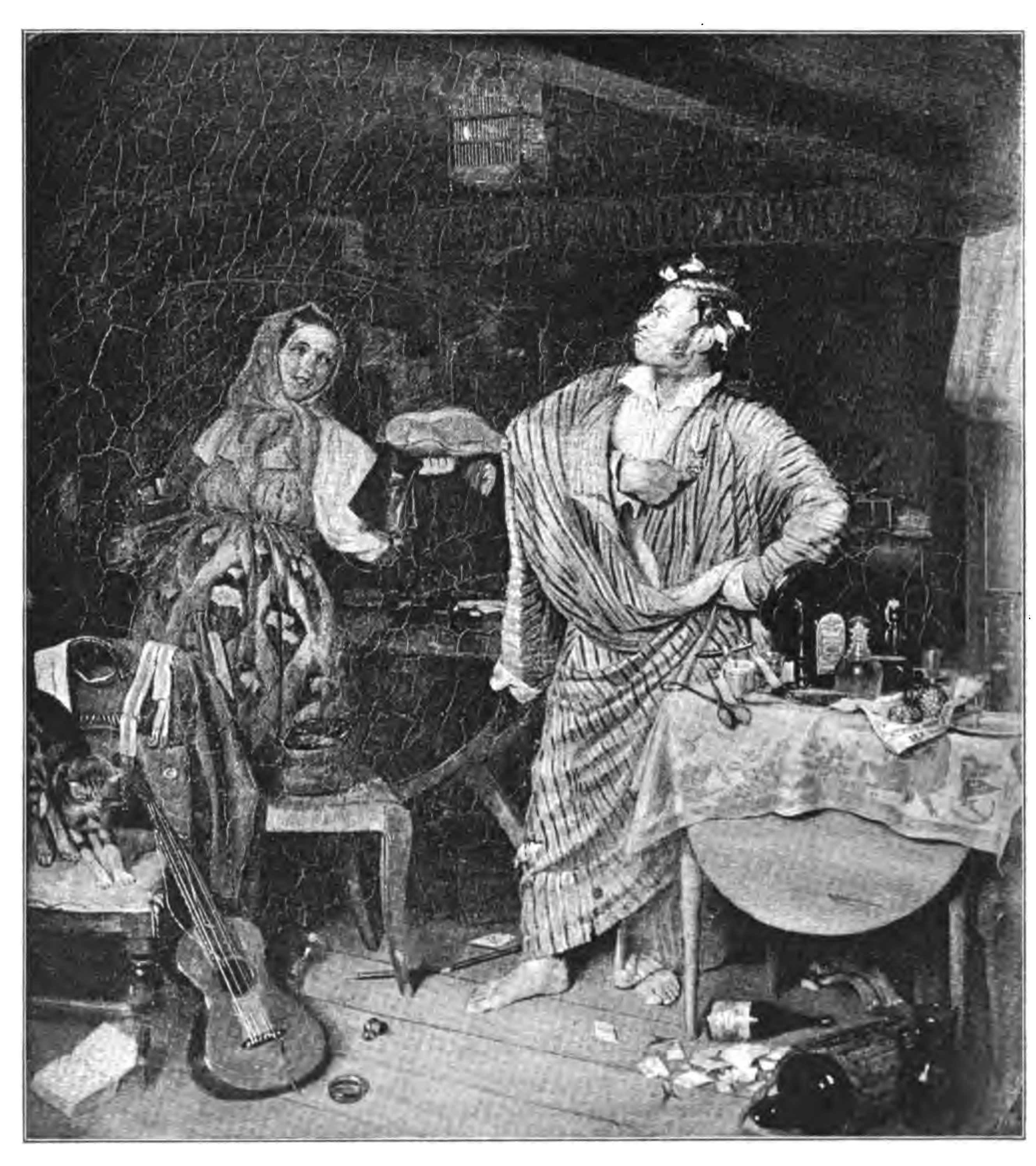

ВСТРѢЧА ВЪ ЛАГЕРѢ Л.-ГВ. ФИНЛЯНДСКАГО ПОЛКА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА 1837 г.

Акварель П. А. Ѳедотова.

(Собственность е. в. великой княгини Екатерины Михайловны).

Въ центрѣ этой живописной сцены виденъ великій князь Михаилъ Павловичъ, справа отъ него спортретированы Офросимовъ, Веймарнъ, Аминовъ, Фридрихсъ, Базинъ, Тулубьевъ, Максимовъ, Заварицкій, Симанскій и самъ Ѳедотовъ, зарисовывающій сцену. Слѣва отъ великаго князя—фельдфебель Егоровъ, затѣмъ Фацарди, Боассель, Гречъ, Лихонинъ, Киновичъ, Шепетковскій и Ганъ.

УТРО ПОСЛѢ ПИРУШКИ ИЛИ СВѢЖІЙ КАВАЛЕРЪ

Картина П. А. Ѳедотова (1846 г.).

(Изъ галлереи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея).

Утро послѣ пированья по случаю полученнаго ордена. Новый кавалеръ не вытерпѣлъ, чѣмъ свѣтъ нацѣпилъ на халатъ свою обнову, и горделиво напоминаетъ свою значительность кухаркѣ. Но она насмѣшливо показываетъ ему единственные, да и то стоптанные и продырявленные сапоги, которые несетъ чистить. На полу валяются объѣдки и осколки вчерашняго пира, а подъ столомъ на заднемъ планѣ видѣнъ пробуждающійся, вѣроятно, оставшійся на полѣ битвы тоже кавалеръ, но изъ такихъ, которые пристаютъ къ проходящимъ съ требованіемъ паспортовъ Талія кухарки не даетъ права хозяину имѣть гостей лучшаго тона.

«РАЦЕЯ» П. А. ѲЕДОТОВА ИЗЪ ЕГО ПОЭМЫ «СВАТОВСТВО МАІОРА», ОБЪЯСНЯЮЩАЯ СОДЕРЖАНІЕ КАРТИНЫ ТОГО ЖЕ ИМЕНИ

Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просимъ.
Денегъ не спросимъ:
Даромъ смотри,
Только хорошенько очки протри.

***

Начинается, починается,
О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
Какъ иные на чужой счетъ жуютъ.
Сами работать лѣнятся,
Такъ на богатыхъ женятся

***

Вотъ извольте-ка посмотрѣть:
Вотъ купецкій домъ, —
Всего вдоволь въ немъ,
Только толку нѣтъ ни въ чемъ;
Одно пахнетъ деревней,
А другое харчевней.
Тутъ за то одинъ толкъ,
Что все взято не въ долгъ,
Какъ у васъ иногда,
Честные господа!

***

А вотъ извольте посмотрѣть:
Вотъ самъ хозяинъ купецъ,
Денегъ полонъ ларецъ;
Есть что пить и что ѣсть...
Ужъ чего-жъ бы еще. Да взманила, вишь, честь:
«Не хочу, вишь, зятька съ бородою!
«И своя борода —
«Мнѣ лихая бѣда.
«На улицѣ всякій толкаетъ,
«А чуть-чуть подъ хмѣлькомъ,
«А пойди-ка пѣшкомъ вечеркомъ,
«Глядь!—очутишься въ будкѣ.
«Прометешь потомъ улицу сутки.
«А въ густыхъ-то будь зять —
«Не посмѣютъ насъ взять...
«Мнѣ, по крайности, дай хоть майора,
«Безъ того никому не отдамъ свою дочь!..»
А женихъ тутъ какъ тутъ, и по чину—точь въ точь.

***

А вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ жениха ждутъ,
Кулебяку несутъ,
И заморскія вина первѣйшихъ сортовъ
Ко столу подаютъ.
А вотъ и самое панское,
Сирѣчь шампанское,
На подносѣ на стулѣ стоитъ.

***

А вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ парадѣ весь домъ:
Все съ иголочки въ немъ;
Только хозяйка купца
Не нашла, знать, по головкѣ чепца.
По старинному—въ сизомъ платочкѣ.
Остальной же нарядъ
У француженки взятъ

Лишь вечоръ для самой и для дочки.
Дочка въ жизнь, въ первый разъ,
Какъ боярышня у насъ,
Ни простуды не боясь,
Ни мужчинъ не страшась,
Плечи выставила на показъ.—
Шейка чиста,
Да безъ креста.

***

Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ лѣвомъ углу старуха,
Тугая на ухо,
Хозяйкина сватья, беззубый ротъ,
Къ сидѣльцу пристаетъ:
Для чего, дескать, столько бутылокъ несетъ?
Въ домѣ ей до всего!
Ей—скажи: отъ чего,
Для чего кто идетъ,
— Любопытный народъ!
А вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ, справа, отставная деревенская пряха,
Панкратьевна сваха,
Безсовѣстная привираха,
Въ парчевомъ шугаѣ, толстая складомъ,
Пришла съ докладомъ:
Женихъ, молъ, изволилъ пожаловать.

***

И вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ хозяинъ-купецъ,
Невѣстинъ отецъ,
Не сладитъ съ сюртукомъ,
Онъ знакомъ больше съ армякомъ,
Какъ онъ бьется, пыхтитъ,
Застегнуться спѣшитъ:
На распашку принять — неучтиво.

***

А позвольте посмотрѣть,
Какъ наша невѣста,
Не найдетъ, сдуру, мѣста:
«Мужчина чужой!
«Ой, срамъ-то какой!
«Никогда съ ними я не бывала;
«Коль и придутъ бывало, —
«Мать тотчасъ на ушко:
«Тебѣ, дѣвушкѣ, здѣсь не пристало!
«Вѣкъ въ свѣтличкѣ своей я высокой
«Прожила, проспала одинокой;
«Кружева лишь плела къ полотенцамъ,
«И всё въ домѣ меня чтутъ младенцемъ!
«Гость замолвитъ, чай, рѣчь...
«Ай, ай, ай! — стыдъ какой!..
«А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ:
«Шарфъ сквозистый такой -
«Все насквозь, на виду!..
«Нѣтъ въ свѣтлицу уйду!»
И вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ наша пташка сбирается улетѣть;
А умная мать
За платье ее хвать!

***

И вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ другой горницѣ
Грозитъ ястребъ горлицѣ, —
Какъ майоръ толстый, бравый,
Карманъ дырявый,
Крутитъ свой усъ:
Я, дескать, до денежекъ доберусь!»

***

Теперь извольте посмотрѣть:
Разныя висятъ по стѣнамъ картины.
Начинаемъ съ середины:
На срединѣ виситъ
Высокопреосвященный митрополитъ;
Хозяинъ христіанскую въ немъ добродѣтель чтитъ.
Налѣво—угрѣшская обитель,
И во облацѣхъ надъ нею—святитель...
Православные, извольте перекреститься,
А нѣмцы,
Иноземцы,
На нашу святыню неглумиться;
Не то—русскій народъ
Силой ротъ вамъ зажметъ.

***

И вотъ извольте посмотрѣть,
По сторонамъ митрополита—двое
Наши знаменитые герои:
Одинъ—батюшка Кутузовъ,
Что первый открылъ пятки у французовъ.
А Европа сначала
Ихъ не замѣчала.
Другой
Герой —
Кульневъ, которому въ славу и честь
Даже у нѣмцевъ крестъ желѣзный есть.

***

И вотъ извольте посмотрѣть:
Тамъ же, на правой сторонѣ —
Елавайскій на конѣ,—
Казацкій хлопчикъ,
Французовъ топчетъ.
А на правой стѣнѣ хозяйскій портретъ
Въ золоченую раму вдѣтъ;
Хоть не его рожа,
Да книжка похожа:
Значитъ—грамотный!

***

И вотъ извольте посмотрѣть:
Внизу картины,
Около середины,
Сидитъ сибирская кошка.
У нея бы не худо немножко
Деревенскимъ барышнямъ поучиться —
Почаще мыться:
Кошка рыльце умываетъ,
Гостя въ домъ зазываетъ.

***

А вотъ, налѣво,—святые образа...
Извольте перекреститься
Да по домамъ расходиться.

ПРІѢЗДЪ ЖЕНИХА ИЛИ СВАТОВСТВО МАІОРА

Картина П. А. Ѳедотова.

(Изъ галлереи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея).

ВДОВУШКА

Картина П. А. Ѳедотова (первый экземпляръ 1850—51 г.).

(Изъ галлереи К. Т. Солдатенкова).

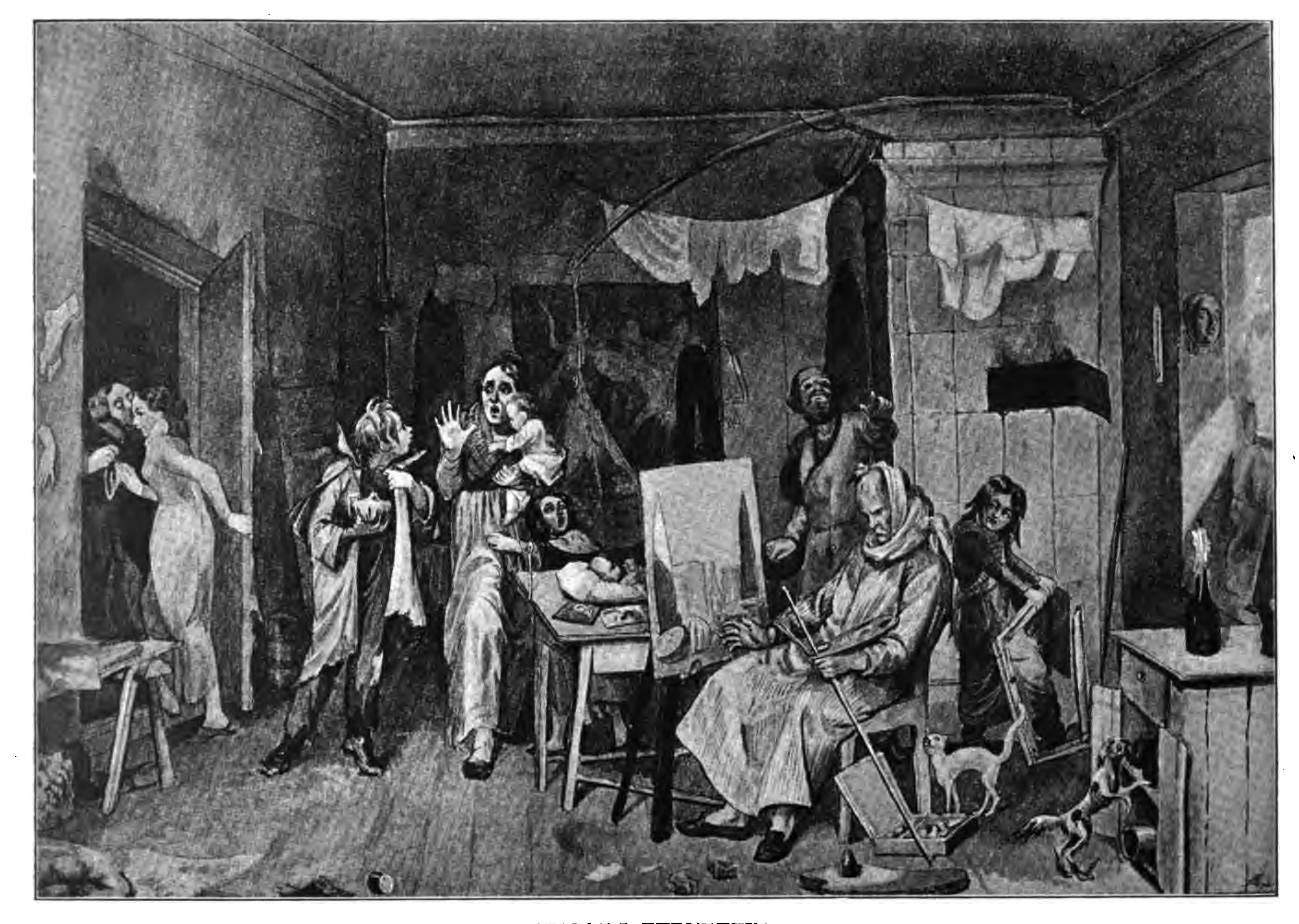

МЫШЕЛОВКА ИЛИ ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ БѢДНОЙ, НО КРАСИВОЙ ДѢВУШКИ

Сепія П. А. Ѳедотова (1848 г.).

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Въ сыромъ подвалѣ, отъ стѣнъ котораго отваливается штукатурка, въ самомъ темномъ углу кашляетъ старуха, приподнявшись на постели. Ближе къ зрителю сидитъ молодая, миловидная дѣвушка, уныло склонивъ голову и въ раздумьи царапаетъ ножницами гладильную доску, слушая шопотъ толетой свахи, которая соблазняетъ ее богатыми подарками. Въ отворенную дверь справа виденъ и виновникъ этихъ увѣщаній, награждающій дворника, въ ожиданіи успѣха посольства. На первомъ планѣ мышь бѣжитъ въ западню, привлеченная кускомъ говядины. Сверху надпись: «бѣдной дѣвушкѣ краса — смертная коса».

СТАРОСТЬ ХУДОЖНИКА

Сепія П. А. Ѳедотова (въ 1850 г. выставлялась въ Москвѣ).

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Художникъ женившійся безъ приданаго въ надеждѣ на свой талантъ. Въ сырой, холодной комнатѣ, съ окнами, занесенными снѣгомъ и съ одиночными лѣтними рамами, съ висящими по стѣнамъ неоконченными картинами, самъ художникъ, уже состарившійся, пишетъ вывѣску, завернувшись въ фризовую шинель и отъ холода обернувъ голову полотенцемъ. Около него, изъ сломанной, вытертой шляпы, выглядываетъ полуштофъ. Чтобы выжить худыхъ плательщиковъ съ квартиры, дворникъ уноситъ вьюжки отъ печи, въ которую, вмѣсто дровъ, кухарка ломаетъ послѣднюю раму съ картины. На столѣ лежитъ умершій полуодѣтый ребенокъ. Исхудалая мать, и среди нищеты не потерявшая чувства благородства и честности, съ испуганнымъ видомъ спрашиваетъ у маленькаго сына, показывающаго ей украдкой изъ подъ полы, чайникъ, откуда онъ его досталъ, а тотъ радостно указываетъ ей на дверь. Полураздѣтая дочь провожаетъ молодого человѣка.

МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ

Сепія П. А. Ѳедотова (въ 1850 г. выставлялась въ Москвѣ).

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Полковница, не довольная покупкой мужа, бросаетъ ее, а тотъ показываетъ ей опустѣлый бумажникъ. Сидѣлецъ полѣзъ на полку что-то достать. Толстая полубарыня пользуется этою минутою и вправляетъ что-то себѣ въ огромный ридикюль. Старый отставной герой со вздохомъ лѣзетъ въ боковой карманъ — расплачиваться за обновы, купленныя молоденькой женой. Обновъ столько, что ливрейный лакей едва въ состояніи ихъ обхватить. Маленькій сынокъ ихъ, увидавши въ шкафѣ разныя игрушки и бонбошки, пристаетъ къ маменькѣ, чтобъ купила ему что-нибудь; но маменька его гонитъ, ей нѣкогда,— около нея стоитъ сосѣдъ уланъ, которому ей надо передать записку. Молодой адъютантъ, исправляющій коммиссію, вѣроятно, генеральши своей, покупаетъ чулки.

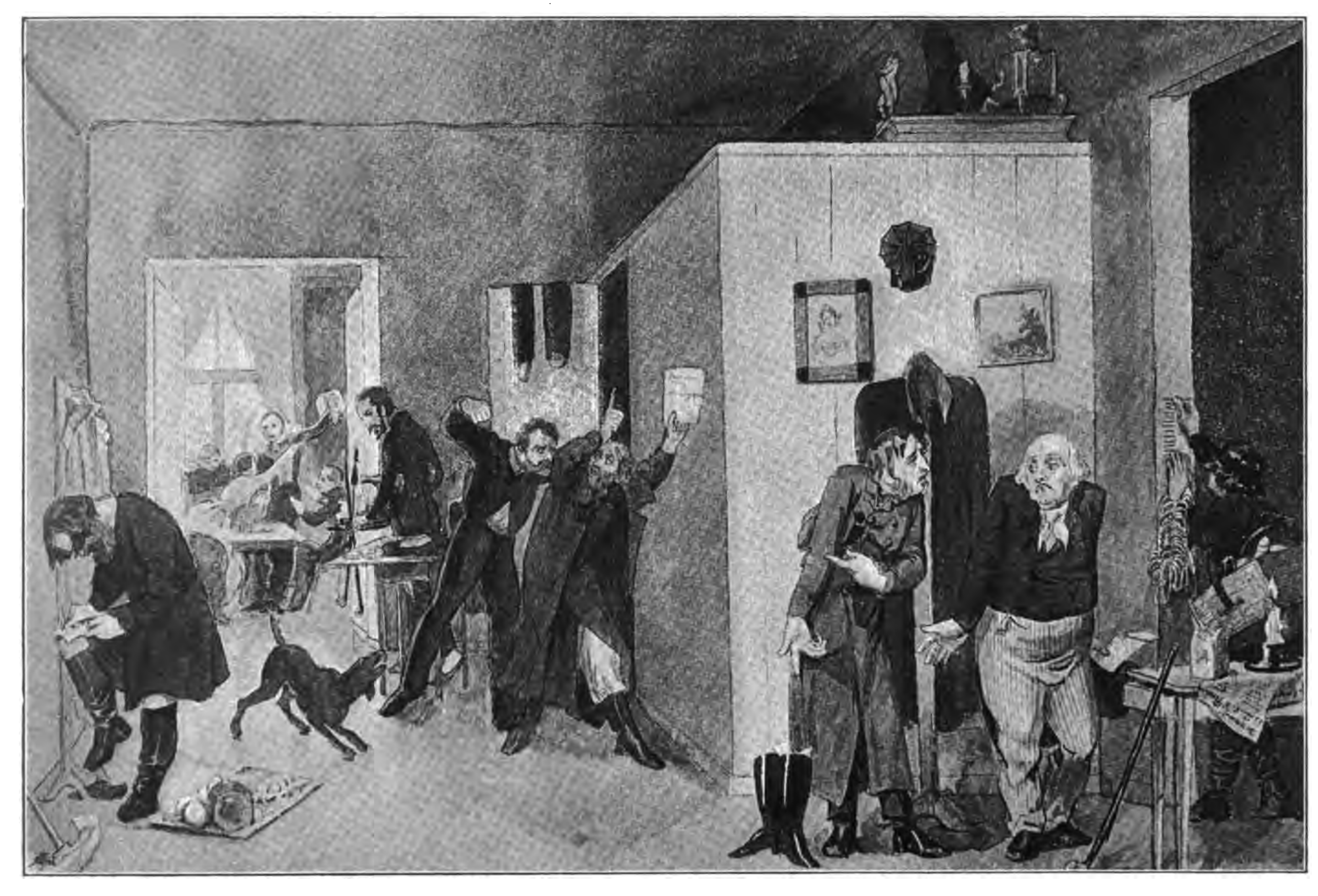

ПЕРВОЕ УТРО ОБМАНУТАГО МОЛОДОГО

Сепія П. А. Ѳедотова.

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Обманутый во всемъ молодой, въ отчаяніи, хватается за голову. Молодая на колѣняхъ, проситъ у него прощенія — и за волосы, и за зубы, которые подъ вѣнецъ были совсѣмъ не въ такомъ плохомъ состояніи, и за мебель, и за все приданое, которое было взято на прокатъ и тутъ же уносится, и наконецъ — за то..., отъ чего собаченка въ спальнѣ не лаетъ, а служитъ передъ господиномъ, подающимъ украдкою записку нянѣ, которая кажется, собирается, оправлять постель новобрачныхъ. Старый дядька молодого стоитъ въ грустномъ оцѣпененіи. Полотенце и щетка уже не нужны, мести и обтирать нечего. — За мебелью пришелъ съ роспискою лавочникъ, команда котораго — носильщики, рыночные и площадные бродяги — несутъ ее вонъ.

ЖИТЬЕ НА ЧУЖОЙ СЧЕТЪ

Сепія П. А. Ѳедотова (въ 1850 г. выставлялась въ Москвѣ).

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Въ двери видна веселая компанія съ дамами. Съ эспаньелкой, въ башмакахъ, иностранецъ камердинеръ несетъ шампанское и трубки. У разнощика взяты фрукты, но на книжку. Крендельщикъ помѣчаетъ на стѣнкѣ. Кредиторы: одни—поназойливѣе получаютъ отъ деньщика въ шею, другіе—осторожные нѣмцы хотятъ уйти заблаговременно по добру, по здорову.

СМЕРТЬ ФИДЕЛЬКИ

Сепія П. А. Ѳедотова (въ 1850 г. выставлялась въ Москвѣ).

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Утромъ во время чая оказалось, что захворала одна изъ дюжины собаченокъ хозяйки. Чай со стола прочь, и его замѣнила подушка; на эту подушку госпожа положила свою паціентку-Фидельку, поставила ей піявки, забинтовала ее, и потомъ начала расправляться со всѣмъ домомъ. Съ башмакомъ въ рукѣ она грозитъ горничной, уже и безъ того встрепанной, на которую въ то же время ябедничаетъ еще нянька (онѣ рѣдко живутъ въ ладу). Сынъ уже поставленъ на колѣна съ учебной тетрадкой, изъ которой вырѣзываетъ лошадокъ, и изъ мщенія хватаетъ бѣгущую мимо собаченку, чтобъ навязать ей на хвостъ бумажку, которая болтается у него на ниткѣ во рту. Дочка, оставивъ свою куколку, которую поила на столѣ чаемъ, съ надранными ушами прибѣгаетъ подъ покровительство отца, который и самъ спасается отъ жены бѣгствомъ, не забывъ однакожъ взять съ собою утѣшеніе — пуншъ; въ дверяхъ попадается ему собаченка, которую онъ въ сердцахъ швыряетъ ногой. Домашній казачекъ, кажется, тоже не обойденъ благоволеніемъ хозяйки. Въ отворенной двери видѣнъ ветеринаръ, позванный для фидельки; но онъ такъ изумленъ представившейся ему сценой, что стоитъ въ нерѣшимости, и не знаетъ, входить ли.

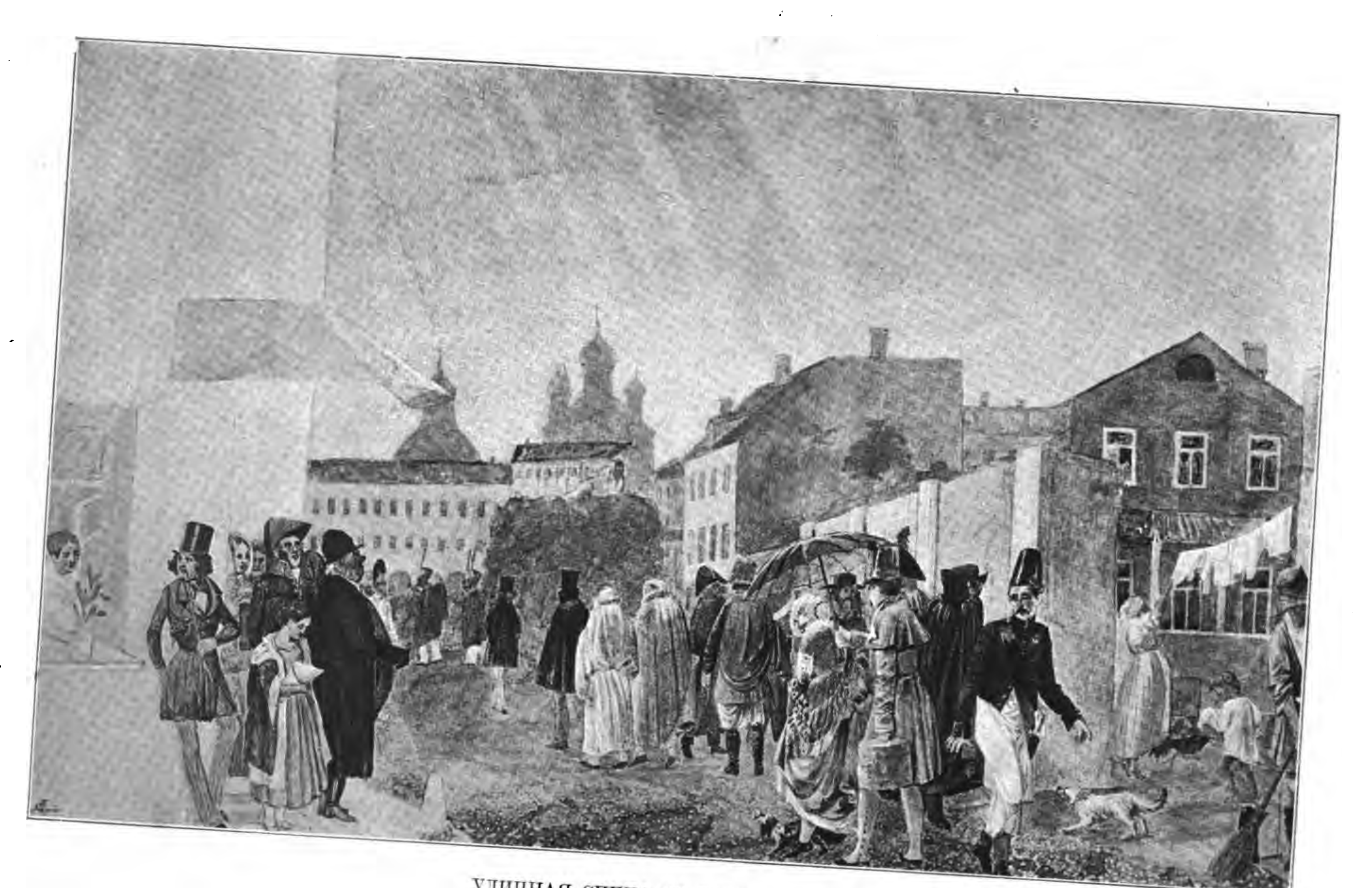

ПОСЛѢДСТВІЯ СМЕРТИ ФИДЕЛЬКИ

Сепія П. А. Ѳедотова (въ 1850 г. выставлялась въ Москвѣ).

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Фиделька рѣшительно околѣла. Хозяйка съ горя сама опасно занемогла, она уже въ постели. Созванъ консиліумъ докторовъ, на которомъ городовые монополисты — практики нѣмцы изъявляютъ негодованіе на русака, военнаго доктора. Только доктору помоложе не до консиліума; онъ глядитъ на молоденькую горничную, которая куритъ благовоніями вокругъ уже не совсѣмъ свѣжей Фидельки. Какія-то дамы пришли навѣстить больную; по ней соскучились также и питомцы ея—Розки и Адельки, и у одра больной стоятъ на заднихъ лапкахъ, завидуя участи Мими, которая одна удостоилась лежать у сердца своей патронессы. — Мужъ молча грозитъ имъ подсвѣчникомъ. У дверей лакей несетъ докторамъ бумагу и перья; ему суетъ что-то въ руку бородатый гробовщикъ, конечно, для того, чтобъ не замедлилъ дать знать въ тотъ же мигъ, если хозяйка скончается. Художники позваны увѣковѣчить память Фидельки. Живописецъ явно льститъ на портретѣ. Сынъ хозяйки, увидѣвъ папку архитектора, полѣзъ въ ней рыться.

УЛИЧНАЯ СЦЕНА ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ
Акварель П. А. Ѳедотова.
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

ПЕРЕДНЯЯ ПРИСТАВА ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ
Акварель П. А. Өедотова (Москва 1837 г.).
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

ПОРТРЕТЪ ГР. Е. П. РОСТОПЧИНОЙ (р. 23 дек. 1811 г., † 3 дек. 1858 г.)
Писанъ масляными красками П. А. Өедотовымъ.
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

МУЖСКОЙ ПОРТРЕТЪ
Картина П. А. Өедотова.
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

ПОРТРЕТЪ ОТЦА ХУДОЖНИКА
Акварель П. А. Өедотова (Москва. Октябрь 1837 г.).
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

ИГРОКИ

Неоконченная акварель П. А. Ѳедотова.

(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ
Акварель П. А. Ѳедотова.
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

Акварель П. А. Ѳедотова.
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАКЪ АРИСТОКРАТА

Картина П. А. Ѳедотова.

(Изъ галлереи К. Т. Солдатенкова).

ПѢВИЦА

Акварель П. А. Ѳедотова.

(Съ фотографіи, любезно сообщенной А. И. Сомовымъ).

«ВСЕ ХОЛЕРА ВИНОВАТА!»

Какъ лукаваго въ грѣхахъ
Нашъ братъ вѣчно укоряетъ,
Такъ, когда холеры страхъ
Въ городѣ гуляетъ,

Все всему она виной,
Все холера. Такъ, иной
Чуть до вкуснаго дорвется,
Не утерпитъ—такъ напрется,

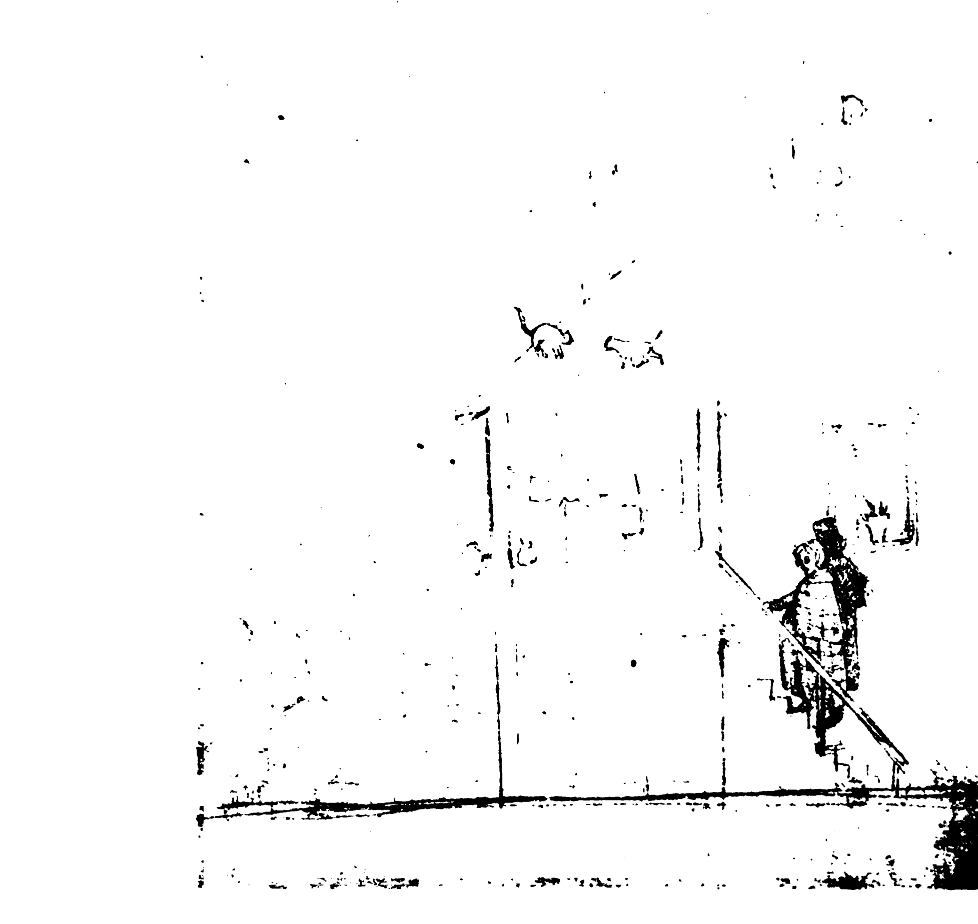
Что въ здоровую-то пору
Переварить желудку въ пору.
Такъ подъ часъ забывши страхъ,
На пріятельскихъ пирахъ

Выпьютъ одного вина
По полдюжины на брата.
Смотришь худо—ктожъ вина?—
Все холера виновата.

Акварель П. А. Ѳедотова.

(находится въ Академіи Художествъ).

Звѣзда возвѣщаетъ рожденіе генія.

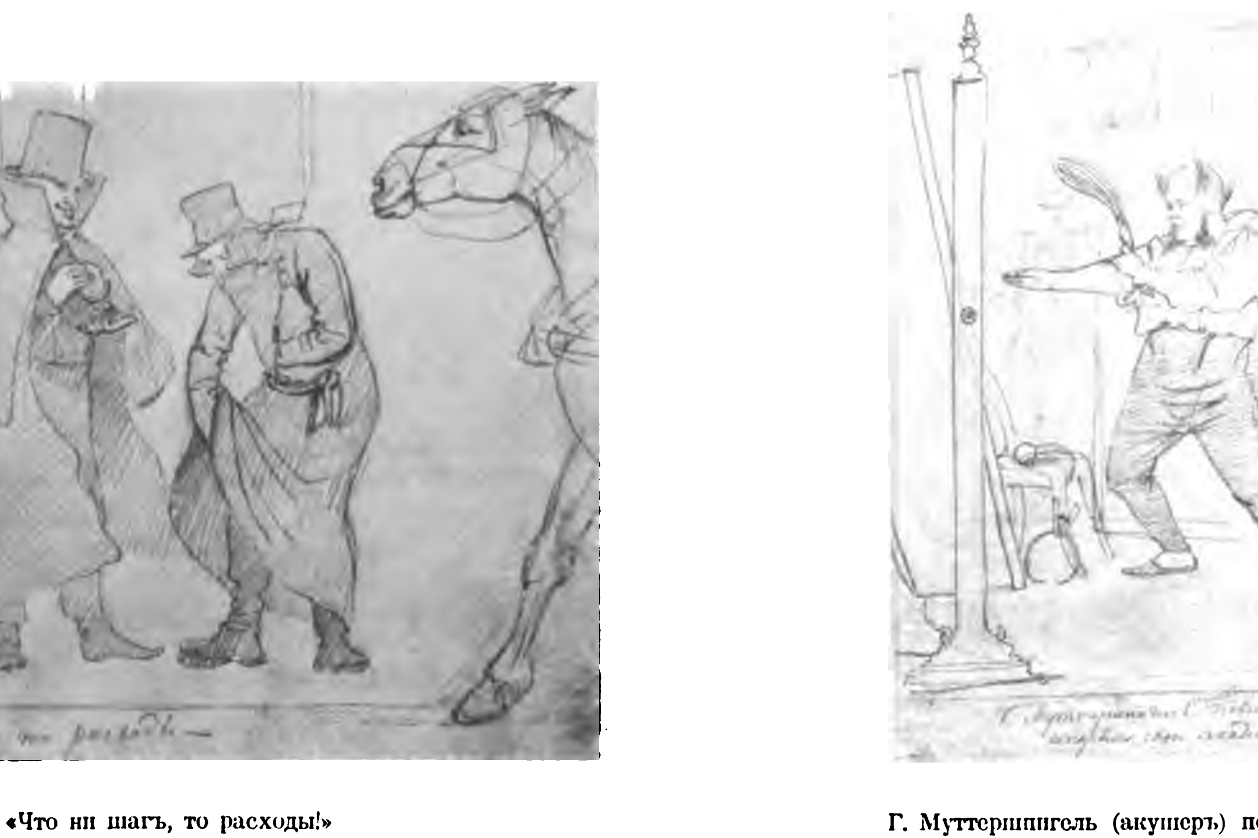

Зачатіе генія.

РОЖДЕНІЕ ГЕНІАЛЬНАГО ЖИВОПИСЦА

Рисунки П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

«Что ни шагъ, то расходы!»

Г. Муттершпигель (акушеръ) повторяетъ въ свободное время старыя свои академическія упражненія.

РОЖДЕНІЕ ГЕНІАЛЬНАГО ЖИВОПИСЦА

Рисунки П. А. Федотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

РОЖДЕНІЕ ГЕНІАЛЬНАГО ЖИВОПИСЦА.

Рисунокъ П. А. Өедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

«Чрезвычайно быстрое развитіе способностей генія разстраиваетъ его здоровье».

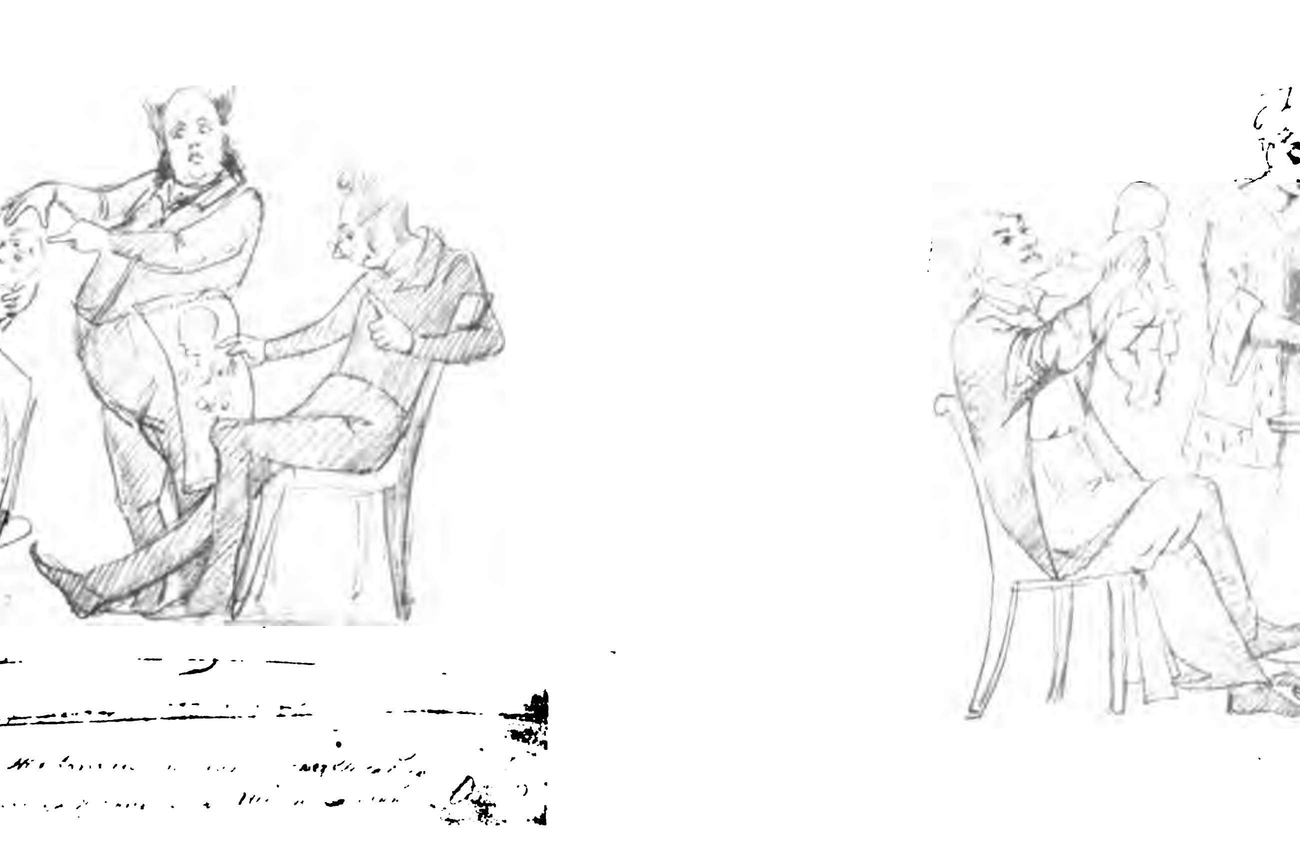

«Жена молись! Насъ слава осѣняетъ».

МЛАДЕНЧЕСТВО ГЕНІАЛЬНАГО ЖИВОПИСЦА

Рисунки П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

«Система Галля. Бугоръ живописи развитъ чрезвычайно. Какая непомѣрная ширина лба!»

Воспитаніе генія.

МЛАДЕНЧЕСТВО ГЕНІАЛЬНАГО ЖИВОПИСЦА

Рисунки П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

ЮНЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегтрова).

КАПИТАЛИСТЫ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

НЕОСТОРОЖНАЯ НЕВѢСТА.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегрова).

ВАЖНАЯ ДАМА.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Дяденька! где вы нанимаете такихъ хорошенькихъ служанокъ
Много будешь знать скоро состаришься.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПЛЕМЯННИКЪ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Вчера приходили художники звать [illegible]
тебя сказали дома не было!......

МОСЬКА-СПАСИТЕЛЬНИЦА.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

НЕВѢСТА СЪ РАЗСЧЕТОМЪ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Вегрова).

БЫСТРАЯ ПОДГОТОВКА.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Ходитъ Сударь. ходитъ — Сперва все какая-то черноглазенькая. А теперь вотъ другой [illegible] — такая бывшая рыжеватая. Она кажется, и теперь у него. —

НАВОДИТЪ СПРАВКИ У ДВОРНИКА.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Өедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

[illegible]

ВЪ МАГАЗИНѢ ОБУВИ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

ИЗВОЩИКЪ И КВАРТАЛЬНЫЙ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

МУЗЫКА, КОТОРУЮ СМОТРѢТЬ НАДО.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегтрова.)

БОГОМОЛЬНЫЙ МУЖЪ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Въ автографѣ слова къ обѣдни замѣнены цензоромъ въ 1856 г. «по дѣламъ»).

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

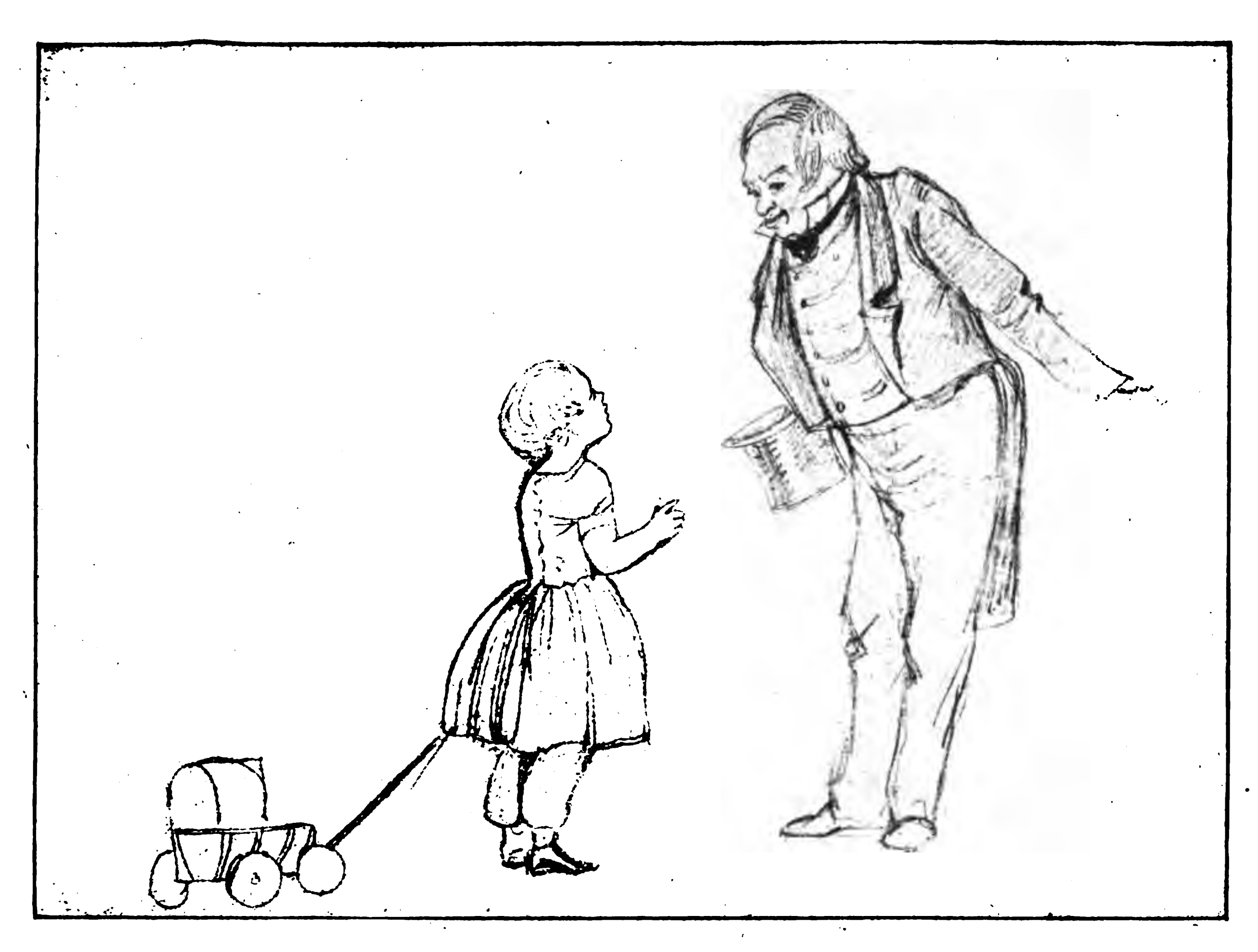
Подчиненный: Ахъ, ваше пр—ство, какой у васъ прелестный сынокъ!
Начальникъ: А дѣло принесли?
Подчиненный: Какой милашка!
Начальникъ: А дѣло?
Подчиненный: Прелесть!

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Вегрова).

Дама: Что вы желаете этому шарику?
Кавалеръ: Прижать къ моему сердцу.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Вегрова).

Дѣвочка: Карлъ Ивановичъ, принесли бонбошку?
К. И.: Нѣтъ, моя душенька.
Дѣвочка: Ну, такъ маменька васъ не будетъ любить. Вотъ Василій Ивановичъ мнѣ приноситъ каждый разъ; за то маменька его у себя цѣлуетъ.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Дѣва, отвѣдывающая водку: Какъ это мужчины пьютъ такую гадость?
Ея кузина: Пьютъ, ma cousine, пьютъ! да подчасъ такъ пьютъ!

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

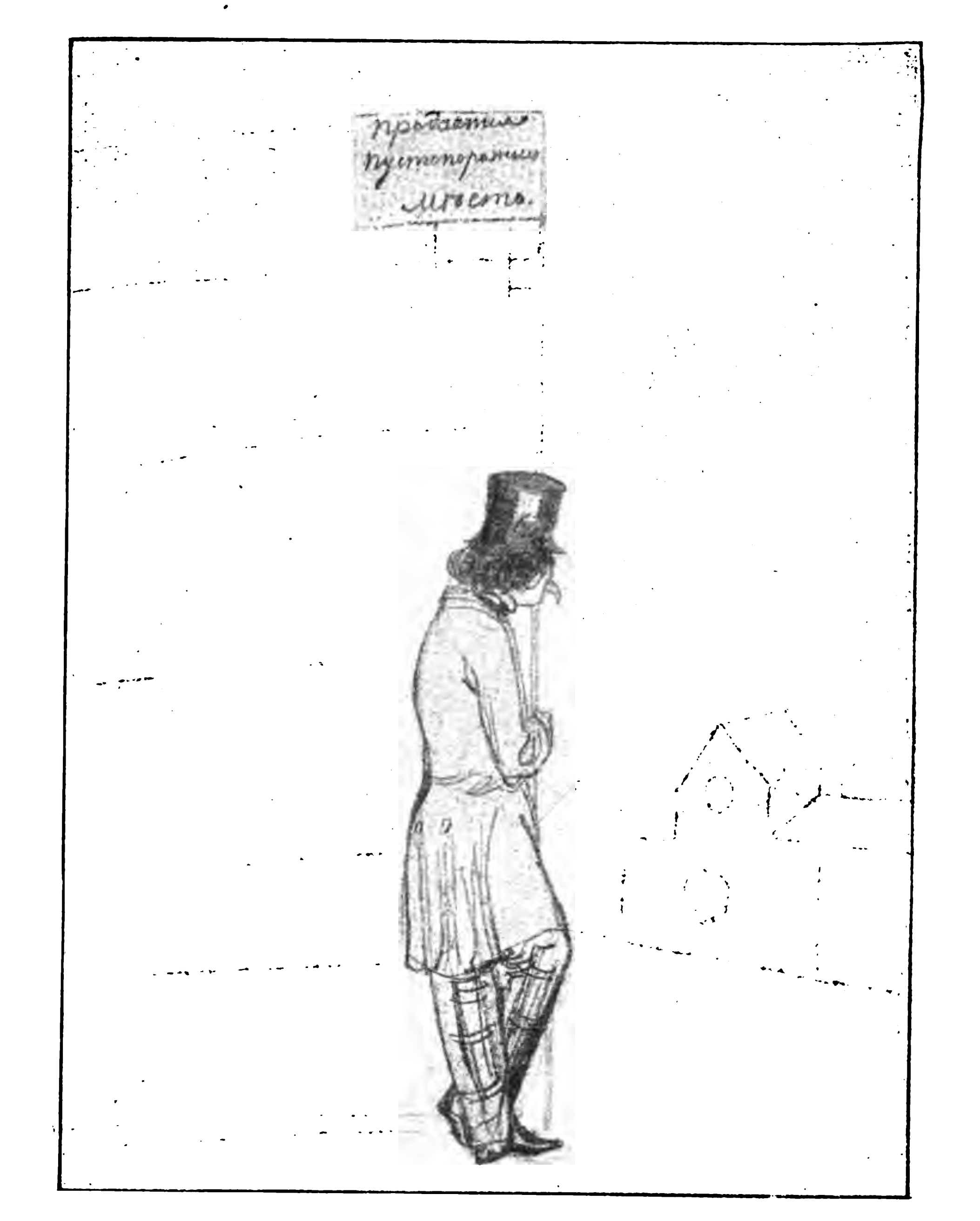
(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Одинъ партнеръ другому: «Слышишь? ругаютъ преферансъ; небойсь сплетничать лучше?»

Рисунокъ П. А. Өедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегтрова).

Продается пустопорожнее мѣсто.

Рисунокъ П. А. Өедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегтрова).

Мужъ: Полно тебѣ съ чепцами-то возиться; у дѣтей порядочныхъ рубашечекъ нѣтъ!
Жена: Дѣти сидятъ дома, а мнѣ сегодня надо на вечеръ.
Мужъ: Охъ, ты, русская барыня! Только на показъ живетъ.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

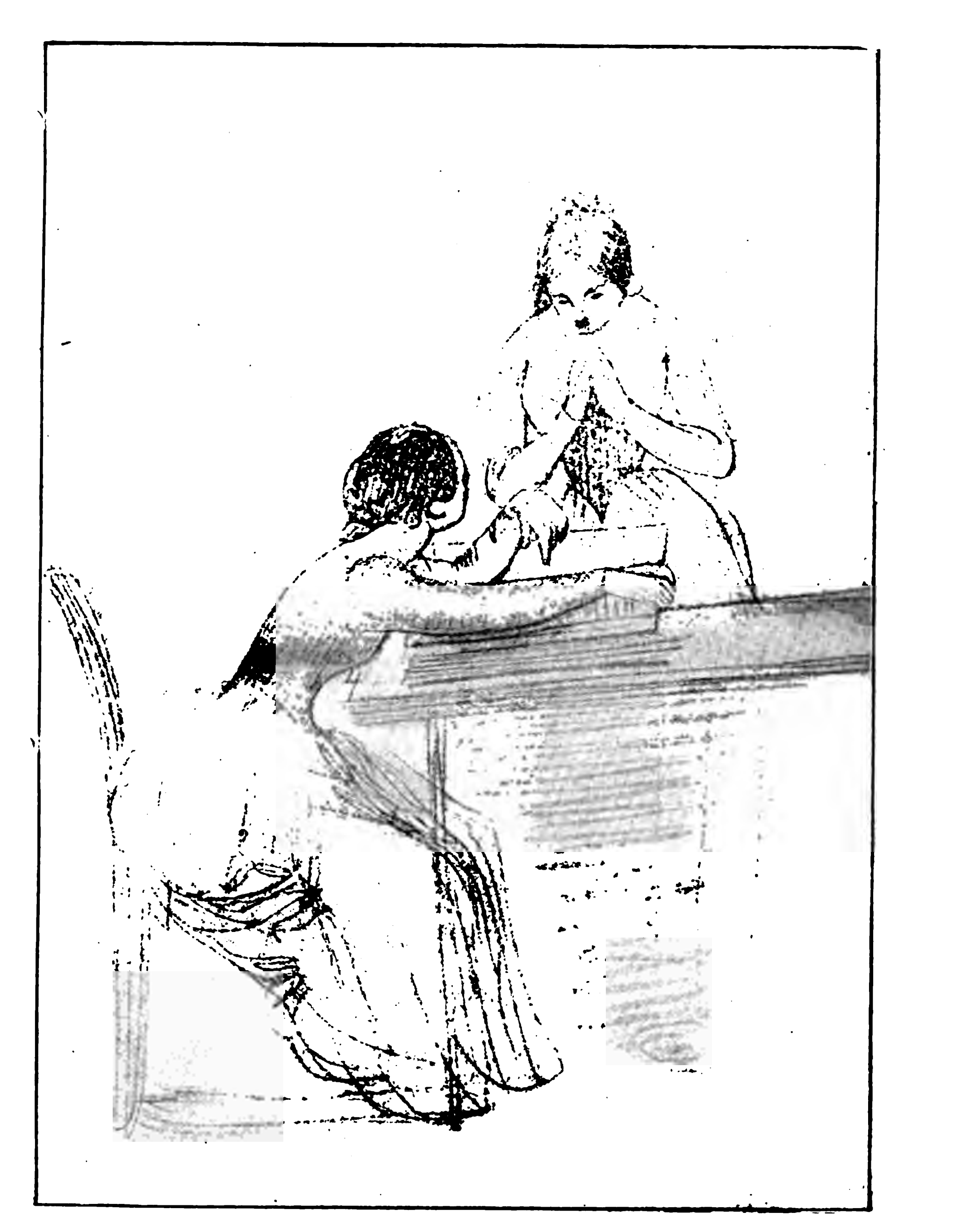
(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Мать дочери: Ты, Сашенька, не очень тамъ вертись: вѣдь юбка-то пришита на живую нитку. Долго-ль до грѣха.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

— Ахъ, ma chère, ты Четьминею читаешь?
— Да, пригодится! Нынче мужчины такіе измѣнники.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегтрова).

Служанка: Мы, сударыня, только христосовались.
Барыня: Я вамъ дамъ христосоваться до Петрова дня!

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Бегтрова).

ЛЬВИЦА

Прежде барыней была
И примѣрною слыла:
Въ рынокъ съ поваромъ ходила,
Огурцы, грибы солила
И огарки берегла.
Погуляла за границей,
Да въ Парижѣ пожила—
Возвратилась львицей.

Рисунокъ и риѳмованное его объясненіе П. А. Ѳедотова
(Изъ коллекціи А. И. Вегтрова).

«Няня! котораго ты Васю больше любишь? Меня, или брыську».
Рисунокъ П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Вегтрова).

Жена мужу: «Мы, душенька, поѣдемъ съ тобою въ маскарадъ?»
Рисунокъ П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Бегрова).

«Теперь невѣстъ сюда! Невѣстъ!»
Рисунокъ П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Бегрова).

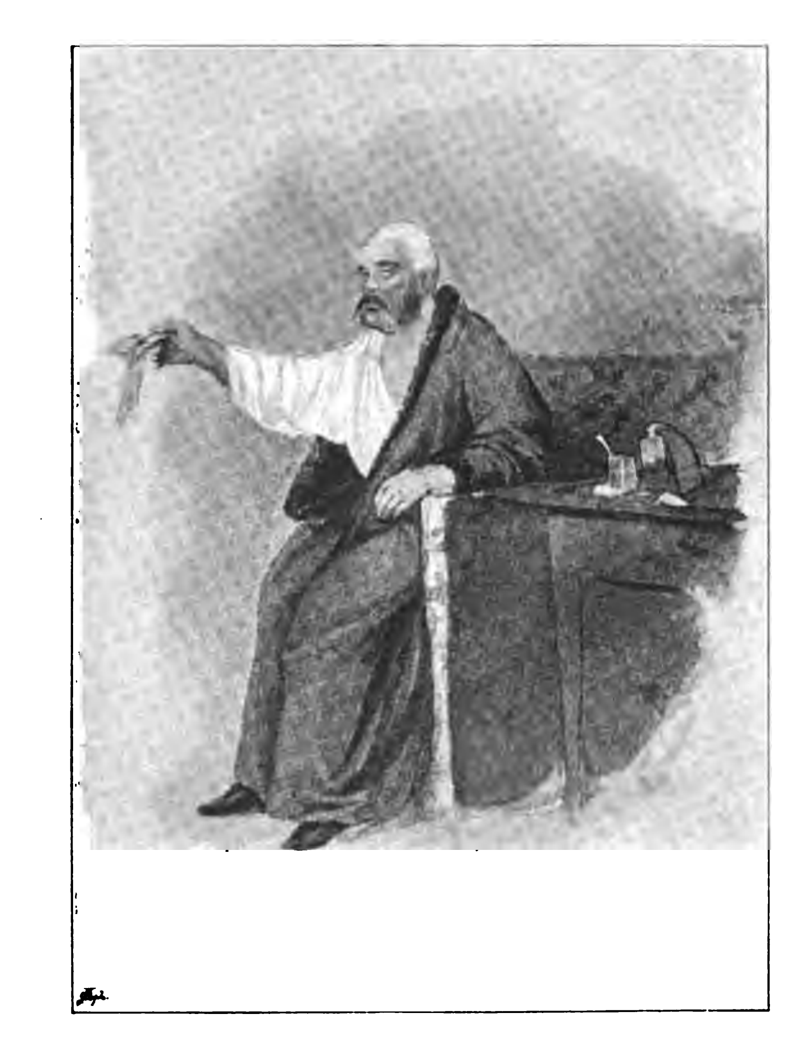
ЖИРНЫЙ ПОДМАЛЕВОКЪ.

Рисунокъ съ автографомъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Беггрова).

Дѣвочка надѣваетъ на Ѳедотова чепчикъ.
Рисунокъ П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

«САФОНЫЧЪ — НА!»
Акварель П. А. Ѳедотова (2 октября 1840 г.
(Изъ галлереи П. М. Третьякова).

МАЛЯРНОЕ ИСКУССТВО.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

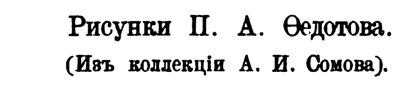
(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

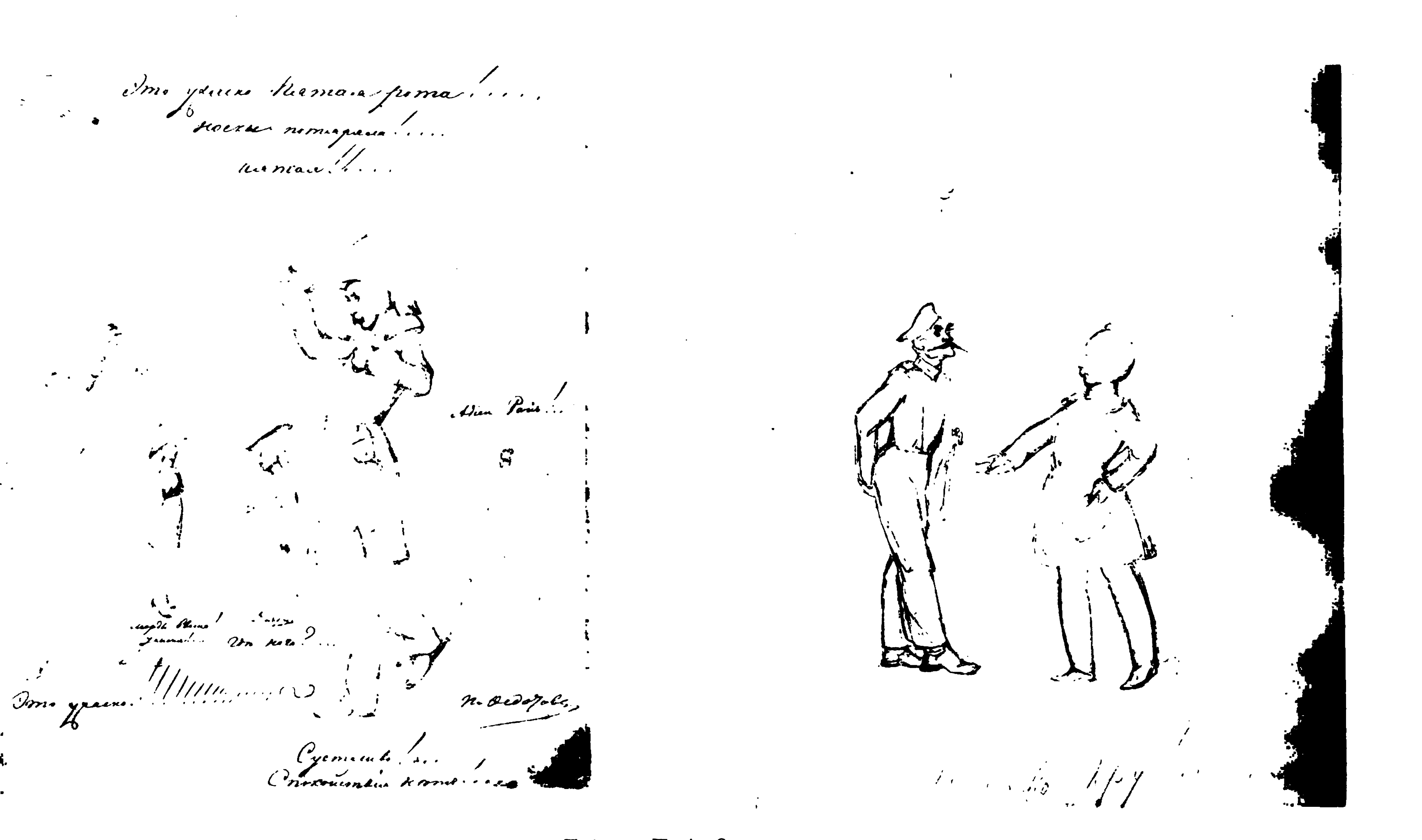
Какъ хорошо имѣть въ ротѣ портныхъ!

Встрѣча гостя.

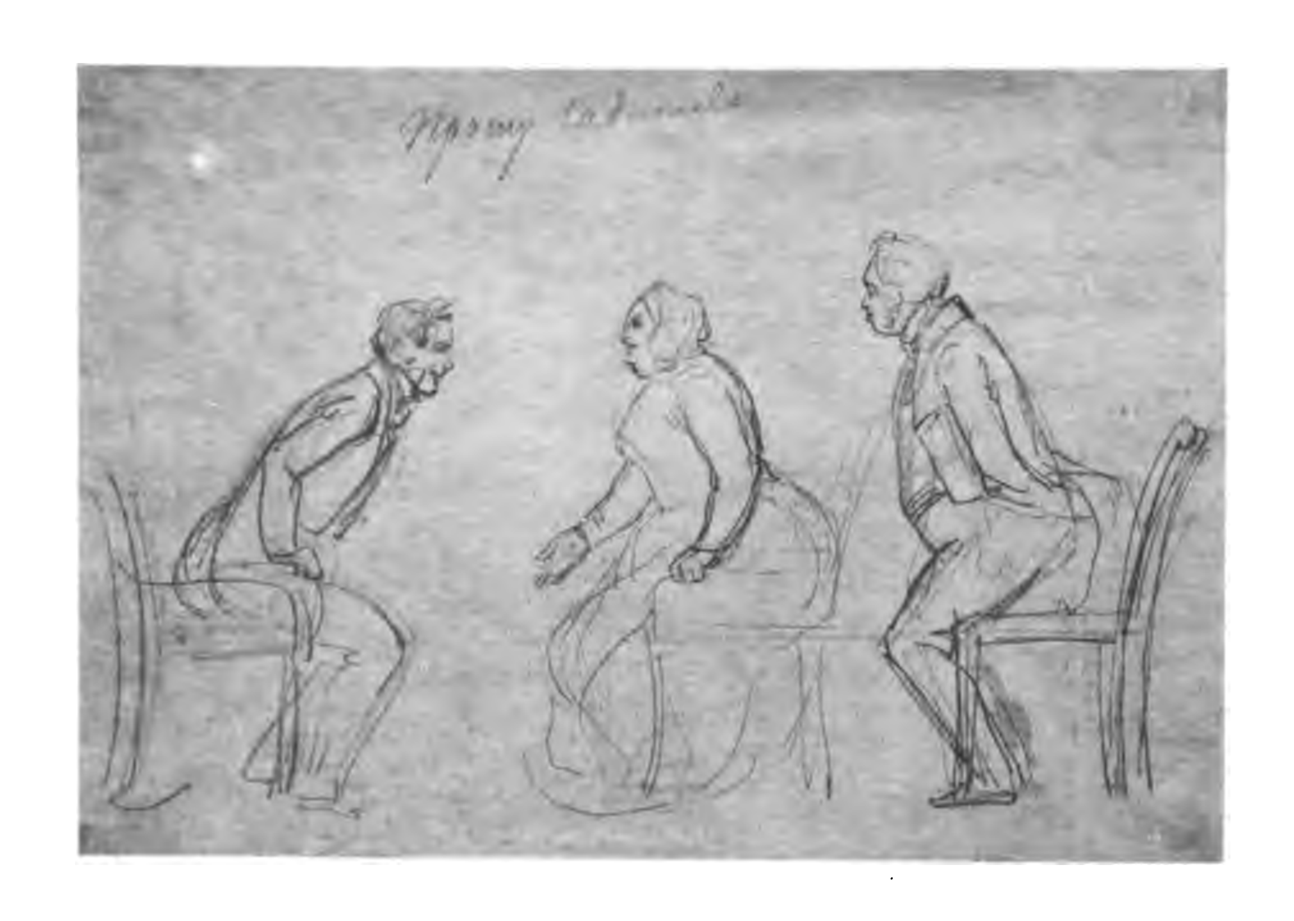
Рисунки П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

Рисунки П. А. Ѳедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

Наброски П. А. Өедотова.
(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

КАКЪ ЛЮДИ САДЯТСЯ

Рисунки П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

КАКЪ ЛЮДИ САДЯТСЯ.

Рисунокъ П. А. Ѳедотова.

(Изъ коллекціи А. И. Сомова).

Ѳ. И. БУЛГАКОВЪ

НОВЫЯ КАРТИНЫ

ПРОФЕССОРА И. К. АЙВАЗОВСКАГО

ВЫСТАВЛЕННЫЯ ВЪ ЗАЛАХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

1891 г.

ФОТОТИПИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ И. К. Айвазовскаго, его факсимиле и гравированнымъ изображеніемъ мастерской въ Ѳеодосіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1891

Фототипіи исполнены въ фототипическомъ ателье А. И. Вильборга съ фотографій, снятыхъ на выставкѣ А. К. Ержемскимъ и фотографомъ ателье спеціально для «Альбома». Портретъ профессора И. К. Айвазовскаго тамъ же отпечатанъ фототипически съ фотографіи, сдѣланной въ Константинополѣ.

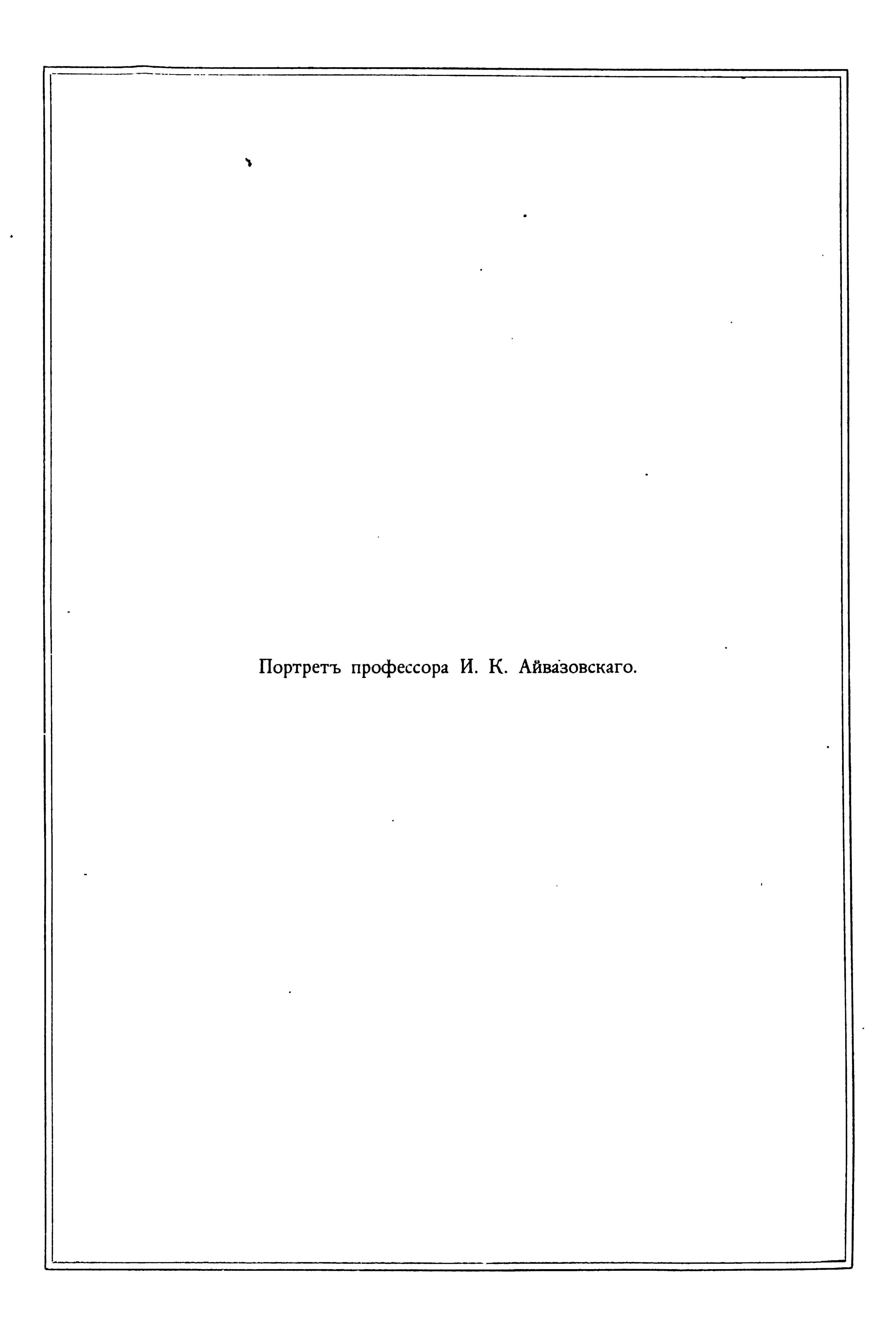
Ксилографическое изображеніе «Въ мастерской И. К. Айвазовскаго въ Өеодосіи» воспроизведено со снимка, сдѣланнаго въ Өеодосіи.

Текстъ отпечатанъ въ типографіи А. С. Суворина.

Бумага фирмы А. И. Варгунина.

Изданіе исполнено въ десять дней.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 февраля 1891 г.

Портретъ профессора И. К. Айвазовскаго.

Большинство новыхъ картинъ профессора И. К. Айвазовскаго, составившихъ особую выставку въ залахъ Академіи Художествъ (съ 22-го января по 20-е февраля), принадлежитъ къ той коллекціи произведеній нашего знаменитаго мариниста, которая экспонировалась недавно въ Парижѣ и Берлинѣ съ огромнымъ успѣхомъ. Небезъизвѣстно, что за эти картины отъ французскаго правительства И. К. получилъ командорскіе знаки ордена Почетнаго Легіона — отличіе исключительное, рѣдко достающееся не только иностраннымъ, но и французскимъ художникамъ. Около трети этой коллекціи перешло въ собственность европейскихъ любителей и ушло преимущественно въ Лондонъ. Но какъ бы взамѣнъ картинъ, оставшихся заграницей, И. К. въ короткое время успѣлъ написать болѣе десяти новыхъ. Такимъ образомъ новая выставка произведеній маститаго художника уже своей численностью превзошла всѣ его прежнія отдѣльныя выставки.

Подобныя выставки, всегда съ благотворительными цѣлями, съ 1846 г. устраивались имъ много разъ: въ 1846 г. въ Θеодосіи, Одессѣ и Петербургѣ, въ 1848 г. въ Москвѣ, въ 1849 г. въ Одессѣ, въ 1850 и 1858 г. въ Москвѣ, въ 1861, 1877, 1880, 1882, 1883, 1886 и 1887 годахъ въ Петербургѣ, въ 1886 и 1887 годахъ въ Одессѣ, Николаевѣ, Харьковѣ и Ригѣ. Но всѣ эти выставки превзойдены нынѣшней и количественно, и качественно. На ней собрано 33 новыхъ картины, написанныя въ какихъ нибудь полтора года на самые разнообразные сюжеты марины, со всевозможными эфектами освѣщенія, тогда какъ на предшествовавшихъ выставкахъ бывало отъ 10 до 22 картинъ, за единственнымъ исключеніемъ выставки 1883 г., на которой число картинъ И. К. простиралось до 30.

Въ настоящемъ изданіи помѣщено 14 наиболѣе поддающихся воспроизведенію свѣтопечатью новѣйшихъ образцовъ кисти И. К., поэтически неувядаемой и неизсякаемой, въ исполненіи все болѣе совершенствующейся и блещущей безпредѣльнымъ богатствомъ красокъ, несмотря на то, что маститый профессоръ имѣетъ за собой уже болѣе полувѣка славы.

Жизнь моря въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ воплощена въ воспроизведенныхъ картинахъ: «Послѣдняя минута на Океанѣ», превзошедшая всѣ прежнія произведенія И. К., трактовавшія трагическій элементъ морской стихіи; эфектная «Гроза на морѣ»; «Прибой въ Біаррицѣ» съ невиданнымъ еще въ нашихъ маринахъ своеобразіемъ волнъ, поэтическія — «Аргонавты у береговъ Колхиды» и «Штиль у Ялты». Изъ маринъ на историческіе сюжеты здѣсь печатаются: библейскіе— «Переходъ израильтянъ черезъ Чермное море» и «Послѣ потопа», изъ исторіи нашего флота— Черноморская эскадра на Θеодосійскомъ рейдѣ прежде и теперь, и группа эпизодовъ, иллюстрирующихъ дѣятельность главнаго командира эскадры А. А. Пещурова за послѣднее десятилѣтіе. По эфектамъ освѣщенія особенно выразительны и характерны: «Исаакіевскій соборъ въ морозный день», «Дворецъ Долма-Бахче на Босфорѣ», ночной видъ «На Мраморномъ морѣ (остатки византійскихъ башенъ)» и «Аю-Дагъ при лунномъ свѣтѣ въ Крыму».

СОДЕРЖАНІЕ

АЛЬБОМА „НОВЫЯ КАРТИНЫ“

Профессора И. К. АЙВАЗОВСКАГО

1891 г.

Послѣдняя минута на океанѣ.

Гроза на морѣ.

Исаакіевскій соборъ въ морозный день.

Переходъ Израильтянъ черезъ Чермное море.

Штиль у Ялты.

На Мраморномъ морѣ (остатки византійскихъ башенъ).

Послѣ потопа.

Аю-Дагъ при лунномъ свѣтѣ въ Крыму.

Картина, поднесенная черноморскими моряками А. А. Пещурову 30 декабря 1890 г.

Въ центрѣ: флотъ въ виду Севастополя.—Медальоны на верху: въ срединѣ—домъ главнаго командира; слѣва—Ингулъ при лунномъ свѣтѣ; справа—Адмиралтейство въ Николаевѣ.—Медальоны внизу: слѣва—первый пріѣздъ А. А. Пещурова въ 1882 г. на пароходѣ «Эльборусъ», входящемъ въ южную бухту; въ срединѣ—Севастополь съ сѣвернаго берега; справа—отъѣздъ А. А. Пещурова на «Донцѣ» изъ Севастополя.

Черноморская эскадра на Θеодосійскомъ рейдѣ до Крымской войны.

Черноморская эскадра на Θеодосійскомъ рейдѣ въ настоящее время.

Дворецъ Долма-Бахче на Босфорѣ.

Прибой въ Біаррицѣ.

Пожертвована художникомъ въ пользу проектированной въ Біаррицѣ православной церкви.

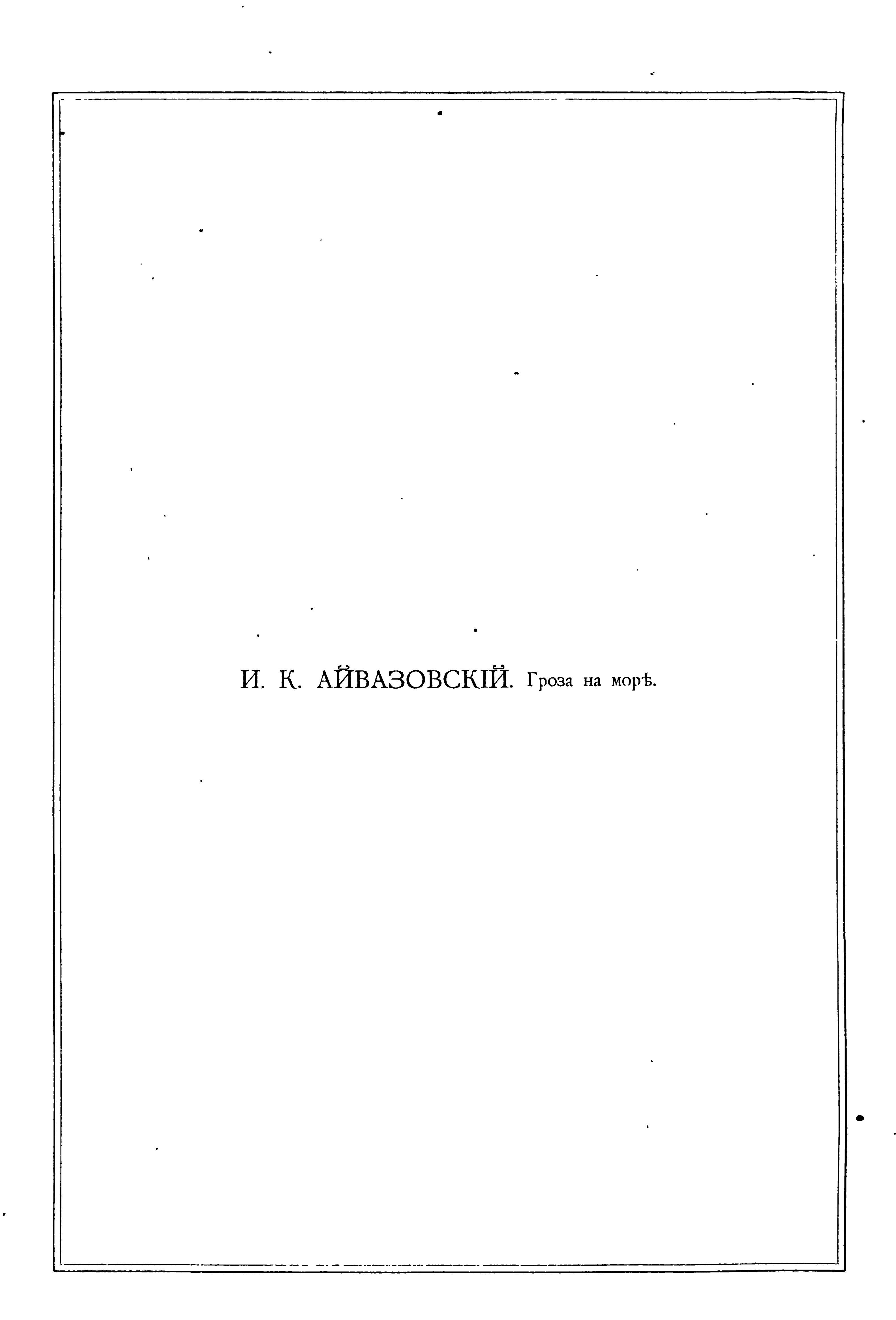
Аргонавты у береговъ Колхиды (Кавказъ).

Портретъ И. К. Айвазовскаго съ автографомъ.

„Въ мастерской И. К. Айвазовскаго въ Θеодосіи“ (на обложкѣ).

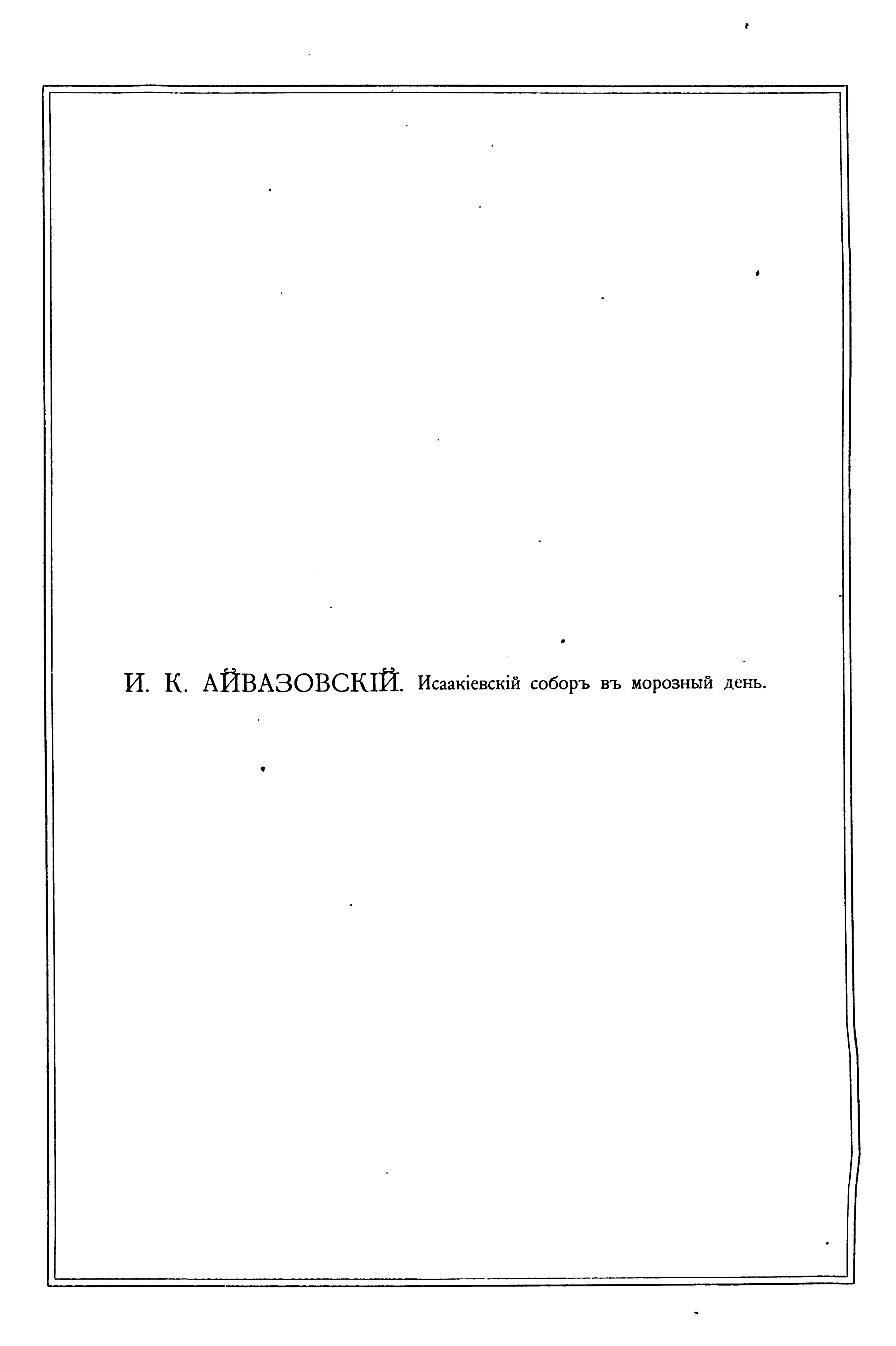
И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Послѣдняя минута на океанѣ.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Гроза на морѣ.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Исаакіевскій соборъ въ морозный день.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Переходъ Израильтянъ чрезъ Чермное море.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. На Мраморномъ морѣ (остатки византійскихъ башенъ).

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Аю-Дагъ при лунномъ свѣтѣ въ Крыму.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Картина, поднесенная черноморскими моряками А. А. Пещурову 30 декабря 1890 г.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Черноморская эскадра на Ѳеодосійскомъ рейдѣ до Крымской войны.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Черноморская эскадра на Өеодосійскомъ рейдѣ въ настоящее время.

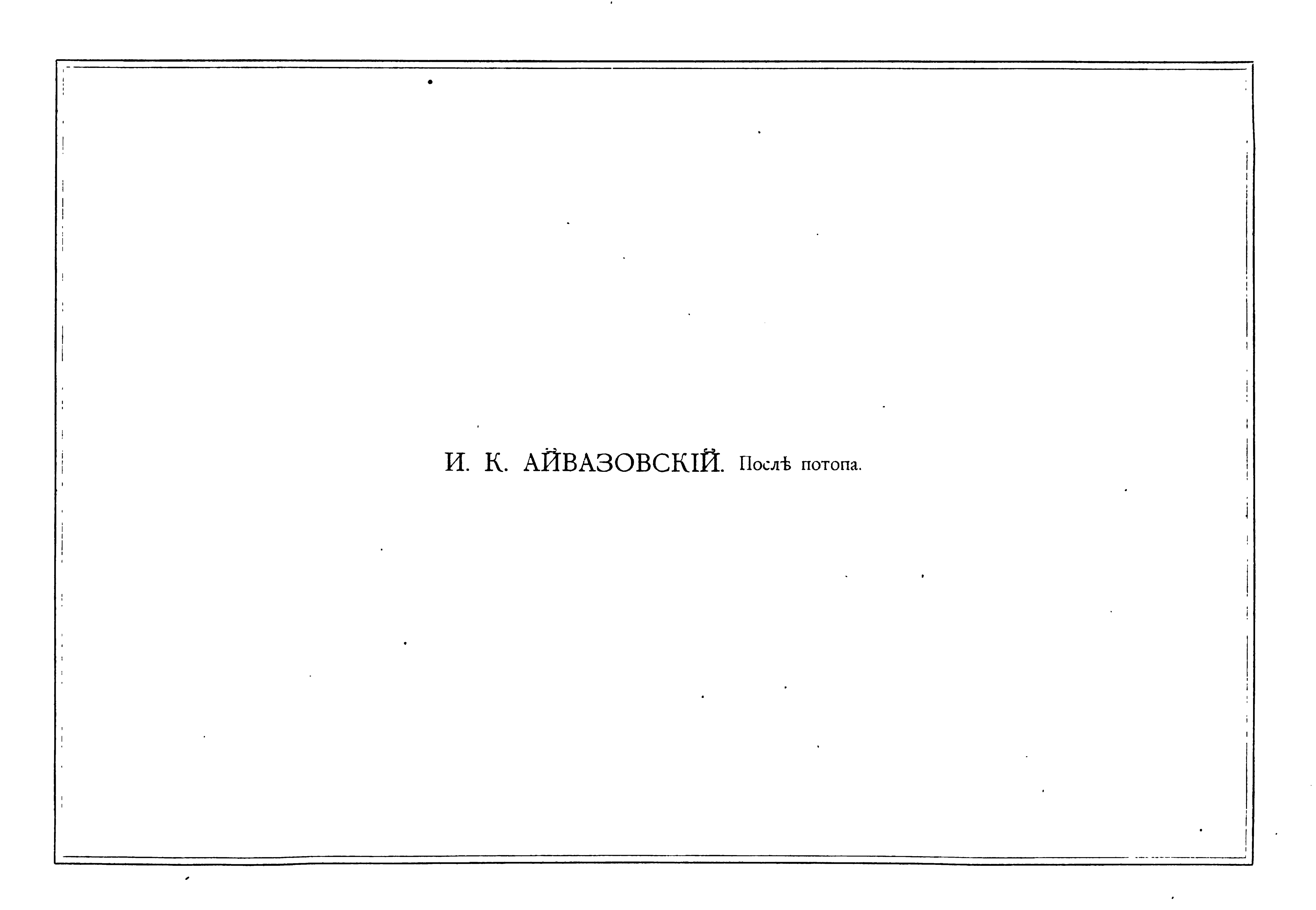

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Прибой близъ Біаррица.

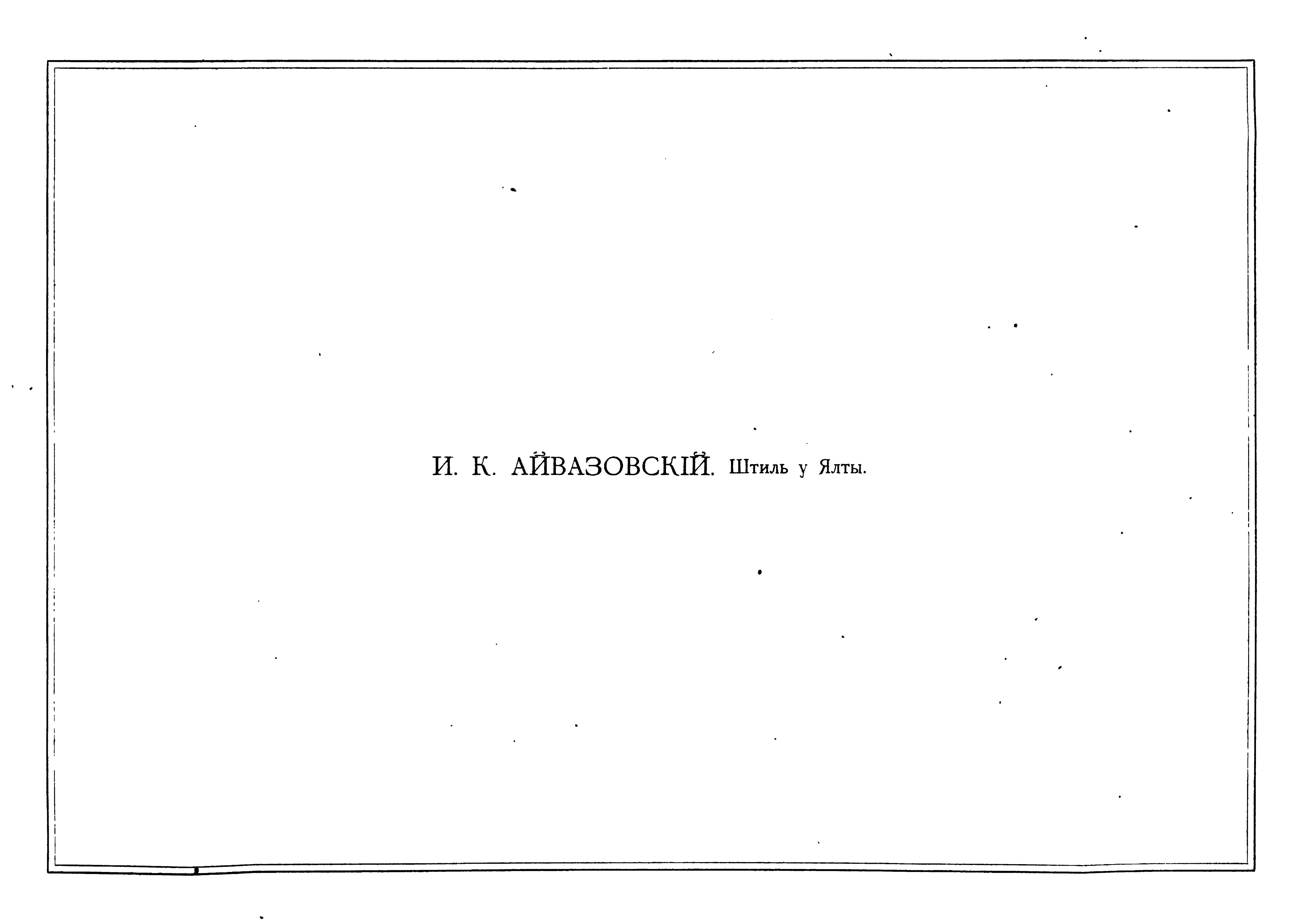
И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Аргонавты у береговъ Колхиды.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Послѣ потопа.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Штиль у Ялты.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ. Дворецъ Долма-Бахче на Босфорѣ.

Фототипія. Дрезденъ.

МАДОННА

Картина РАФАЭЛЯ.

(Сикстенская Мадонна). Дѣва Марія съ Младенцемъ на рукахъ спускается съ облаковъ, окруженная воздушными херувимами. Внизу на первомъ планѣ двѣ поясныя фигуры ангеловъ; у ногъ же Богоматери справа Св. Сикстъ, съ

Премія „Художественнаго Журнала“ 1886 г.

Фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ.

ВЗЯТІЕ БОГОМАТЕРИ НА НЕБО.

Картина Б. Э. МУРИЛЬО.

(Императорскій Эрмитажъ).

Фототипія. Дрезденъ.

МАДОННА

Картина ГОЛЬБЕЙНА

Базельскій бургомистръ Яковъ Мейеръ съ семействомъ на колѣняхъ передъ Святой Дѣвой съ Младенцемъ на рукахъ.

Фототипія Гофмана Дрезденъ

ПОКЛОНЕНІЕ ПАСТЫРЕЙ

Картина КОРРЕДЖІО

Картина, извѣстная подъ названіемъ „Корреджіевой Ночи", написана была для алтаря капеллы Св. Проспера въ Реджіо. Пріобрѣтена за 208 лиръ (75 руб.).

Премія „Художественнаго Журнала“ 1886 г. Фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ.

СВ. СЕМЕЙСТВО.

(Средняя часть картины).

Картина ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

(Императорскій Эрмитажъ).

Фототипія, Дрезденъ.

ГРѢШНИЦА ПЕРЕДЪ ХРИСТОМЪ

Картина I. М. Г. ГОФМАНЪ.

„Кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень.“ (Евангеліе Іоанна, Гл. VIII, I).

Фототипія. Дрезденъ.

ХРИСТОСЪ-ОТРОКЪ

Картина I. М. Г. ГОФМАНЪ

Фототипія. Дрезденъ.

КАЮЩАЯСЯ МАГДАЛИНА

Картина П. Дж. БАТТОНИ

Фототипія. Дрезденъ.

МОИСЕЙ.

Картина ПОЛЬ-ДЕЛАРОША.

Берегъ Нила, поросшій густымъ тростникомъ, впереди котораго на первомъ планѣ плавающая корзинка съ малюткой—Моисеемъ. (Исх. Гл. II, 2,3).

Фототипія. Дрезденъ.

ПОСѢЩЕНІЕ КОРМИЛИЦЫ

Картина Л. РИТШЕРА.

Премія „Художественнаго Журнала“ 1886 г.

Фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ.

СВ. ФРАНЦИСКЪ ПАУЛИНСКІЙ.

Картина ХОСЕ РИБЕРА.

(Императорскій Эрмитажъ).

Премія „Художественнаго Журнала“ 1885 г.
Галлерея Д. П. Боткина.

Фотографія Тиле и Опитцъ, Москва.
Фототипія Альберта, Мюнхенъ.

БЕСѢДА ІОВА СЪ ТРЕМЯ ДРУЗЬЯМИ.

Картина О. ВЕРНЕ.

Премія „Художественнаго Журнала“ 1886 г. — Фототипія Ремлера и Іонаса въ Дрезденѣ.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ АВРААМА.

Картина Г. Х. РЕЙТЕРНА.

(Императорскій Эрмитажъ).

ИГРОКИ

Картина КАРАВАДЖІО

Трое итальянскихъ солдатъ, играющихъ въ карты.